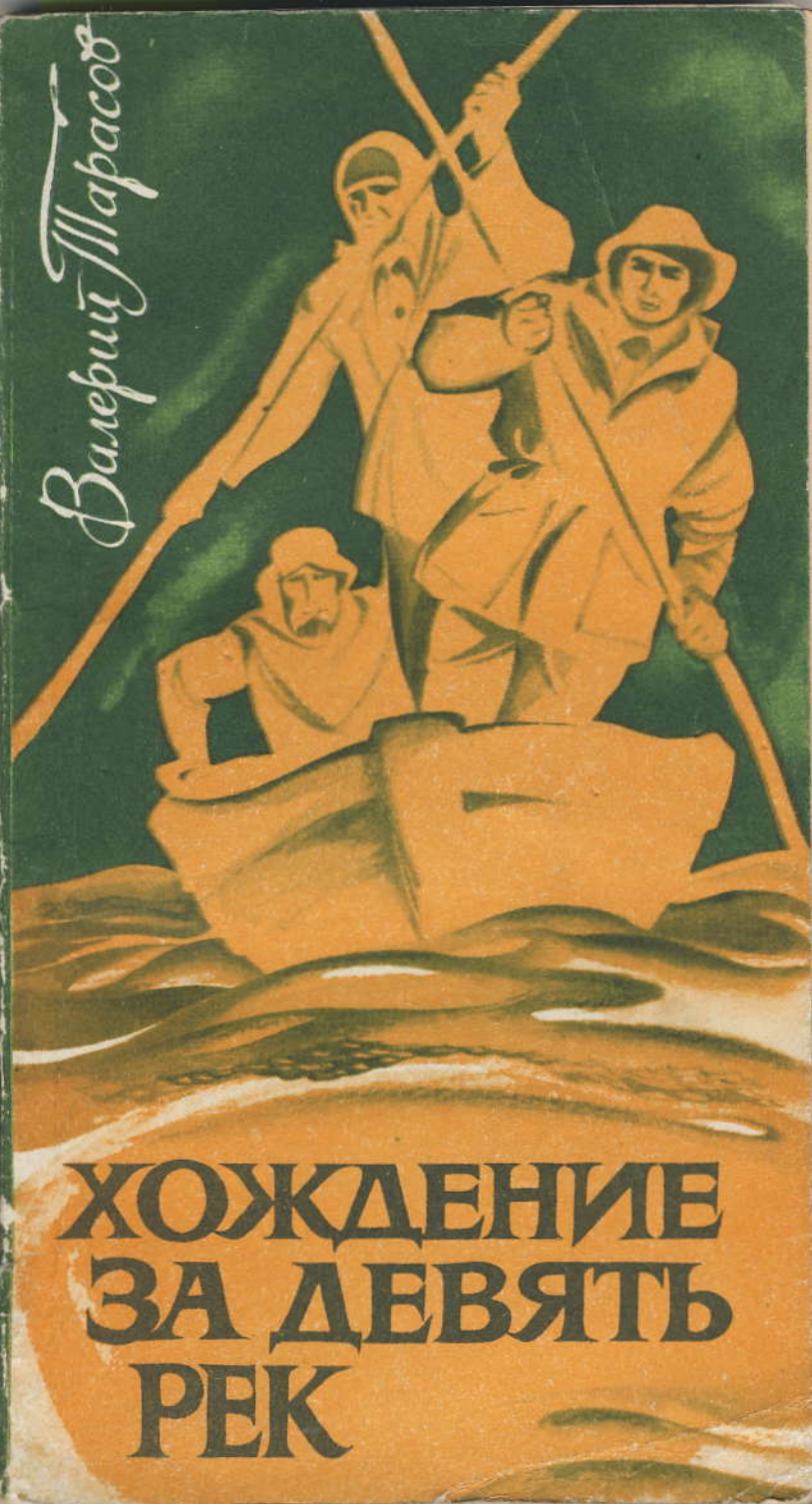

Валерий Штарасов

**ХОЖДЕНИЕ
ЗА ДЕВЯТЬ
РЕК**

Из книг
Осипова А. Н.

Валерий Тарасов
**ХОЖДЕНИЕ
ЗА ДЕВЯТЬ
РЕК**

Западно-
Сибирское
книжное
издательство
Новосибирск
1971

Из книг
Осипова А. Н.

Валерий Марасов
**ХОЖДЕНИЕ
ЗА ДЕВЯТЬ
РЕК**

Западно-
Сибирское
книжное
издательство
Новосибирск
1971

В глухой тайге и болотах стоят величественные памятники мужеству и умельству сибирских мастеров — деревянные стены шлюзов Обь-Енисейского канала.

Много испытаний ожидает путешественника, рискнувшего пройти путем первых русских землепроходцев из одной великой сибирской реки в другую. Но именно на этом пути сможет он познакомиться с прошлым и настоящим своего края, с его историей и современностью, с его неповторимой природой и замечательными людьми.

На теплоходах и моторных лодках, на деревянных расшивах и пешком по старому тракту, где и по сей день неподвластными времени часовыми стоят полосатые верстовые столбы, прошел со своими товарищами автор, журналист, действительный член Всесоюзного географического общества.

И читатель его книги невольно становится участником полного романтики и приключений путешествия по одному из интереснейших своим прошлым и настоящим уголков Сибири.

От автора

Мысль о путешествии по Обь-Енисейскому каналу овладела нами окончательно, когда мы прочли статью о нем в пожелтевшем томе энциклопедии прошлого столетия, и неотвязно преследовала нас до той поры, пока мы, до отказа набив рюкзаки, не сели в Новосибирске на сухогрузный теплоход СТ-774.

Но еще долго суждено нам было продвигаться почти на ощупь, пользуясь случайными данными и о самом маршруте, и о нынешнем состоянии канала.

Правда, перед самым отъездом в газете обских речников появилась крайне сбивчивая заметка, из которой нам удалось узнать, что в 1918 году предпринималась попытка вернуть канал к жизни, и для обследования его даже направили пароход с символическим названием «Первый», и что в помощь ему была выделена землечерпалка «Сибирская-5». Но пароход вошел в канал поздней осенью, когда вода в таежных речках уже спала. И даже несмотря на отчаянные попытки храбрецов из команды «Первого» (они сняли кожухи, разобрали гребные колеса и

шли на шестах), им так и не удалось пробиться к Енисею. В довершение всех бед ранняя зима сковала таежные реки и «Первый» вмерз в лед.

Газета «Сибирский судоходец» поместила заметку, автор которой, не вникая особенно в суть дела, не без ехидства писал: «Интересно подсчитать, в какую сумму обойдется проводка одного порожнего парохода через Обь-Енисейский канал?»

В 1921 год Наркомат путей сообщения решил на неопределенное время «законсервировать» канал (у молодой Советской республики и без него дел хватало). Большинство гидротехнических сооружений (плотины, шлюзы, водоспуски) были разобраны, а сохранившиеся в удовлетворительном состоянии дома и хозяйственные постройки перевезены в обские затоны.

Вот, пожалуй, и вся информация, которой мы располагали к началу нашего путешествия.

А много дней спустя, уже на Кети, когда от Новосибирска нас отделяло добрых полторы тысячи километров и первая кожа с нас уже облезла, лица почернели и носы облупились, встречным курсом показалась лодка, затянутая брезентовым тентом, на котором ослепительно яркими буквами было начертано: «Краснодар — Шушенское — Краснодар». Шушенское — на Енисее, и лодка шла со стороны канала. Мы радостно приветствовали парней, надеясь получить от них исчерпывающую информацию.

Кормчий вышел на берег и, продемонстрировав свою почти спортивную фигуру, прокомментировал:

— На меня посмотрите: живот был — во! А теперь в руки взять нечего.

Его спутник с унылым согласием кивал головой, высунув ее из спального мешка.

— А комар на канале... Клюв, что у коршуна, — четверо штанов насквозь!

— Медведям бы по нему пешком ходить: они к буреломам привычные, — не унимался кормчий. — Два винта на корягах оставили, у третьего — лопасть отлетела...

— Хватит, — закончил он. — Теперь до Томска, а там лодку на платформу, сами в купе, и прямой дорогой на Енисей. Чего и вам советуем.

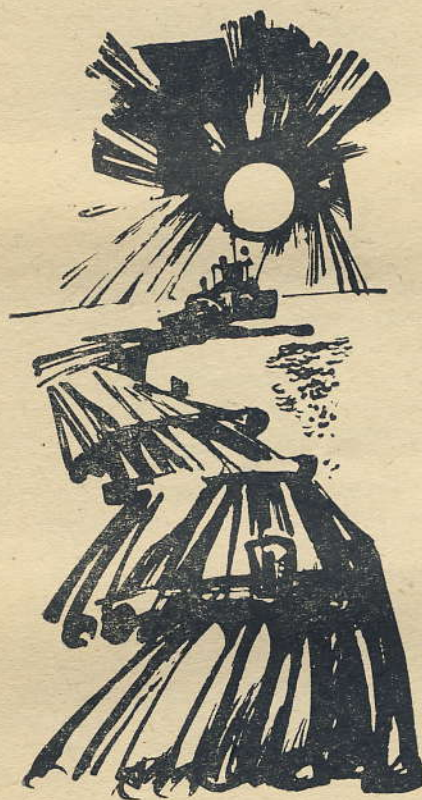
И лодка, ослепительно сверкнув на солнце надписью, понеслась дальше, а мы решили испытать судьбу...

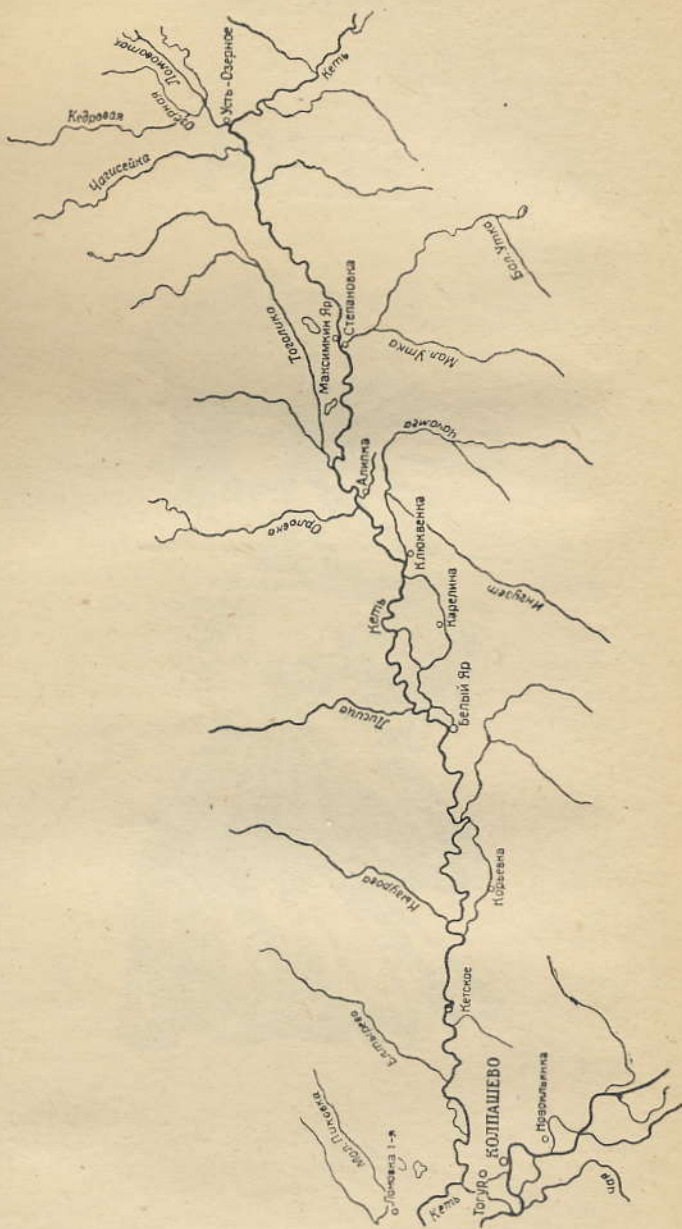
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

...Зато никакой двусмысленности, никаких недоразумений не было у него с русской рекой. На реке он оживал, и жил с ней душа в душу. Он любил свою реку, никакой другой стихии своей страны не говорил он в песне таких ласковых слов,— и было за что. При переселении река указывала ему путь... он жался к ней, на ее берегу ставил свое жилье, село или деревню. В продолжении значительной... части года она и кормила его... Она — готовая летняя и даже зимняя ледяная дорога.

В. О. Ключевский.
«Курс русской истории».

РЕКА

Глава 1

Поздним июльским вечером 1969 года началось путешествие автора этих строк и двух его спутников-иркутян прозаика Альберта Гурулева и поэта Иннокентия Новокрещенных в места, о которых в Сибири и по сей день ходит множество легенд и преданий.

Я стоял в рубке рядом с капитаном сухогрузного теплохода Виктором Алексеевичем Телегиным, отыскивал в бинокль береговые знаки и несколько раз ошибался, принимая за них то дальние огни туристских костров, то редкие огни поселков.

— Ищи самые слабые. На море маяк ни с чем не спутаешь, а наши едва разглядишь.

— Приходилось на море ходить?

— Ходить не приходилось. Война забросила. Хотел по горняцкому делу пойти, а пришлось на артиллериста учиться. В том же сорок первом и на фронт попал, в Севастополь. Помню, все удивлялся, как это моряки в темноте умудряются проводить перегруженные транспорты. А сейчас — потуши на Оби все сигнальные огни — проведу. Обь, конечно, не море — волны через рубку

не перехлестывают, но коварства в ней хватает. Вчера проходили — все в порядке, а сегодня на том же месте мель. Тяжелая река, с норомом.

Телегин сидел в кресле с высокой спинкой, а слева от него отсвечивал начищенной медью штурвал. Но руки капитана лежали на клавишах рулевого управления. И когда Телегин нажимал на клавишу, в темноте было слышно, как поворачивается шкив штурвала. Иногда капитан включал фонарик и освещал листы речного атласа-лоции. И в рассеянном свете фонаря на руке капитана выступал глубокий шрам.

— Память о Севастополе, — вздохнул он, — полтора месяца провалялся в госпитале. Залатать залатали, а из действующей списали. Так и пришел в Новосибирское речное училище в артиллерийской форме.

Он помолчал, сосредоточенно отыскивая в бинокль очередной береговой знак.

— Всю жизнь на Оби. Думал, сам могу ее историю написать, а недавно прочитал о первых землепроходцах, подумал — вот настоящие парни были! И даже приятно стало — тоже ведь свои родные ребята, речники. Первые сибирские капитаны. Знатная, выходит, у нас, у сибирских речников, династия. Вон откуда начало берет...

* * *

Стояла душная, даже на реке, июльская ночь, и по небу металась зарница. И в их ярко-розовых сполохах, как века, густо и медленно плыли тяжелые грозовые облака.

Наверное, когда-нибудь напишут историю сибирских рек. Потому что не камни, не древние развалины, не могучие курганы, а именно реки хранят в памяти и беды и радости многих поколений. Они помогали русскому человеку покорять свою огромную страну, они растили на берегах своих дере-

вья для легких стругов, они кормили и одевали первых землепроходцев, и трудно сказать, что ближе русскому человеку — сама река или земля на ее берегах.

Одинок и неудобно чувствовали себя первые капитаны сибирских рек, широкоплечие и широкогрудые парни с длинными нечесаными бородами. Суеверный страх охватывал их, когда вспыхивали на небе алые зарницы. И тогда кто-нибудь запевал протяжную песню, и песня плыла вместе с ними по неизведанной могучей реке, и зверье таежное, большое и малое, настороженно прислушивалось к незнакомым звукам, готовое в любую минуту сорваться с места и стремительно унести в тайгу. И в задымленных юртах, и в сторожевых землянках напряженно сощуривались узкие глаза, и шуршали стрелы в колчанах, и жалась в тень прибрежных зарослей легкая, стремительная обласка.

Мне кажется, я вижу, как лежат вповалку на жестком дне струга русские казаки, шальные головы, а у тесовых бортов журчит река. И тишина вокруг. Будто на тысячи верст нет ничего, кроме хмурого неба, огромной, как море, реки да горстки храбрецов.

И так плывут они до самого рассвета, когда оборвет вдруг и песню и тишину враждебный всплеск, и уронит весло крепкий гребец и станет медленно оседать, прижимая руки к груди, а между пальцев пронзительно тонкий стебелек камыша с редким оперением на конце. И в ответ оцетинятся струги коваными дулами, и далеко по реке разнесется глухое эхо, и еще одно, и еще... А когда отзвучит оно, затихнет, на реку, и на ее крутые берега, и на прибрежную тайгу снова опустится сторожкая тишина. И только серое небо ниже надвинется на смельчаков, да потревоженные птицы будут кружить над гнездами. А струги поплывут дальше от этих неприветных мест в места еще более неприветные...

* * *

— На деревянных лодках дошли русские казаки аж до Тихого океана,— словно угадав мои мысли, говорит Телегин.

— А что если по тому же пути, да на современных судах?

— Заманчиво...

— И грузы найдутся?

— Грузов и сейчас хватает. А если проложить речной путь в Восточную Сибирь к Тихому океану... Тут было бы где нашему брату разгуляться. Пока-то маршруты у нас по Новосибирской, Томской, немного по Тюменской области да Алтайскому краю. Даже на север Оби и в Иртыш выхода не имеем — там, видишь ли, другое пароходство. Вроде как другое государство. Кому нужно отправить грузы за пределы пароходства, пользуются железной дорогой или авиацией. Хоть и дороже — зато прямым путем, без перегрузок.

— Да, проблема дорог в Сибири — одна из самых острых.

— А речные пути — самые дешевые.

В «Экономической географии Сибири», выпущенной в тридцатых годах Сибкрайиздатом, упоминается об одном интересном проекте русских инженеров.

«В конце XIX века был поставлен вопрос о соединении основных водных бассейнов Сибири каналами с общим выходом через уральские речные системы в Волжско-Камский водный бассейн. Этот огромный проект, создающий сквозное движение по рекам Сибири, начиная от Тюмени и кончая Владивостоком... равнялся бы 10 900 километрам. Такой путь, безусловно, содействовал бы развитию грузооборота и давал бы возможность развить в большей мере такую отрасль хозяйства, как лесное дело. Вместе с тем, он давал бы естественный выход сибирским грузам на запад. Частично этот проект осу-

ществлен устройством канала Кеть-Касского, объединяющим системы рек Оби и Енисея...»

* * *

Навстречу и обгоняя нас бесконечным потоком шли суда, большие и малые, пассажирские и буксирные...

Виктор Алексеевич узнавал их по гудкам, как узнают по голосам близких знакомых. Каждого капитана он знал по имени и мог рассказать, откуда пришел он на Обь и сколько плавает. С одними Телегин учился когда-то в техникуме, с другими, много лет спустя, оканчивал водный институт, и они приходили к нему на стажировку.

Когда пришел Указ о награждении Телегина Виктора Алексеевича орденом Ленина, капитаны приветствовали СТ-774 торжественно-радостными гудками.

В эту навигацию Виктор Алексеевич по традиции снова набрал молодежную команду: «С ними веселее».

...Светаёт. Размытые краски летнего утра заливают реку, и скользящие по ней суда кажутся еще внушительнее. В трюмах каждого из них свободно уместился бы груз десятков стругов. Не узнали бы те первые капитаны свою реку.

А может, встал бы на крутом яру казак, заслонил глаза от солнца широкой ладонью и сказал: «Ишь какие корабли за нашими стругами увязались!»

А и впрямь пора поставить где-нибудь на высоком обском берегу отлитого из бронзы или высеченного в мраморе русского казака. И пусть стоит он на берегу великой реки и любуется на дела потомков своих. И суда большие и малые, проплывая мимо, будут салютовать гудками основателю славной династии капитанов земли сибирской.

* * *

Широко и ладно раскинулось по крутояру древнее село Колпашево. Прочно легли в стены домов стволы столетних кедров. А крыши домов, и высокие заборы, и струганные тротуары сработаны из первоклассного теса, и дороги вымощены чурками в обхват. Нынешним крупнопанельным близнецам трудно конкурировать с освященными веками промыслом русских мастеровых: у них что ни изба — фантазия и умельство. То завершат крышу фигурным коньком, то пустят по карнизу затейливую резьбу, а оконные наличники так изукрасят, что не можешь оторваться.

Идешь по улице, как по выставке народного творчества. Сколько лет этим домам? Не одно поколение колпашевцев родилось и выросло в них и успело состариться, и уже внуки, а то и правнуки сбегают по обветшалым ступеням. Кое-где дома подновляют, а чаще оставляют доживать свой век за крест-накрест забитыми дверями и окнами, и ждать своей очереди: новое крупнопанельное Колпашево наступает на старину.

Учительница местной школы Антонина Ивановна Панова дает нам адреса домов, связанных с историей Колпашево, и советует посмотреть их именно в этот приезд — многие намечены под снос и доживают последние дни.

Мало кто знает сейчас в Колпашево о тех, первых русских, кто и село это основал и дал ему имя.

Давно уж зажгли свет, а мы сидим вокруг стола и, забыв о времени, слушаем рассказы Антонины Ивановны.

— Кто же все-таки основал ваш город?

— Одни считают основателем народного героя Колпаша, бежавшего от гнета помещиков из европейской России. (Кому не хочется вести свой род от народного героя!). А по-мое-

му, все гораздо проще. В те времена русские еще только осваивали среднее течение Оби. И Первуша Колпашник, судя по всему, казачий старшина, в 1611 году ходатайствовал о закладке нового острога. Место было во всех отношениях удобное: и перекресток двух речных дорог — Кети и Оби, высокий сухой берег... А раз место удобное — острог быстро оброс пашенными крестьянами. Многие сибирские города и села ведут свою историю с того бурного и до сих пор мало изученного времени.

И я вспомнил, как замечательно описал его сибирский историк Н. М. Ядринцев в книге «Сибирь как колония», изданной в Санкт-Петербурге в 1882 году:

«В это время Сибирь представляет оживленную картину: на Севере казаки плывут в стругах и покоряют инородцев; они рассылают отряды в разные стороны и строят городки и остроги; за ними следуют промышленные люди и соболевщики. Охотники и зверовщики рассыпаются далеко впереди покоренных местностей по неведомым пустыням, ставят промышленные избушки и блокгаузы. В одном месте собирают ясак, в другом выбивают и преследуют зверя, отыскивают руды и мамонтовую кость, отбивают или меняют скот у инородцев. Создается целый промысел хмелевания, организуются соболиные и рыбные артели... Правительство и частные лица соперничают в захвате богатств».

Вот такими были эти края в те давние времена, когда на высоком яру, где встречаются две сибирские реки, основали укрепленный острог. Нетронутая тайга подходила к нему так близко, что расторопные жены поселенцев били соболя палками и коромыслами прямо около дома.

Не узнать теперь Колпашево: изменилось, похорошело старинное село — вполне современный город, хоть и далеко на севере Томской области. И кажется, ничего не осталось

в нем от тех давних времен (ведь даже самым древним его домам ну пятьдесят, ну пусть сто лет, а городу-то три с лишним века). И все-таки мы встретились с прошлым, встретились там, где меньше всего ожидали.

Кабинет директора Колпашевской судовой верфи Константина Александровича Колотовкина. Уже несколько раз мы тщетно пытаемся начать разговор: непрерывным потоком идут снабженцы, представители заказчиков, рабочие и бригадиры—некогда вздохнуть, не то что поговорить по душам.

Наконец поток посетителей приостановился, и Колотовкин достал с полки книжного шкафа лист кальки. Мы замерли... на столе лежала схема Обь-Енисейского канала. И поразила нас даже не сама схема, а то, что лежит она у делового человека не дома, в запыленной папке редкостей, а тут, в рабочем шкафу. Константин Александрович уже готовился дать пояснения, но потом предложил:

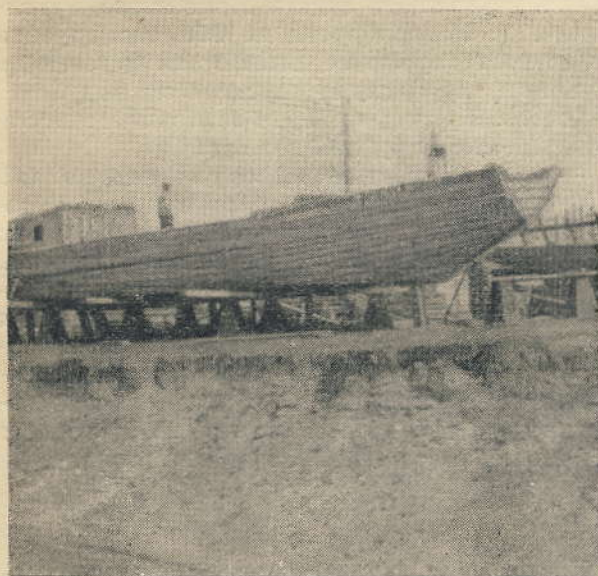
— Вначале я покажу вам нашу судовую верфь. Тогда разговор будет предметнее.

Мы вышли и оторопели от неожиданности: на рабочем дворе верфи стояли огромные белые струги.

— В самом деле похоже,— рассмеялся Колотовкин,— а я, признаться, никогда не смотрел на рыбацкие боты с исторической стороны. И впрямь как со старинных рисунков. Хотя, почему бы и не сохраниться удобным и практичным конструкциям...

Директор вел нас через новые цеха, показывал хитроумные приспособления для облегчения все еще тяжелого труда строителей малых рыболовецких судов и с особым удовольствием то и дело говорил: «Сами построили, сами придумали»... А перед глазами все стояли белые и легкие красавцы, пережившие века, и, помнится, именно тогда родилась у меня заманчивая мысль: а что если и в самом деле построить настоящий

русский струг и пройти на нем путем первых сибирских землепроходцев... Родилась и с тех пор не дает покоя. Но Константину Александровичу не до исторических экскур-

Колпашевская судовая верфь. Наверное, очень похожими на эту рыбацкую лодку были струги первых землепроходцев.

сов. Он человек сугубо деловой, и самые близкие для него проблемы связаны с верфью.

— Обидно — не можем принять и половины заказов. И знаете почему? Пока наша продукция доберется на Енисей или Ангару — стоимость перевозки превысит стоимость заказа. Теперь понятно, почему у меня схема Обь-Енисейского канала в кабинете?

— Не хотите же вы через заброшенный канал перегонять современные рыбацкие суда?

— А мы уже перегоняли.

Да, в 1964 году из Колпашево Обь-Енисейским каналом прошли шесть катеров, построенных на верфи по заказу рыбаков Восточной Сибири. Через два года снова рискнули, но вода спала слишком рано. Пришлось возвращать суда в Колпашево, буксировать до Новосибирска по Оби, там грузить на железнодорожные платформы и везти до Красноярска и снова спускать на воду. В итоге обошлись эти суда заказчикам на несколько тысяч рублей дороже.

— Теперь понимаете, зачем нам канал? При наличии прямого пути судоверфь может полностью удовлетворить запросы всех сибирских рыбаков. И не только рыбаков. К нам поступают заказы от геологов, нефтяников, от колхозов и совхозов на паромы и катера специального назначения, и если вопрос о канале поднимется на солидном экономическом совещании, я бы хотел, чтобы среди прочих заинтересованных голосов и наш скромный голос приняли во внимание.

* * *

Вечером в гостинице подводим первый итог путешествий. Кроме схемы на столе директора судоверфи да сведений, что в большую воду по каналу могут проходить рыболовецкие суда, нам так и не удалось ничего узнать по существу.

— И все-таки мы должны его пройти, хоть пешком.

— Пятьсот с лишним километров по тайге?

— Нам бы только на Кас выйти, а там соорудим плот, — мечтает Альберт, поудобнее устраиваясь на гостиничной койке. — Да закройте вы, наконец, окно: сожрали гады.

Я спешно закрываю окно, а Альберт и Иннокентий, вооружившись подручными средствами, начинают решительную атаку на комариное племя.

Возмущенные бесцеремонным обращением, насекомые поднимают злобный писк и носятся от стены к стене со скоростью реактивных истребителей.

— А что, братцы, — вносит предложение Альберт, — может, мы их дымком, махорочкой?

Набитые до размера сосисок, самокрутки тлеют с вонючим треском, и комната постепенно растворяется в плотном, едком тумане. Проходит десять... пятнадцать... двадцать минут.

Наконец мы не выдерживаем:

— Пошли на улицу, а то ненароком и задохнуться можно.

Последнее, что мы видим, — изысканно-непринужденные позы наших врагов, расположившихся по стенам и на потолке. Независимым, полным спокойной уверенности видом они, кажется, говорят: «Идите прогуляйтесь, мы можем и подождать: спать-то все равно сюда придете».

— Если они в городе так зверствуют, представляю, что нас ожидает в тайге, — вздыхает Альберт.

На улице душно и тихо. В сквере напротив гостиницы мирно пасутся несколько коровенок, и откуда-то издали доносится ленивый собачий лай...

* * *

Ранним утром мы грузимся на буксирный теплоход РТ-190. Ему предстояло толкать баржу в самые верховья Кети, и капитан (он был нашим ровесником, и мы звали его Юрой) нервничал:

— Чертова вода — за сутки упала на полметра. Если так дальше пойдет, до Кайги не добратся.

А матросы тем временем невозмутимо и старательно крепили к тупому носу «РТ» баржу с гравием.

Потом теплоход медленно разворачивался в сторону широкого плеса, и в береговой дымке смутно очерчивались порталные краны и груды бревен, а чуть в отдалении — прямоугольные штабелы теса, и у самого горизонта, на крутом взгорке, над домами, над порталными кранами и над чахлым лесом подняла свои купола церквушка.

— Тогур, — кивнул Юра в сторону берега.

Поселок все приближался, становился отчетливее, рельефнее. У берегов плотным настилом сбились бревна, и, когда накатывались волны, по настилу пробегали судороги.

* * *

Солнце стояло низко, и его лучи били в иллюминаторы по правому борту, а по левому спускалась легкая полутьма.

Я прошел на нос теплохода, а оттуда перебрался на баржу с гравием. Камни прогрелись за день и еще хранили тепло, а воздух уже посвежел, и ветерок ершил густую шевелюру тальника. Гибкая лоза склонилась к самой воде, и река задумчиво перебирала длинные тонкие листья.

«...Сия река зело тосклива, для того, что жилья по ней нет, — вспомнил я строчки из «Путешествия от Тобольска до Нерчинска и границ Китая» царского посланника Николая Спафария. — А опричь того река Кеть тоскливая и для того, что по ней ни елани, ни поля нет, только соры и озера...»

Шел 1675 год...

«Июля в 3-й день. На правой стороне зимовье томских казаков, а шли те казаки в Енисейск с хлебными запасами, и в том месте те казаки зимовали для того, что застало их время зимнее».

Интересна сама история путешествия Николая Спафария.

«В прежние лета, — говорит Ремезов в предисловии к своему знаменитому атласу Си-

бири, — преж Ермакова взятия Сибири, в лето 7085, посланы были с Москвы в Сибирь по указу великого государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси самодержца атаман Иван Петров с подъячими, и мурзы Бурнаш Ялычев со товарищи 20 человек на восток и север для проводывания соседних царств, и язык, и орд, и волостей, в каком расстоянии от Москвы и коль далеко подлегли к Московскому государству».

Петров и Ялычев добрались до столицы Китая, но, не имея с собой поминков (подарков), не были допущены до царя Тайбуна. Однако китайский властитель дал им «любительную» грамоту к царю Иоанну.

К сожалению, от первых сибирских путешественников дошли до нас только сбивчивые и противоречивые рассказы.

Царствовавший в XVII веке Алексей Михайлович поручил трудное и рискованное дело поисков дороги на Восток выходцу из Молдавии, образованному и энергичному чиновнику Николаю Спафарию.

«Путешествие» Николая Спафария едва ли не самый ранний достоверный документ о пути в Китай по сибирским рекам. И составлен он столь подробно и обстоятельно, что, при некоторых поправках на изменчивые русла, им можно пользоваться и в наши дни.

«Река Кеть и вершины ее текут издали, из степи, близь Красноярского острога, однако же от Маковского острогу вверх по ней струги великие не плавают для того, что вода живет малая. А от Маковского острогу еще три днища есть деревня русская при береге Кети, а при вершине ея живут татары, киргизы и иные».

Длина Кети не малая, потому что от устья ея, где падает в Обь, плавают вверх воды недель по шести и по семи. А из Маковского

острогу, сказывают, что до вершины ея будет плавания столько же».

Свидетельство Спафария о длительности пути до Маковского нас не очень вдохновило: как раз неподалеку от бывшего русского острога и начинался Обь-Енисейский канал. Но потом я спохватился, что Спафарий руководствовался скоростями почти трехвековой давности.

«А ширина ея, где впадает в Обь теми устьями, немалая: каждое устье будет больше Москвы-реки»...

Что верно, то верно. Трудно европейским рекам тягаться в раздолье с нашими, сибирскими!

«И глубина ея немалая от Маковского острогу, а рыбы живут всякие, потому что многия реки в нея впадают, и соры, и озера».

Это еще предстояло проверить. За триста лет рыбные ресурсы могли существенно прибавиться.

* * *

В воспоминаниях время летело незаметно, и когда я вернулся на теплоход — шла капитанская вахта.

— К родимому месту подходим, — сказал Юра.

— Куда подходим? — не понял я.

— Место тут одно хитрое есть. Прорва.

— Что за прорва? Хотя погоди, знаю: «Прорва именуется для того, что старую реку покинет и вновь потечет».

— Это по-каковски?

— По-древнерусски. Подлинное свидетельство царского посланника Николая Спафария трехсотлетней давности.

— Она и есть. Баржу уже потянуло.

— Растолкуй мне все-таки, что это за прорва?

— Чего тут мудреного: Кеть петли выписывает, что змея в последних судорогах.

—22—

Где края петли близко сходятся, в паводок река прорывается напрямую. Но потом ей силы не хватает, и она снова сходит в старое русло, оставив мелкую, но бурную протоку. А течение раздваивается. Как попадешь в такой перехлест с баржой или плотом на буксире — держись! Того гляди на медь выбросит. Вот сравнивают петли — будем гулять как по проспекту.

— Есть такой проект?

— Пока нет. Это мы с капитанами мечтаем.

Если Кеть спрямить — сократится несколько сотен километров, и не мотали б нам нервы всякие водовороты и прорвы. И плоты тогда можно длиннее делать, и баржи сильнее загружать — нам выгодно, и люди спасибо скажут.

— Интересно...

— Еще бы не интересно. Или по прямой реке грузы перевозить, или крутить их по петлям. Сколько плотов на мелях за сезон остается. Посчитал бы кто эти потери да прикинул попутно, сколько на петлях лишнего горючего сжигается, как ползут суда на самых малых скоростях, особенно когда вода начинает падать. В былые времена, рассказывают, местный житель канаву прорыл на перешейке, и Кеть новым руслом пошла, ей только чуть-чуть подсобить. Земля здесь мягкая, податливая: ни скал, ни камня...

* * *

Утром Юра поднял меня раным-рано.

— Кетское проходим.

— Где?

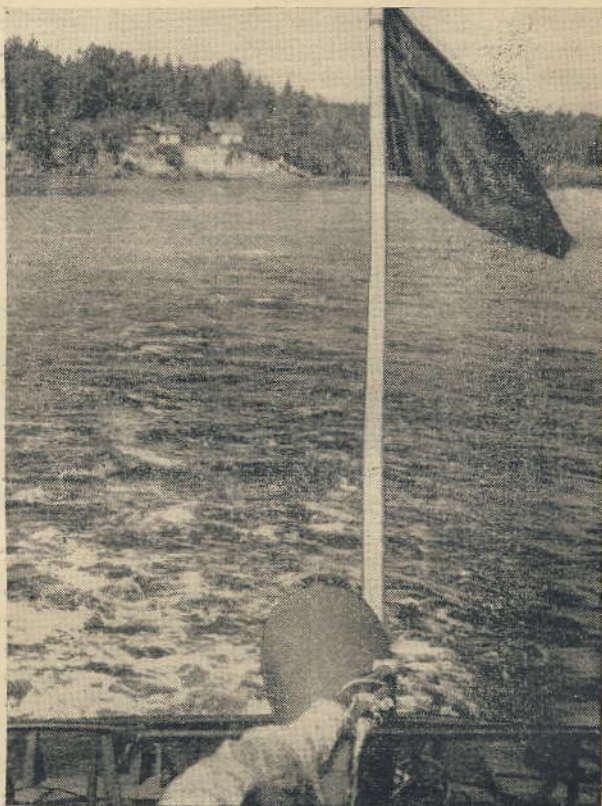
Я с интересом всматривался в берега, но ничего не видел.

— Да вон, — показал капитан в глубину широкого залива.

— Эти два домика?

— Они и есть.

—23—

Эти дома остались от некогда процветающего Кетского острога.

Плещет река у крутого берега. Вечная и спокойная, помнит она, как легкий кетский ветерок играл флагами знатных российских торговых домов. И многие из местных пашенных крестьян бросали свой исконный промысел и тоже становились людьми торговыми. Около двух десятков купцов значилось в Кетском остроге, и все они не сидели на месте, а, оставив в лавках и на складах приказных, грузили струги и плыли вглубь таежной страны.

В те давние времена каждый сибиряк был путешественником и предприимчивым добытчиком, будь то вольный казак, пашенный крестьянин или знатный воевода. Один государственный чиновник, познакомившись с Сибирью, назвал ее даже «Страной Дон-Кихотов» и «Наполеонов тайги».

И вся эта пестрая толпа «донкихотов» и «наполеонов» выплескивалась на крутом яру у Кетского острога, и кружила, и куролесила перед дальней дорогой, и в безмерных количествах закупала и муку, и порох, и другие припасы, а к острогу подходили новые баржи, доверху груженные товарами, и увозили назад в Россию легкий сибирский товар, который ценился в Европе дороже золота.

А в глухой тайге по-прежнему хозяйничали местные князьки и совершали дерзкие и беспощадные набеги. Я снова вспоминаю Николая Спафария:

«Июня в 29 день. На левой стороне Кети речка, от старой Кети 15 верст. На той же стороне городище Марково. А в том городище жили казаки, а перешли из того городища те казаки в Кецкой, для того, что остяки хотели то городище выжечь, а казаков побить».

И не только мирные поселенцы, но и вооруженные экспедиции чувствовали себя неспокойно, вступая под своды тайги.

«А на устье нижнем той протоки, как изменял Ныргей и взял государеву казну и служивых людей побил, а казну государеву полонил, и казна государева была в полону на устье нижнем той протоки в лесу с год».

И только за частоколом острога и поблизости от него чувствовали себя русские поселенцы в относительной безопасности.

«Июня 8-й день. Приехали в Кецкой острог. А Кецкой острог стоит на красном месте, по правую сторону Кети. А в Кецком дворов с 20, да церковь живоначальные тро-

ицы, да Николая чудотворца. Да на первой стороне реки Кети деревня русская Волково Кецкая от протоки верста... Да на правой стороне Кети деревня русская, от Кецкого острогу 2 версты, а в той деревне 7 дворов... Да на левой стороне Кети деревня русская. А прежде того на том месте бывали юрты летние остяка Неугы князька. А в той деревне шесть дворов, от протоки 3 версты».

Так начиналось заселение этих мест: островками под прикрытием острогов, хотя просторы вокруг были действительно необъятные.

Но несметные богатства Сибири притягивали к себе новые и новые толпы искателей счастья. Со всех сторон России шли по рекам, пробирались сквозь тайгу, через степи и горные перевалы изголодавшиеся и измученные бедностью русские люди.

Бегство крепостных крестьян в «землю обетованную» стало настолько массовым, что правительство специальным указом предписывало проникших за пограничную линию Сибири без особого на то разрешения бить кнутом всех свыше 40 лет возрастом, и плетью и батогами — кто моложе.

А народ находил новые способы проникнуть в свободный от крепостного права и обильный землями край. Многие добивались ссылки по капризу помещика или по собственной воле вдруг превращались в дезертиров и бродяг. Появился даже особый тип «непомнящего» крестьянина, забывшего вдруг свое имя и место, откуда он родом.

Неподвластная вольница увлекала и служилых людей. Посланные с поручениями, они оставались где-нибудь в глухой тайге, прельстившись обилием соболя, или оседали в тайных поселениях, обзаведясь семьей и полностью перейдя на натуральное хозяйство.

«Сибирский промысел и нажива получили свое начало в эпоху завоевания края,— пи-

шет Н. М. Ядринцев.— Грубые и бесцеремонные способы этой наживы обуславливались сначала войной и неприятельским обращением с инородцем, не изгладившимися и впоследствии: война и промысел шли здесь рядом. Отражение завоевательных воззрений и принципов можно проследить по всей истории промышленной жизни края. Самое завоевание Сибири не было плодом одного воинственного и рыцарского духа, это завоевание руководствовалось практическими целями промышленной наживы, кончившейся вымиранием целых племен в Сибири, так же как голодом и людоедством... напоминающими подобные же столкновения испанцев среди диких племен Америки».

Много повидала на своем веку река Кеть, и, может, именно о тех смутных временах разговаривала она с берегами своими, когда наш РТ-190 проходил мимо двух заброшенных домиков, оставшихся от некогда грозного оплота русских поселенцев.

* * *

За завтраком мы ели жирную, душистую уху. А когда завтрак кончился — завернули самокрутки и с наслаждением курили и разговаривали.

— С незапамятных времен Кеть рыбой славится,— мечтательно сказал Альберт,— вот бы с бредешком походить.

— Слушай, Юра,— поддержала предложение жена капитана Нина, плавающая вместе с ним,— может, и впрямь не плохо порыбачить, запасы к концу подходят.

— Раз надо, значит, надо. Быстро соберите всех свободных от вахты.

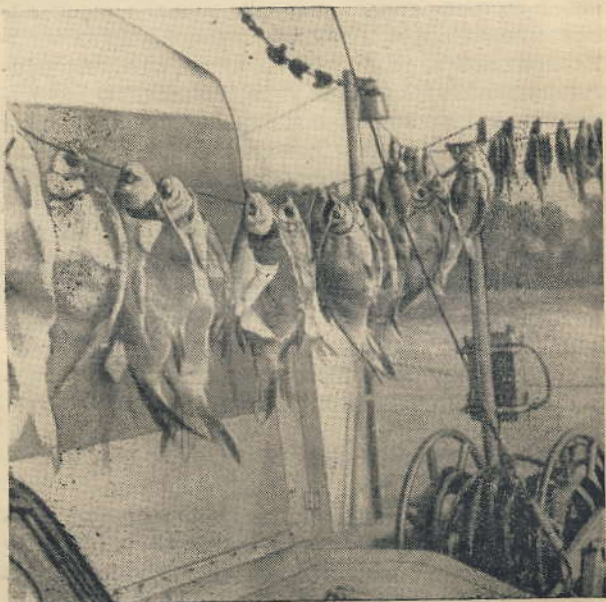
...Высокий нос баржи, цепляясь за ветки раскидистой березы, ткнулся в берег. Юрий, Нина и двое матросов сбежали по трапу. Мы поспешили присоединиться к ним. А баржа не торопясь отвалила от берега и скрылась

за поворотом. Мы недоуменно посмотрели на Юрия:

— Куда это они?

— Кеть делает очередную петлю. Пока «РТ» ее обойдет, успеем и порыбачить, и уху сварить.

После удачной рыбалки.

И мы пошли к ближайшему озеру. Оно плескалось в свежем ветерке, совсем недалеко от берега, и было похоже скорее на большую круглую старицу. Но когда мы разделись в высокой траве и под аккомпанемент голодного и радостного комариного писка полезли в воду, оказалось, что со дна бьют ключи.

Альберт и Юрий оставались на берегу, я заводил через залив веревку, а Иннокентий придерживал конец бредня. Ноги вязли в ледяном илистом дне. Я взял веревку и по-

плыл. Сверху вода теплая, и плыть было приятно, но ближе к берегу пошли сплошные водоросли, и скользкие холодные стебли, как щупальца, цеплялись за тело.

Бредень оказался длинным и перегородил весь заливчик, и мы тянули его, шагая босиком по острой береговой осоке.

Вытащили бредень в конце залива. Он весь залеплен илом и водорослями, и в грязно-зеленой каше — серебряная мелочь мальков и несколько чебаков и окуней.

— «Первый раз закинули невод — пришел невод с травой морской».

Мальки летят в воду и во все лопатки удирают на глубину, а несколько рыбин покрупнее попадают Нине в мешок.

— Не получилось, — огорчается Юрий. — Попробуем в другом месте.

Теперь Иннокентий отчаянно молотил руками и ногами по воде, сгоняя рыбу в бредень. Метров через сто пятьдесят мы вытянули с полведра жирных окуней и столько же рыбы помельче.

— Хватит, — сказал Юрий и блаженно растянулся на берегу.

Прошло уже около двух часов с тех пор, как мы покинули «РТ», а он не подавал никаких признаков жизни.

— Рыбы-то, рыбы сколько, — мечтательно вздохнул Иннокентий.

— Где это ты ее увидел?

— Посмотри в воду.

Небольшой заливчик действительно кишел мальками. Они плавали густыми стайками прямо около берега, кидаясь в сторону от собственного неосторожного всплеска. Были тут представители и благородного семейства язей, и плотва, и ерши, но больше всего поразило нас, что тут же, вместе со всем честным младенчеством, резвились щурята. Они вели себя мирно и вполне пристойно, хоть и были побольше и постремительнее остальных.

И вдруг!.. Вот это мирные детки! Два щуренка не торопясь подплыли друг к другу, и, видно, к несчастью одного, у второго при взгляде на упитанного собрата разыгрался аппетит, и пасть сама по себе раскрылась. Голова одного щуренка исчезла в пасти другого, но добыча оказалась не по росту. Щуренок отчаянно глотал, но хвост друга детства упорно торчал из его пасти. Так он и уплыл от берега с торчащим из пасти хвостом.

...Мы сидели с Юрой на берегу и разговаривали о рыбе и о рыбалке.

— Благодатные места. Жаль, далеко от берега отойти не можем: там и рыбы и ягод видимо-невидимо. Такое богатство пропадает! Говорят, во время войны ее отсюда тысячами тонн вывозили. А сейчас на всей Кети ни одной рыболовецкой артели.

— Видно, артели нерентабельными оказались?

— Не знаю, что это за артель, если в наших краях без дохода останется. Женщины все лето и осень мешками ягоду таскают и грибы, а мужчины — что ни рыбалка — лодки с краями полны.

— Места знать надо...

— Кто же говорит, что не надо. Артель-то набрать из местных. Заинтересовать их, выделить лучшие места. Глядишь, и дело пойдет. Только и делают, что лес рубят. А может, на месте этого леспромхоза выгоднее поселок, вроде Кедрогора, поставить.

— Без леспромхозов тоже нельзя.

— Разве я против леспромхозов. Но в былые времена здешняя тайга целые народы кормила и одевала, а с тех пор она если и стала беднее, так только по нашей милости. В Центральной России сплошные заповедники. Там, значит, нужно охранять природу, а в Сибири вроде ни к чему.

— Дойдут руки и до наших мест.

— Поздно б не было...

***

Несколько минут спустя мы с Ниной уже сортируем рыбу на предмет ухи и жаркого.

Тихая, неторопливая Нина пользуется на теплоходе особым уважением. Я никогда не видел, чтобы она распоряжалась или использовала власть единственной и довольно симпатичной женщины в мужском коллективе. Говорит всегда осторожно и тихо, словно боясь обидеть собеседника лишним словом. И старается угодить всем ребятам.

Помню, я удивился, что на камбузе РТ-190 не значится дежурных.

— А зачем? — объяснила Нина. — Если надо помочь, попрошу любого, свободного от вахты.

— Не надоедает с весны до осени на воде?

— А мне с Юрой всегда интересно, что зимой, что летом. Зимой у Юры институт: чертежи, конспекты. Я хоть и давно училась, а отставать не хочется: ему тогда неинтересно со мной будет. Математику или специальные дисциплины мне не осилить, а вот черчение... Я ему чертить помогаю. Интересно! Вроде и сама в институте учусь. Мы здесь на теплоходе занимаемся. В январе у нас сессия.

Нина так и сказала «у нас сессия».

...Вечером прощальный ужин. На сковороде под зеленым луком наш улов. Чемпионы съедают по 40—60 штук, обычные любители — 20—30.

Ужин получился на славу, и никому не хотелось расходиться. И тогда стали вспоминать сибирские песни. У Нины голос звонкий, чистый, у Юры глуховатый, а песни они любят, и получалось красиво.

Глава 2

Так вот ты какой, Белый Яр! Раздвигая в стороны деревянные домики, растет современный поселок, и на одном конце его еще

принимает гостей покосившаяся чайная, а километрах в пяти от нее, в самом центре, строится из бетона и стекла великолепное кафе, над приземистыми крышами поднялся широкоэкранный кинотеатр «Юность». Все это — современное и архаичное — утопает в зелени множества тополиных аллей, садов, садилов и скверов. И тут же — огромное болото. Давно хотят белоярцы избавиться от него; но для этого нужно отгородить болото от Кети, а такое дело поселку пока не под силу.

В большую воду болото — прекрасная стоянка для лодок, а лодку имеет каждый уважающий себя рыбак, а рыбак непременно есть в каждой семье, живет ли она в старинном деревянном доме или новом, многоквартирном, со всеми удобствами и с балконом, откуда открывается панорама заливных лугов. Летом на луга белоярцы отвозят домашнюю живность, и рано по утрам, и поздно вечером гудит река от моторов и, вся иссеченная волнами и бурунами, несет потом эти лодки назад, под крутой и до боли в глазах блестящий берег из чистого речного песка и белой глины. От этого яра и взял поселок свое название, и на нем встали его первые дома, и только потом, прогибаясь в распадах под тяжестью длинных улиц, стал теснить он от берега и тайгу, и болота.

Ровно год назад пытался я попасть в Белый Яр сухопутным путем из небольшого городка Томской области — Асино, через тайгу и болота вдоль трассы будущей железной дороги. У Асино с железной дорогой связано строительство крупнейшего в Сибири деревообрабатывающего комплекса, на долю Белого Яра, центра единственного в округе специализированного лесодобывающего района, «выпала честь» снабжать комплекс сырьем, стать перевалочной базой.

В свое время раздавались голоса за размещение комбината в Белом Яре: во-первых,

отпадает необходимость строительства едва ли не самой дорогой из всех существующих в стране железных дорог, а во-вторых, и это тоже немаловажно для глухих районов Сибири, построенный по последнему слову науки, техники и промышленной эстетики комбинат помог бы культурному развитию колоссального по своим размерам и почти безлюдного района.

Побродив около часа по раскисшим от недавнего дождя улицам, мы наконец расположились втроем в одноместном «люксе», безропотно оплатив тройную стоимость тесного, но устланного ковром, украшенного трюмо и обшарпанным шифоньером изобретения предприимчивых райкомхозовцев.

Утром нас разбудили вопли под окном.

— Кого там режут, — недовольно ворчит Альберт, выглядывает в окно и хохочет. — Ей-богу, душевная картина!

Крики за окном усилились, и мы повскакивали с постелей. Картина была действительно колоритная. Дежурная толстым прутком охаживала пестрого теленка, а тот с детским упорством продолжал жевать листики молоденьких посадок гостиничного скверика.

— У-у-у, треклятый, — громко и напевно выкрикивала дежурная, мочала свой прут о бока теленка, — чтоб тебя...

Наконец теленок не выдержал бурного натиска и, замычав обиженно и громко, ретировался за ограду.

От созерцания утренней баталии нас отвлек высокий светловолосый парень.

— Залесов, — отрекомендовался он, — заместитель редактора районной газеты. — Говорят, у вас есть книги про Обь-Енисейский канал.

До чего ж быстро разносятся вести! Мы не успели проснуться, а он уже знал не только о нашем приезде, но и о книгах, которые я, несмотря на протесты спутников, продолжал тащить в своем рюкзаке.

— Я давно занимаюсь историей канала,— сказал Залесов,— если хотите, сегодня вечером можно собраться у меня и обменяться информацией.

На этот день у нас намечена встреча в райкоме партии.

Секретарь Верхнекетского райкома партии Федор Алексеевич Давыдов оказался на редкость интересным рассказчиком.

Почти не глядя на карту, Давыдов обводил карандашом огромные лесные массивы и говорил, что здесь миллионы кубометров первоклассного леса, и только невероятно трудная доставка его сдерживает открытие новых леспромхозов, и действующий Обь-Енисейский канал дал бы леспромхозам десятки тысяч рублей экономии.

Потом повернулся к нам и без видимого перехода вдруг сказал:

— Вот вы говорили — в народе вспоминают рыболовецкие артели. А ведь эта проблема тоже связана с каналом. Были они у нас, но после войны заглохло дело: слишком бедна Кеть промысловой рыбой. В войну-то всякая мелочь сходилась, а сейчас консервы из обычной речной рыбы не пользуются спросом. Стерлядь, осетрина — это другое дело. Развести ее в промысловых количествах?.. Для этого нужно осветлить воду. Как? Путь единственный — разбавить мутную Кеть прозрачной енисейской водой.

— Енисейской?!

— В теории ничего мудреного: «подпереть» Енисей, направить часть его воды в Большой Кас, в Малый Кас, а оттуда по каналу в Кеть. Уровень Енисея выше Кети, и, если восстановить канал (конечно, применительно к современным требованиям речного судоходства) и «привязать» Осиновскую ГЭС недалеко от устья Каса (есть такой проект), ее плотина поднимет уровень Енисея и повернет часть воды через канал в Кеть.

Федор Алексеевич снова подошел к карте.

— Вот он, наш Верхнекетский район. Огромный...

Да, поистине огромная территория растилась перед нами. Огромная и... пустая. Только по Кети да по двум-трем ее притокам — редкие точки поселков. А чем дальше от Кети, тем их все меньше и меньше, и на карте сплошная зелень лесов, испещренная частыми пунктирами болот.

— Сколько торфа! — говорит Федор Алексеевич, показывая на пунктиры. — Сколько гибнет прекрасных земель! Осушить бы эти болота — какие урожаи получить можно.

— Значит, освоить болота под пашню?

— Не только... Мы часто говорим о восстановлении тайги, особенно в нашем лесопромышленном районе, а болота мешают. Пробовали осушать, да разве осилишь. Тут государственные масштабы нужны. А выгода безусловная. Во-первых — торф, во-вторых — организовать на лесных массивах артели по добыче ягод, грибов и других даров тайги и, в-третьих, — первоклассные леса — отличное место для заповедника с ценными породами зверя. А осушение болот можно совместить с улучшением русла Кети. Вот тогда заживем!

И вместе с Федором Алексеевичем мы уже видели, как на карте появляются новые точки лесных городов и поселков и в эти поселки съезжаются молодые ученые, инженеры, лесостроители, звероводы...

Мы стояли у карты района и мечтали, забыв, что нам предстоит пробираться по нему именно сейчас, а не спустя несколько лет, когда осуществляются мечты секретаря райкома. Но он сам вернул нас к реальности.

— А как вы думаете пробираться по каналу?

— Честно говоря, пока не знаем, — признались мы. — До Усть-Озерного можно на попутных судах, а там попробуем нанять лодку.

— Вы так и района не увидите. А у нас есть что посмотреть.

Федор Алексеевич задумался.

— Вот что. Оставайтесь у нас на денек-другой. И обязательно побывайте в редакции и познакомьтесь с Залесовым. Он у нас председатель общества по охране памятников истории и культуры.

— Мы уже знакомы.

— И отлично.

— Знаете, Федор Алексеевич, у нас появилась одна идея: хотим сманить Залесова с нами на канал. Он и район хорошо знает...

— ...и лодка у него есть,— улыбнулся Давыдов.

Наша хитрость была разоблачена.

— Ладно, попробуйте. Лишний раз редакционному работнику проехать по району не помешает.

Мы вышли из райкома и тут же направились к Залесову.

— Где это вы пропадали? — встретил нас Геннадий.

— Были у Давыдова. — И мы рассказали ему весь разговор с секретарем райкома.

— Заманчивая идея. На канал я давно собираюсь, все случая не представлялось.

— Значит, будем считать вопрос решенным?

— В принципе, да.

***

Мы провели у Залесова весь вечер. Стол ломился от таежных угощений, маринованных, соленых, вареных, копченых... Помню, я пошутил, что ему незачем ходить в магазин: тайга прокормит:

— Если бы только меня,— оживился Геннадий.— Она весь район прокормить может.

— ...Мясом и экзотическими закусками. Но без хлеба насущного, без фруктов и овощей долго не протянешь.

— Овощи у нас на огородах растут. И хлеб можно свой иметь. Какие, бывало, урожаи снимали!

Потом, перечитав множество книг по истории этих мест, я обратил внимание на одну любопытную деталь: все, начиная со Спафария, говорят о земледелии в районе Кети.

Вот небольшая выдержка из Сибирской Советской энциклопедии: «В 1719 году в нем (в Кетском остроге.— В. Т.) числилось 93 дома. Жители занимались охотой, скотоводством, земледелием (сеяли озимую пшеницу, рожь, ячмень, лен)...»

Первые поселенцы этих мест прежде всего были землепашцами.

«Главную основу колонизации на Востоке составляло земледельческое население, усеявшее край деревнями; без него бы казенная колонизация не имела поддержки и стерлась бы... как право на землю, очерченное ремнем воловьей шкуры... Истинная основа жизни должна была лечь, когда в землю завоеванных стран упало первое хлебное зерно завоевателя».

Это снова Ядринцев. Вот уже в который раз я перечитываю его замечательную книгу «Сибирь как колония», написанную к трехсотлетию юбилею присоединения гигантского края к России, и каждый раз не перестаю восхищаться образностью и точностью языка и смелостью исторического мышления русского ученого.

Да, на долю сибирского крестьянина выпала самая тяжелая и самая незаметная работа, и на нее ушли не годы, а века упорного до иступления, кропотливого труда. Природная предприимчивость сибирского крестьянина заставляла его быть мастером на все руки. Он становился то ямщиком, то охотником, то рыбаком, то проводником многочисленных экспедиций.

Каждая крестьянская семья собственными силами и средствами удовлетворяла свои по-

требности в одежде, обуви, посуде, мебели, средствах передвижения: делались шубы из овчины, кожаные «бродни», ткались холсты и пестряди, грубая ткань из овечьей шерсти (шабурина), готовились свечи («маканцы»), столы, скамьи, колеса, сани, телеги... А пытливый ум крестьянина искал все новых и новых занятий, и занятия эти усложнялись, и русский крестьянин, наконец-то почувствовав себя человеком, впитывает и передает окружающим все самое передовое — от моды на одежду и книг до промышленных идей.

«Не менее интересна и другая миссия, принятая на себя сибирской крестьянской общиной, это — ассимиляция новоселов, — замечает Н. М. Ядринцев. — Откуда бы ни были новоселы, они подвергаются от местного населения непрерывной критике и иронии, сопровождаемым и положительными советами, как поступить на сибирской почве, как пахать землю, какие сделать уступки ее девственности, насколько и когда быть благосклонным к бродягам и когда жестоким, наконец, даже советами, как говорить, не возбуждая смеха».

Потом, позже, из наиболее предприимчивых и изворотливых крестьян выйдут крупные купцы, золотопромышленники, фабриканты и заводчики. Но это будет много лет спустя, когда прокатится по всей Сибири лихорадка наживы и предпринимательства.

И в памятнике покорителям земли сибирской (воздвигнут же его когда-нибудь потомки!) рядом с фигурой казака должна стоять жилистая фигура крестьянина... И мне хочется подойти и поклониться ему, поклониться низко в пояс, как испокон веку кланялись у нас на Руси самым почетным людям.

* * *

Саша категорически отказался «опошлять» свою элегантную «Обь» потрепанными

рюкзаками, и я устроился на них в носу редакционной «Казанки», а Иннокентий и Альберт, закинув ногу на ногу, небрежно развалились на удобных прогулочных скамейках «Оби».

Моторы воют на все сорок восемь лошадиных сил, и лодки, несмотря на загрузку, стелются по воде, высоко задрав свои носы.

А тайга подступает все ближе, в хмуром усилии сдавив реку бугристыми корнями, и когда лодки «пролетают» близко к берегу, низкая густая крона тайги совсем закрывает солнце, и оттуда, из чащи, обдает холодным сырым дыханием. Но река, поднатужившись, отбрасывает тайгу и снова вырывается на залитый солнцем простор, и млеет под теплыми лучами.

Итак, мы вышли на последнюю финишную прямую. За ней — канал.

Кроме Залесова с редакционной «Казанкой» к нашей экспедиции (не без помощи Геннадия, конечно) присоединился механик Белоярского леспромхоза Александр Тимофеев с новенькой «Обью». Теперь нас пятеро.

Лодки надежные, моторы опробованы педантичным и придирчивым механиком. К тому же впереди несколько поселков леспромхозов с ремонтными мастерскими.

Да, в тот первый день после Белого Яра погода и наше настроение были одинаково прекрасными.

— Не устал? — как можно равнодушнее спросил я у Залесова, — давай смену на моторе...

Подвесными моторами я «заразился» несколько лет назад на Алдане.

На этой сумасшедшей реке капитан нашей двухлодочной флотилии Николай Трофимович Колесов и начальник экспедиции Валентин Гончаров взяли надо мной шефство. Под руководством капитана я осваивал материальную часть, а Валентин учил основам навигации и искусству носиться с бешеной ско-

ростью по реке в любую погоду и в любое время суток. За несколько недель я получил хорошую практику и освоил начатки виртуозности. И теперь, стоит мне увидеть на реке лодку, как я ловлю себя на непреодолимом желании снова почувствовать ребристую ручку мотора и вывести ее на полный газ, чтоб ветер свистел в ушах и корма проседала ниже собственных бурунов.

— Попробуй, — сказал Геннадий, — только «Вихрь» не «Москва», силенок побольше, и в управлении посложнее.

Залесов сбросил газ до самого малого, и я перебрался на его место.

Странно. Ручка управления не поддавалась привычному легкому усилию. Я подумал, что это от маленькой скорости, и стал прибавлять газ. Нет, в самом деле тяжело. Я дал полные обороты, и лодка легла в рискованный вираж.

— Эй-ей, поосторожнее, — заволновался Геннадий, — переворачиваться пока рано.

Я независимо стиснул зубы и начал заводить мотор (после виража он-таки заглох).

— Смотри, на полном газу не заводи, — лодку из-под ног вырвет.

Это было тоже новым после общения с «Москвой», и я незаметно бросил взгляд на указатель газа. Он стоял на отметке «полный», и я понял, что с этой «игрушкой» нужно держать ухо востро.

И все-таки он очень тяжел в управлении, этот «Вихрь». Даже когда мы ходили по Алдану под двумя моторами «Москва», у меня так не уставали руки. Но у «Вихря» было другое, самое главное преимущество — мощность (ах, если бы совместить ее с легкостью управления!).

Человек привыкает ко всему. Постепенно покорился и «Вихрь». Я подбросил газку — ничего, запел ровнее, и из рук вырывался уже не столь ретиво. И тогда я снова вывел ручку на «полный».

Сашина лодка удрала далеко вперед, и тут я вспомнил о «хитрости» алданского капитана. Саша вел свою «Обь» точно по фарватеру, по стреже, и, естественно, терял в ско-

На Кети. Чтобы на такой скорости обогнать лодку, нужен точный расчет.

рости. Лодка не баржа и не буксир, прикинул я, значит, можно держаться красных бакенов: для «Казанки» глубины около них вполне достаточно.

Постепенно мы сошлись настолько, что я увидел недоуменное лицо Александра. Но ему достаточно было взгляда, чтобы разгадать хитрость и тут же перестроиться. Теперь мы были на равных, плюс явное превосходство ходовых качеств «Оби», плюс преимущество первого выбирать оптимально короткий путь, оставив на долю заднего покор-

но плестись за кормой или выписывать замысловатые зигзаги, проигрывая в расстоянии.

Но нас с Геннадием «заело», и я выбрал самый рискованный вариант. Прицелившись носом лодки в корму Сашиной «Оби», я вывел ручку мотора в самое крайнее положение. «Казанка» присела, как необъезженный жеребец, и понеслась. Ветер резал лицо, и волны обеих лодок схлестывались с такой силой, что брызги посеребренной радугой сыпались за нами.

Я поднял палец и вставил его в рот. Геннадий понял, прикурил и протянул мне сигарету. Я слишком легко зацепил ее губами, и она полетела за борт, опустившись в воду метров за двадцать позади лодки. Геннадий прикурил вторую.

Мы неслись на предельных оборотах, и я видел, как распласталась на воде Сашина лодка. Широкая и плоская, она прекрасно держалась на сумасшедшей скорости, выставив по бокам для устойчивости овальные открылки. «Казанке» с ее углогообразной формой приходилось труднее, и она мелко дрожала. Достаточно было чуть завалить руль и... Я на момент представил ее последний вираж и постарался больше о нем не думать.

А расстояние между нами все сокращалось. Первая лодка принимала на себя основной удар встречного течения и пробивала нам дорогу в речной целине.

Мы почти касались Сашиного мотора, когда он что-то крикнул Альберту и Иннокентию. Ребята сбросили парусившие штормовики и пригнулись к самому носу лодки. «Обь» рванулась, но Геннадий тоже пригнулся, и мы снова «повисли» у них на корме.

Ближе... Ближе... Чуть выигрываем в скорости... Но, чтобы обогнать, нужно выскочить на волну от первой лодки и пройти по ее скату, завалив «Казанку» почти под сорок пять

градусов. Я взглянул на Геннадия. Опыленный азартом гонки, он махнул рукой и, перекрывая рев двух моторов, крикнул: — Да-ва-ай!

Руль чуть на себя. «Казанка», как на трекке, заваливаясь все больше и больше на бок, выскакивает на скат... Неуверенно скользит по нему, готовая в любую минуту перевернуться... Отпускаю буквально на миллиметры ручку мотора... Ага, зависла на самом гребешке волны... Последнее, едва заметное даже для меня движение... Острый нос зависает над водяным валом... Толчок... еще толчок... Выбираемся... Снова летим вниз... боком падаем с волны... «Держись!» — ору то ли себе, то ли Геннадию. Но лодка выпрямляется! Рядом с нашим бортом — борт Сашиной лодки.

Уф, пронесло! Выдержала «Казаночка!» Теперь нам с тобой никакие волны не страшны! Теперь я знаю, что и под «Вихрем» ты можешь прыгать через речные препятствия и стойко держаться на волне. Мне нужна эта уверенность. Нужна в самом начале пути, чтобы потом, в самых сложных и вынужденно рискованных ситуациях, быть уверенным и в моторе, и в лодке. Саша не рискнул повторить обходный маневр и отошел к другому берегу, и теперь мы неслись параллельными курсами по обе стороны реки.

Геннадий протянул мне зажженную сигарету. Мы с наслаждением курили, и по нашим лицам гуляли улыбки победителей.

* * *

А по берегам непроходимой стеной стояла тайга, и, чем дальше от Белого Яра, тем она становилась сумрачнее и неприветливей.

И вдруг за очередным поворотом мы увидели ее поверженной. Вдоль голого берега беспорядочно и жалко громоздились бревна, и

вода покрыта толстым и грязным слоем корья.

— Клюквенка, — сказал Геннадий, — Ингузетский леспромхоз.

— А где поселок?

— Километров за пять от берега. Здесь весной все заливают...

— Э-ге-гей! — кричит Геннадий на берег и машет рукой.

Нас замечают, и тронувшийся было автобус останавливается.

Сразу от реки начинается болото, и автобус пробирается по двум рядам сланей. Слева береговой обрыв низвергается прямо в реку, справа и между сланями — затянута ряской тряпина. Импровизированная дорога повидала виды, и кое-где бревна разошлись или угрожающе оцетинились, и нужен поистине высокий класс и привычка, чтобы вывести по ним и тяжелый автобус, и длинные грузовые лесовозы.

— Сейчас терпимо, — говорит шофер, — весной худо: река поднимается, заливают дорогу. Того гляди, улетишь под берег или в болото по самую кабину рюхнешься...

Нет, не просто уступает тайга свои владения. Начатая много веков назад, борьба человека с сибирской природой продолжается. И она не стала легче с тех пор для тех, кто обживает ее, заготавливает лес, строит поселки.

Зато как должно быть здорово увидеть потом строителям среди тайги свой поселок. Увидеть, как носится по гладкоструганым тротуарам беззаботная ребятня с облупившимися носами...

* * *

Посещение поселков леспромхозов, кроме познавательного, имело для нас и чисто практический интерес: это единственные центры вдоль Кети с большими бензохранилищами.

И снова лодки стелятся по воде, и за кормой в бурунах и брызгах остаются новые и новые километры великого сибирского речного пути. Сколько их еще впереди — самых трудных и самых интересных километров,

Вот такие сланевые дороги ведут к поселку леспромхоза.

потому что впереди Обь-Енисейский канал... или то, что от него осталось.

Ехать ночью по незнакомой реке — дело не самое разумное, да к тому ж на голодный желудок. И мы пристали к берегу. Он был сырой, покатым и весь усеян корягами и камнями.

Ладно, поужинаем здесь, а потом отыщем место для ночлега — решили мы.

После короткого производственного совещания постановили: в первую очередь пустить в дело двухкилограммовые банки ту-

шенки и гречку: быстро, сытно, сбивает вес с рюкзаков, и, наконец, нет никакого смысла тащить в тайгу консервированное мясо, когда у нас есть ружье и удочки.

Не помню уж сейчас, кто был первым шеф-поваром перехода. Кажется, в тот вечер эту почетную обязанность взяли на себя все сразу. И каша получилась несколько пересоленной, но от нее все равно ничего не осталось.

Потом мы долго лежали у костра и котелок за котелком уничтожали чай. Он пах костром и тайгой и был особенно вкусным после пересоленного ужина.

В ту, первую, ночь мы разбили лагерь на песке.

Пески на таежных реках совсем не то, что понимают под этим словом горожане. Узкая или широкая полоска пляжа — это не пески. Вот если пляж врежется в реку широким мысом, тогда это и место для рыбалки, и ориентир, и мера расстояния.

- Далеко рыбачили?
- За четыре песка отсюда.
- А до поселка долго ехать?
- Песков семь, однако.

И все понятно. До хорошей рыбалки или до поселка нужно проехать соответственно четыре или семь песчаных мысов.

На песках не растет даже трава, и днем на солнце они блестят ослепительной желтизной, а ночью тускло мерцают в свете луны.

* * *

Утром мы заехали в одну из самых глухих протоков. На берегу ее среди лесов и болот затерялся поселок Алипка. Мы подъехали вместе с рыбаками. Они выходили на берег, ссутулившись под тяжелыми от богатого улова заплечными берестяными туесами.

Геннадий узнал среди рыбаков Андриана Афанасьевича Делицина.

В тот день мы были его гостями и очевидцами редкой сцены. Андриана Афанасьевича встретил сосед, совсем древний старик, и торжественно вручил ему «пальму» — длин-

Поселок Алипка.

ную палку с острым ножом на конце. Они долго и многословно объяснялись друг с другом, и пальма осталась у Делицина.

В руках местного охотника пальма — грозное оружие. С ней он идет на медведя и побеждает. Чаще всего побеждает.

Процесс охоты прост. Медведь, прежде чем напасть, становится на дыбы. Охотник кидает ему какой-нибудь предмет. На момент зверь отвлечен, и именно этот момент единственный и решающий, чтобы молниеносно броситься вперед и вонзить пальму в сердце сильного и проворного зверя. Малейший про-

счет, малейшая неточность, и человеку придется дорого расплачиваться.

Но та пальма, что осталась у Делицина, была сделана небрежно и непрочно.

Вся жизнь в Алипке неразрывно связана с рекой.

— Разве с такой пойдешь на медведя? — усомнились мы.

— Однако, помирать собрался. В могилу класть надо.

— Зачем она ему на том свете?

— Пищу добывать. Такое есть поверие у нас, что на том свете жизнь продолжается.

— Тем более, прочную надо: не на одну охоту рассчитана.

— Однако, медведь на том свете слабый. Только дух медведя. Зачем охотиться на духа с крепкой пальмой! Такая хорошо будет.

В тот день мы долго слушали увлекательные рассказы Андриана Афанасьевича. Он

водил нас к древним курганам, показывал остатки карамо — жилищ местного населения. Но к этой встрече и к рассказам Делицина мы вернемся в следующей главе, когда наши лодки останутся под крутым яром, на котором стояло некогда богатое поселение князька Максимки, и мы увидим богатыйрский курган, на котором жил сам Максимка. Тогда и рассказы Андриана Афанасьевича, и древняя земля древнего народа, и его история, и сегодняшняя жизнь сольются для нас вместе и станут еще одной страницей повести о кетском крае.

А пока снова вернемся на Кеть.

* * *

Река вздымается крутыми бурунами, а на встречу идут буксирные катера и тащат круглобокие плоты. И наши лодки взлетают на высокие волны.

Мы обгоняем буксиры, которые тащат баржи с домашним скарбом и скотом: едут на новые места переселенцы.

Счастливого плавания по древнему сибирскому речному тракту! Счастливой жизни на гостеприимной и богатой земле!

Я беру руль на себя, круто поворачиваю к берегу и выключаю мотор. Песок шуршит по дюралевому днищу.

— Что за остановка? — спрашивается Саша, с удовольствием разминаясь на горячем песке.

— Решили откусать пицци господней, что в реке плавает.

— Рыбалка! — оживляется Альберт и лезет в рюкзак за снастью.

— На что ловить будем? — осведомляется Иннокентий.

— Сейчас червячка поищем, — не отрываясь от рюкзака, почти напеваает Альберт, — в той рожице ох и жирный червяк должен быть! У рыбы слюнки потекут!

...Но рыба не реагировала ни на жирных червей, ни на красочные приманки Сашиного спиннинга. Не клевала и все тут.

— Что ж это делается, братцы, — почти взмолился Альберт, — неужто придется на берегу реки варить консервы?

И только мы с Кешей хладнокровно и безнадежно закидывали удочки (куда уж нам, дилетантам, когда у записных рыболовов не клюет).

И пока остальные выбирали рыбные места, пока искали оптимальную точку лова, мы экспериментировали с наживкой, просто так, спортивного интереса ради.

Сначала на меня сел паут. Я прихлопнул его и отдал Кеше: «Попробуй». Потом большая синяя стрекоза... Потом пестренький овод... Другая стрекоза — маленькая, желтая...

— Есть одна!

Кеша снял с крючка небольшого подъязка.

— Снова на желтую?

— Рискнем.

Кеша снял с крючка вторую рыбку.

— Давай еще.

Кеша снял третью рыбку.

Желтые стрекозы — хитрые и юркие. Я попытался сбивать их на лету рубашкой — пустое: в самый последний момент они успевали увернуться, и рубашка сочно шлепалась в жидкую береговую грязь.

— Давай наживу! — кричит мне Иннокентий.

А поди поймай наживу, когда она такая верткая.

Но у человека огромное преимущество перед летающими, ползающими и бегающими. Человеку дан разум. «Зачем растрчивать силы на всех стрекоз сразу, — прикинул я. — Нужно изучить их тактику и охотиться за каждой в отдельности, методично преследуя и отесняя от травы, где стрекоза прекрасно маскировалась».

Дело пошло быстрее, и я приносил Кеше сразу по несколько стрекоз, и каждая награждала нас рыбиной.

— Как дела? — снисходительно бросил Альберт и вдруг оторопел, увидев, что наш котелок полон рыбы.

— Ты бы хоть освободил котелок, чем без толку по берегу шататься, — выдергивая очередную рыбку, небрежно бросил Иннокентий.

Это было уж слишком. Альберт сверкнул взглядом и с остервенением стал кидать удочку неподалеку от нас. Но... дело было не в месте, а в стрекозах.

И тогда Иннокентий нанес последний, сокрушающий удар:

— Разжег бы лучше костер...

Альберт рванул леску, и на песок шлепнулся крючок с нетронутым червяком. Плюнув с досады, он поплелся собирать сушняк. Мы молча и торжественно переглянулись с Иннокентием, и я с удвоенной энергией принялся за опустошение стрекозиноного племени.

...Разгоряченный погоней, я несколько раз перепрыгнул через какую-то коряжку на берегу. Моя очередная стрекоза села на нее передохнуть после бешеной гонки, и я уже замахнулся рубашкой, как вдруг коряга зашевелилась. Я отскочил тройным прыжком, очень близким к всесоюзному рекорду, а коряга свернулась в кольцо, и над кольцом покачивалась голова с раздвоенным языком.

— Змея! — истошно заорал я.

Ребята кинулись на выручку, решив, что змея уже заглотила меня или намеревается это сделать в самое ближайшее время.

— Где? — первым, запыхавшись, прибежал Геннадий, выломав на ходу гибкий прут.

— Вон.

— От, я ее сейчас!

— Подожди, давай сфотографируем на память.

— Отличная идея. Ты бери фотоаппарат и подходи как можно ближе, а я подстрахую. Он сочно рубанул воздух жидкой хворостинкой.

А потом мы начали гадать — откуда она взялась?

И я вспомнил, как прошлым летом в Тюменской тайге мы много раз видели гадюк, переплывающих реки.

— С того берега и появилась.

— Неплохо для последнего в жизни заплыва.

* * *

Мы спешим. Засветло нужно успеть в Степановку. Протокой до нее три-четыре километра. Но протока пересохла, и приходится давать крюк.

В Степановку попали только утром.

— Насчет имущества не сумлевайтесь. Все будет в цельной сохранности, — заверил старичок сторож.

— Если у вас все такие честные, зачем сторож? — буркнул Геннадий.

— По расписанию положено. Я и состою при расписании.

От лодочной станции вела накатанная бетонка.

— Николай Яковлевич Алымов, директор леспромхоза, позаботился, — заметил Геннадий. — Мне, говорит, эта дорога обойдется дешевле запчастей к машинам.

Геннадий улыбнулся.

— Сегодня познакомитесь. Ершистый человек. Многим спокойно жить не дает. Зато с кадрами у Алымова в порядке, и с жильем, и с планом.

— Ну, пойдём с ним знакомиться.

И мы пошли в контору.

Алымов сразу узнал Геннадия, разулыбался:

— Старый знакомый.

И, хватившись, что мы стоим у порога, весело предложил:

— Да вы садитесь, садитесь. Только время не подходящее — не дадут долго говорить.

Дверь отворилась, и на пороге вырос здоровенный парень.

— Что скажешь? — взглянул на него директор.

— Хочу на работу оформиться.

— Садись, коли пришел. Давно в лесу?

— Девять лет.

— Специальность какая?

— Вальщик.

— А откуда приехал?

— Из Катарги.

— Что ж там не пожилось?

— Женился, а жить негде.

— Ладно, давай заявление. На первое время комнату в общежитии дадим, а потом сам стройся. Материалом поможем, транспортом. А все остальное — сам. Согласен?

— Чего ж не согласиться? Строить нам не привыкать. Было б из чего.

— Выберешь на складе, что нужно.

— Это де-ло-о, — протянул парень.

— Ну, если дело, иди оформляйся и завтра на работу.

Когда дверь за парнем закрылась, Алымов с торжеством посмотрел на Геннадия.

— Понял теперь, что такое жилье?

— Пойдите, Николай Яковлевич, — ожидался Геннадий, — а что за строительный материал вы ему обещали?

— А-а-а, уже наострил уши. Деловой материал. Самый лучший. Прямо со склада готовой продукции. Ты не первый. У меня тут и ревизоры наезжали: «На каком основании отпускаете бесплатно материал для частной застройки?» Я им поясняю — не для частной, а для государственной. Лес наш, материалы наши, а дом для себя строят. И мы им немного приплачиваем за это. «Так это же

противозаконно, — возмущаются ревизоры, — платить частнику за то, что он себе дом строит». Не себе — разъясняю — а леспромхозу, государству. А мы ему в этом доме жилье даем. Пока работаешь у нас — живи. Уехал — сдай дом. И люди довольны, и мы тихоньку проблему решаем.

Алымов, что-то вспомнив, улыбнулся.

— Недавно прибегает ко мне одна хозяйка: «Дай, Яковлевич, кирпича. Дом поставили, а печки нет». А где ты, спрашиваю, печника найдешь. «Это уж мое дело». Иду на следующий день мимо, дай, думаю, взгляну. У нас печника и за месяц не добудешь — столько у него работы. Вхожу и глазам не верю — стоит новенькая печка, да так ладно сделана. Выкладывай, говорю, где специалистка нашла?

— «Прослышала у соседки, родственник в отпуск приехал, печи ложить умеет. Я его и уговорила».

Пошел я к этому родственнику. То да се, посидели, выпили, за жизнь порассуждали. И задержался он у нас, а теперь и совсем перебираться думает...

— Ловко вы к себе кадры переманиваете, — заметил Геннадий.

— Хорошо ли, плохо ли, а в кадрах пока дефицита не ощущаем.

Алымов помолчал, хитро улыбнулся:

— Я-то понимаю, что вас мои заботы мало волнуют, вам хочется поскорее узнать мое мнение о канале. Так ведь всегда и общерайонное, и областное, и государственное мы преломляем через свое хозяйство, через свои заботы. Вот недопоставили мне, к примеру, кирпич. Я понимаю, что мог понадобиться на другую, более ответственную стройку. Понимаю умом, а сердцем не могу согласиться. Так и с каналом. В принципе, конечно, такой канал даст огромный толчок в культурном и техническом развитии всего района, а значит, и нашего леспромхоза. И спрямление

Кети безусловно ускорит вывозку леса и делает ее более экономичной. Но самое главное — поднимется уровень Кети, «подопрет» наши таежные речки, и они будут служить дольше. А увеличить время сплава — значит доставить на нижний склад лишние тысячи кубометров древесины из тайги.

Алымов улыбнулся:

— Выходит, и нам канал нужен...

Глава 3

Ночевали мы в тот вечер в старинном селе Максимкин Яр.

С трудом отыскав в густо переплетенных зарослях вход в протоку, упираясь веслами, как шестами, и подтягиваясь за низкие ветви раскидистых деревьев, вошли в заиленную горловину. Но дальше протока разлилась овальным серебряным блюдом среди приловных заливных лугов, и по лугам бродили стада коров и небольшие табуны лошадей.

Когда мы подходили к Максимкину Яру, опустился уже глубокий вечер и солнце из последних сил удерживалось за верхушки деревьев, за крыши домов, за крутой берег и за редкие облачка, и все это вспыхивало пурпурным пламенем, и гравюрным контрастом рисовались на фоне багрового диска и берег, и поселок на нем.

Луга раскинулись на одной стороне, а другой берег круто взмыл к небу, и с него прямо к воде сбегала тайга.

— Уф, приехали, — сказал Саша, выбираясь из лодки.

Мы с Геннадием пошли выполнять свои обычные обязанности квартирмейстеров. После коротких переговоров с дверми местной школы сняли давным-давно незакрывающийся замок.

— Здесь и располагайтесь, — сказала старушка уборщица.

И мы оказались в просторной комнате с тремя дверями и печкой. Одна дверь — общий ход, две вели в классы.

Когда-то на этом яру стояли карамо.
Теперь — поселок Максимкин Яр.

В школе уютно и чисто, и на классных досках написаны мелом так и не решенные на последнем уроке примеры.

И мы с увлечением начали их решать.

— Наверное, вы и есть те самые журналисты? — услышали мы вдруг девичий голос и повернулись к двери.

— А вы хранительница музея?

— Угадали.

— Быстро у вас информация разносится.

— На то и село.

— А сейчас нельзя попасть в музей? — нетерпеливо спросил Геннадий.

— Почему нельзя. У меня ключи с собой. Все приезжие в музей идут. — И грустно добавила: — Единственная достопримечательность нашего села.

— Допустим, не единственная, — сказал Геннадий, — достопримечательностей у вас много и исторических памятников. А дом-музей — самая главная.

Сельские улицы расступились, образовав небольшую площадь, и посреди нее стоял приземистый дом с маленькими подслеповатыми окнами. Он огорожен высоким штакетником, и сбоку от входа прибит к стене выкрашенный под мрамор кусок фанеры: «Здесь жил в ссылке в 1911 году Яков Михайлович Свердлов».

Дверь скрипнула, пропуская в небольшие сени, и уже оттуда, из сеней, вторая дверь вела в комнаты. Первая — большая, с русской печкой посередине, вторая, поменьше, отгорожена от главной фанерной перегородкой. На стенах первой комнаты — фотокопии документов, во второй — лежанка, застланная грубым и тонким суконным одеялом, стол из-под топора и такая же табуретка.

— Давай посидим здесь, — сказал Геннадий.

Я чувствовал, что ему слишком мало познакомиться с небольшой коллекцией фотокопий. Ему хотелось побыть наедине со своими мыслями, очутиться в тех, теперь уже далеких, временах, посидеть за обшарпанным столом и именно за ним почитать письма Я. М. Свердлова, изданные недавно в сборнике «Письма из Сибири».

«Представь узкую комнату в три шага ширины и семь длины, почти то же что и камера в предварилке, — писал Яков Михайлович своей жене 13 октября 1911 года, сидя вот за этим столом, на этом табурете. — По одну сторону — два маленьких оконца, по другую — одно. К одной стене, выходящей на улицу, приделана кровать на манер оди-

ночных нар из досок, далее сундук, столик и бок другого стола у другой стены, рядом с окошком, к другой стороне которого примыкает полочка, на ней лежат мои книги. Стену внутреннюю изображает деревянная перегородочка, не доходящая до потолка, и бок русской печи, затем крохотная дверь, ведущая в хозяйскую половину. Стол, за которым пишу, довольно удобный, покрыт клеенкой. Горит небольшая 7-линейная лампочка. Я уже привык к такому свету, который раньше считал бы слишком скудным. Комната низкая, оклеенная мною снизу доверху газетами. В общем, нахожу ее теперь сносной, иногда и довольно комфортабельной, благо лучше здесь нет ни у кого, не считая попа...»

Хранителям и организаторам мемориального дома-музея так и не удалось полностью воспроизвести ту, свердловскую обстановку. Стены наскоро побелены, на столе ни лампы, ни клеенки...

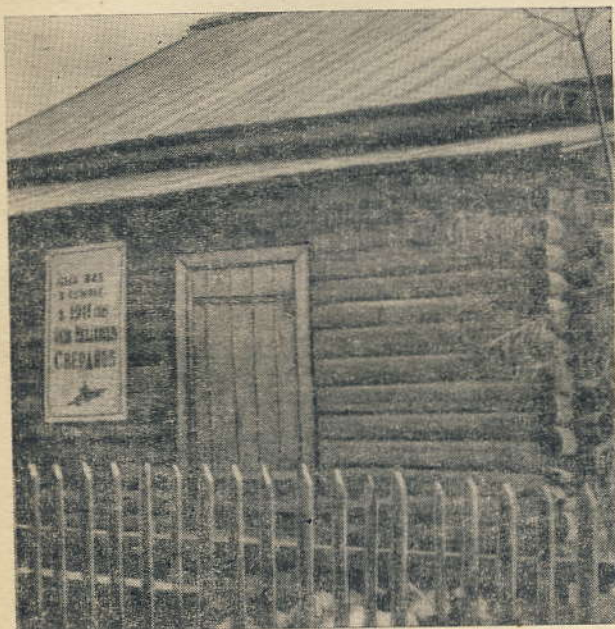
И такое невнимание к музею было тем более странно видеть здесь, в Максимкином Яре.

Я знал о глубоком уважении жителей к Якову Михайловичу. В одном из своих писем он рассказывал жене: «Никому, кроме меня, не продают молоко, но я добываю, когда мне надо. Мне не отказывают, ибо почти всех перелечил или оказал другие услуги как, например: написал письмо, прошение и т. п., за что никакой mzды не беру, чем до сих пор привожу в изумление всех...»

Поначалу, подогретые проповедями местного попа, жители села не очень приветливо встретили ссыльного революционера. Но поселенец, хоть и был одет по-городскому, даже слишком по-городскому (всю суровую зиму в демисезонном пальто), оказался своим человеком.

И когда в деревне начался голод и Яков Михайлович несколько дней сидел вместе со всеми на пустом чае и ржаном хлебе, из да-

лекого таежного стойбища именно ему послали в Максимкин Яр нарты с продуктами. И Яков Михайлович тут же разделил их с хозяевами и соседями...

Дом-музей Я. М. Свердлова в поселке Максимкин Яр.

И поп, и жандармы не могли предъявить ему никаких официальных обвинений, но они понимали, что в случае чего народ пойдет за большевиками.

И сейчас старики помнят, как собирались в этом доме зимними вечерами. Даже театр организовали.

— Театр?!

— Самый настоящий. Готовили чеховского «Медведя».

Геннадий рассмеялся.

— Поп однажды рывкнул в церкви: «Попали в сети к ловцу человеческих душ».

Поп, говорят, из себя выходил, как узнал про эти вечеринки, а сделать ничего не мог.

— Вот бы в музее об этом рассказать...

— И рассказывали. Раньше, хоть и на общественных началах, а музеем больше занимались.

Создали его по специальному решению Запсибкрайкома еще в 1939 году. Пока суд да дело, пока собирали материалы, началась война. И открыли музей только в 1947 году. В нем хранились уникальные документы. Один из экспонатов — дело жандармского управления на ссыльного Якова Свердлова, на сорока девяти листах. Копии и подлинники всей огромной переписки Якова Михайловича из сибирской ссылки. Много фотографий и фотокопий из личного архива прислала Клавдия Михайловна Новгородцева-Свердлова. Она же организовала в Москве встречу активистов музея с родственниками и друзьями Якова Михайловича.

— А куда девались эти экспонаты?

— Музей в 1955 году закрыли. Энтузиасты поразъехались, а материалы разошлись по всей стране.

В тот вечер мы долго не могли уйти из неказистого домика. Стемнело. И уже нельзя было разобрать ничего ни в комнате, ни за окнами. Мы оцупью вышли на крыльцо.

За селом собирались на гулянье, и оттуда доносился безыскусный перебор гармошки.

Мы смотрели на маленький одинокий домик, исчезавший под черным покрывалом беззвездной ночи. И как-то особенно остро почувствовалась человеческая святость этого места.

— Хочешь, с Сербиным познакомлю? — спросил Геннадий.

— А кто он такой?

— Пошли, узнаешь.

Сербин оказался крепким высоким стариком. Одет он был живописно. Холщовая рубашка с прямым разрезом и отложным ворот-

— На всю жизнь запомнил я тот вечер, когда в нашем доме останавливался Я. М. Свердлов, — говорит Сербин.

ником, такие же добротные брюки, заправленные в ноговицы. На голове что-то на манер косынки от комаров, но сейчас комаров не было, и косынка откинута назад, как у сестры милосердия первых лет революции.

— Ну, здравствуй, здравствуй, — кивнул Геннадий, — давно не виделись.

Говорил он чисто, и только разрез глаз выдавал происхождение.

— О Свердлове пришли расспросить? — И не дожидаясь ответа: — Было дело. Я тогда

в поселке Тайном жил, на Анге. Ехали они из Максимкиного Яра в Колпашево, да ночь в пути прихватила. И остановились у моего дяди Фаддея Сербина. Жандарм говорил: «Везем шибко грамотного человека. Он людей сбивает, чтоб царю не верили». Ну, нам, молодежи, интересно посмотреть на человека, который против самого царя насмелился. Сбежались к Фаддею.

Сербин задумался, вспоминая тот давний вечер.

— Куртка на нем была со светлыми пуговицами, очки на шнурочке, бородка небольшая, а волосы густые, черные, как шапка. И лицо усталое. Через много лет показали мне фотографию Якова Михайловича. Узнал, сразу узнал. На фотографии-то веселый, а лицо так и осталось худым. Болел, видать, сильно. Совсем молодым помер...

* * *

На следующий день наша группа в полном составе снова собралась в школе. Мы только что вернулись из Степановки, Альберт и Саша окончили техосмотр подвижного хозяйства. Геннадий взял томик «Писем из Сибири» и прочел:

«...Дело в том, что Максимка, где я проживаю, является остяцкой столицей своего рода, и сюда на «вешнего» и «осеннего» Николу съезжаются остяки со всех юрт по реке Кети и около нее. Во всех домах, а их здесь немного, население увеличилось в 4—5 раз. Не избежал этой участи и дом, в котором я живу. Полно и взрослых и ребят...»

Что же, давайте посмотрим, кто такие «остяки».

По мнению одних ученых, слово остяк происходит от пренебрежительного татарского прозвища — уштяк, что означает грубые, дикие люди. Другие исследователи приводят иные версии...

По берегам Кети, в междуречье Оби и Енисея жили разные по языку и культуре народы — кеты, селькупы, ханты, эвенки.

Вполне возможно, что современные исследования дадут более точное происхождение и самого народа, и его имени. Ведь мнение, что остяк произошло от обидного уштяк, тоже не бесспорно.

Многие утверждают, что состоит оно из двух хантыйских слов «ас» — большая река, и «тях» — человек. «Астях» — житель большой реки.

А жили по берегам Кети люди трудолюбивые и добрые. Их землянки — карамо — расходились полукругом по самой кромке извилистого берега, в точности повторяя его очертания. Посредине — на высоком бугре — самое красивое и просторное богатырское карамо — жилище князька или главы рода. А по краям — сторожевые землянки.

После богатой добычи все население поселка собиралось на площадке у богатырского карамо. Одевались празднично. Головы женщин и мужчин покрыты платками, завязанными на шее у подбородка — защита от комаров и гнуса.

Кстати, этим нарядом всю дорогу пользовался Саша, и, по общему мнению, он очень шел к его опухшему от укусов лицу.

А женщины умудрялись превратить его в украшение, и платья у них разукрашены такой густой вышивкой, что под ней невозможно разглядеть материю. А ее стоит посмотреть. Немного грубоватая, но практичная ткань делалась из крапивы и специально отобранных трав.

Одежда мужчин тоже не лишена изящества. Рубаха с прямым разрезом на груди, с широким отложным воротником, и на обшлагах рукавов — яркий национальный узор. А на голове — шапка из дорогого меха.

Но это уже в честь праздника, и ноговицы в честь праздника. Удобная обувь эти ногови-

цы. Помните, в них был обут Павел Иванович Сербин. Низ из хорошо выделанной кожи, а верх из толстого и теплого сукна.

Итак, мы с вами на празднике по случаю богатого улова. А какой же праздник без шамана! Ох, и разукрашен... Бубен и костюм увешаны разноцветными тряпочками, хвостами соболей, белок, горносталя...

Вот шаман, разорвав рыбину, мажет кровью болванчика — дань богу охоты или племенному божку.

А вообще ханты, например, были довольно бесцеремонны со своими божествами. Случалось божку и голодом посидеть, если не угодил хозяину, а то и бывать битую — сам виноват в неудачной охоте или рыбалке, жаловаться не на кого. Да, жизнь у этих святых была далека от божественной.

Но над всеми семейными и родовыми идолами был еще главный бог, облаченный в свет утренней зари и возвещающий свою волю голосом грома и бури. Имя его — Турум (по другим источникам — Торым). Многие исследователи считают его сродни и по имени, и по другим признакам скандинавскому богу Тору и галльскому Таранну. Кстати, сходство не только в именах богов. Ханты по языку относятся к угро-финской группе, а к ней относятся не только финны, но и венгры, и эстонцы... Так что сходство и в названиях, и даже в обычаях вполне объяснимо.

Никто не смеет молиться этому высочайшему божеству, он не внимает даже шаману и руководствуется в своих действиях только непреложными законами справедливости или велениями неумолимого рока. Больше того, любой человек, в каком бы гражданском или духовном сане он ни пребывал, не имеет права совершать в честь Турума ни молитвы, ни жертвоприношения.

В общем, ничего бог: действует по справедливости и не требует приношений. Только отец никудышный — заботу о троих своих

сыновьях и о единственной дочери поручил людям. Кстати, исконно русский святой — Николай-угодник — на проверку оказался средним сыном Турума.

Помните, в одном из писем Я. М. Свердлов сообщает жене, что в свою станицу — Максимкин Яр остяки съезжаются на «осеннего» в «весеннего» Николу. Тот самый Никола и есть. Повезло парню. Сразу две религии причислили его к лику святых. Вот что значит быть угодником. Местные жители переселили его с неба в верховья Оби и заставили покровительствовать охотничьему промыслу (мол, угодник угодником, а без дела болтаться нечего).

Старший сын Турума — Кан-Ики покровительствует людям и живет поблизости от среднего. А у младшего — Инк-Ики жизнь совсем никудышная — его поселили в воде и заставили возглавить самое беспокойное ведомство, покровительствующее рыболовству.

Координаты жительство дочери Турума — Чарас-Най — выяснить не удалось. По преданию, она обитает в той части моря, где оно становится огненным. Под ее руководством убыль и прибуль воды. Поэтому в годы сильных наводнений ханты украшали жертвенные плоты, разжигали на них костры и пускали вниз по течению.

Если плоты попадут к Чарас-Най, она смилостивится и спалит лишнюю воду в своем огненном океане. Тогда можно принести небольшую жертву Инк-Ики и отправляться на рыбалку. В самом крайнем случае, если, несмотря на множество плотов, Чарас-Най все-таки не сжигала лишнюю воду, топили в реке теленка. Но такое случалось редко — зачем отправлять на дно столько вкусного мяса.

И все-таки Чарас-Най пользовалась особой любовью, ведь от нее (а не от Евы) пошли на земле все люди. Значит, как-никак дочь Турума приходится родственницей всем живу-

щим, а к родственникам следует относиться почтительно.

После каждой охоты старикам и инвалидам причиталась лучшая доля. Они могли подождать, когда им ее принесут, могли сами пойти на место дележа и взять самые лакомые куски.

Зато шаманам приходилось довольствоваться добровольными подношениями, и величина их зависела только от авторитета. И если шаман чем-то не угодил своей «пастве», или не смог отыскать потерянную вещь, или ошибся в предсказании результата охоты — ему приходилось влачить полуголодное существование.

Хантыйский шаман был скорее актером, и не только актером, но и врачом, и тонким психологом.

«Богатырю дана сила, а шаману слово. Богатырю принадлежит шум и трубный глас, шаман же обладает тем, чего нельзя ни видеть, ни слышать, — знанием вещей и пониманием причин», говорили ханты.

Шаманская должность не наследовалась. Служитель культа искал преемника — человека худого, болезненного, подверженного припадкам бешенства или падучей болезни, ищущего одиночества, часто убегающего в лес, бодрствующего ночью. И если он находился в своем племени такого мальчика или юношу, то будущность его была решена.

Сначала шаман старался урегулировать болезненные припадки, заставлял юношу пройти школу послушничества. И только тогда приступал к обучению сложнейшему искусству — совершать чудеса. Что бы там ни говорили, а выступление шамана было в высшей степени эмоциональным зрелищем.

Известный географ и путешественник Врангель признавался, что он не мог видеть настоящего шамана без некоторого ужаса и внутреннего волнения, а многие русские,

впервые приехавшие в Сибирь, искренне верили, что шаманы и в самом деле могут совершать чудеса.

И это убеждение нужно прежде всего отнести к универсальным актерским данным служителей культа. И если шаману удавалось держать народ в страхе и повиновении, то только благодаря искусству перевоплощения, искусству подражать голосам всех животных, искусству покорять толпу и подчинять ее своей воле. И среди них тоже были звезды и были бедные актеры, потерявшие ангажемент и влачившие жалкое, полуголодное существование.

Помните, мы знакомились в Алипке с Андрианом Афанасьевичем Делициным. Знаменит он на всю округу не только богатыми уловами. В первые годы Советской власти на Кети возглавлял Андриан Афанасьевич тунгусский сельский Совет.

Так вот, Андриан Афанасьевич Делицин рассказал нам давнюю историю.

— Совсем молодой был. Зоркий был. Вечером в юртах остяцкого шамана хоронили. Утром кричат — шаман улетел. На небо поднялся. Пошли могилу смотреть. Разрыта могила. Бубен здесь. Вещи здесь. Шамана нет. Улетел шаман.

Андриан Афанасьевич смеется.

— Молодой был. Хитрый был. Кругом могилы ходил. Все подмечал. След подмечал. Клочок шерсти на кусте подмечал. Все понял. Медведь шамана откопал, в лес утащил. Большой медведь. Раненый ходил, голодный. Никому не сказал. Нельзя обижать стариков. Пусть так думают. А мы, молодые, к русским ходили. Много у нас ссыльных было. Хорошие люди. Их слушали.

Кстати, медведь — тоже родной братец Николая-угодника, сын Турума и представитель справедливости на земле. И у хантов, так же как у многих других коренных народов Сибири, почитался священным животным.

Однажды в далеком хантыйском селе, что стоит теперь на новой железнодорожной трассе Тюмень—Сургут, наблюдал я прелюбопытнейшую картину.

Сидели мы на крутом берегу. Разговаривали о том, о сем, как вдруг донесся заунывный крик. Через несколько минут крик повторился. Из домов повысыпали пожилые ханты, а молодые, приехавшие из города на каникулы, кто после занятий в техникуме, кто в институте, подсели к нам.

— Сейчас увидите забавное зрелище, — сказали молодые, и у самих глаза горели от любопытства.

А старики тем временем почти по пояс залезли в воду и что-то громко кричали приближающемуся охотнику. Нам сверху было видно, что в лодке лежит туша огромного бурого медведя.

— Что они кричат? — спросил я у паренька.

Тот с удовольствием начал переводить:

— Зачем ты его убил?!

— Горе падет на наши головы!

— Ты убил сына Турума!

Охотник таким же грустным голосом отвечал им, что он вовсе не хотел убивать сына Турума, но тот случайно попал под его пулю, и вот теперь он везет священное тело.

Медведя втащили на высокий берег, занесли в дом, и из открытых окон неслись сначала ритуальные причитания, а потом из трубы повалил дымок и вкусно запахло жареным мясом.

Потом мы снова услышали пение и не могли удержаться от смеха: изрядно повеселевшими голосами старики затынули «Подмосковные вечера».

А на следующий день мы узнали, что «случайный выстрел» охотник сделал после целого дня погони по следу...

В далекие времена у хантов все обставилось много торжественнее. Охотник, убив

медведя, троекратно оглашал воздух грустными криками. И на крик сбегались все жители юрт. Они отвешивали медведю глубокие поклоны, целовали его в морду.

Потом медведя втаскивали в самое просторное карамо, укладывали на нары и повязывали цветным шарфом, а на голову надевали шапку. А около него ставили сосуд с водой, и каждый, кто омыл в нем лицо и руки, считался прощенным медведем. На этом официальная часть оканчивалась, и начинался праздник.

Появлялась брусника в изящных берестяных туесках, сушеная рыба, орехи... И начиналось веселье. Пели песни, а наиболее искусные рассказывали сказки. У народа ханты сказки короткие, и окончательно умиловать медведя удавалось только после трехсотой. Чтобы не было подвоха, специальное жюри делало зарубки на длинных палочках, а остальные тем временем угощались лакомствами. В песнях и рассказах высмеивалось охотничье хвастовство, неудачный промысел, несообразительность... И в заключение обширной и разнообразной программы медведя резали на части, варили и тут же съедали.

...Мы стояли с Андрианом Афанасьевичем Делициным на древнем городище. От него остались только глубокие ямы, заросшие травой. И хоть сам Андриан Афанасьевич — эвенк, но всю жизнь прожил с местными жителями и прекрасно знал все древние обычаи и обряды.

К остаткам древнего хантыйского поселения привела нас затерянная в тайге тропинка. Деревья неожиданно расступились, и открылась поляна, и в конце ее, над самым речным обрывом, стоял вкопанный в землю стол, и рядом скамейка.

— Однако, садиться надо. Отдыхать будем. Старый стал, — сказал, усаживаясь на скамейку, Андриан Афанасьевич.

— Так мы ж пока шли, столько карамо пропустили,— упрекнул его Геннадий.

— Знаешь карамо? — внимательно посмотрел на него Делицин.

— Приходилось в раскопках участвовать.

— Хорошо, однако. У нас тоже раскопки делали. Курганы копали. Карамо. Много интересного нашли.

— Говорят, вы помогали ученым?

— Ходил. Много ходил. Показывал, где копать. Большой спасибо говорил самый главный начальник. Потому и прошел те карамо. Шибко раскопали. Ничего не поймешь. Здесь хороший карамо. Деревья нету, кустарник нет, совсем хорошо смотреть.

И он показал на яму, заросшую травой.

— Ходим, а под ногами история,— вздохнул Геннадий.— И какая история!

— Однако, большой история. Целый народ жил. В старые годы, когда молодой был, по тайге ходил, таких поселков много видел. В этой яме дом был.

— Фундамент под дом,— робко вставил кто-то из нас.

— Зачем фундамент. Говорю, дом был. Яма глубокая, ровная. Стенки досками обиты. Над ямой сруб. Потом крыша. Береста или трава на крыше. Земля сверху. Теплый дом. Целый юрты, поселок по-вашему. Баб много, детишек много, рыбы много, мяса много. Однако, хороший жизнь, красивый.

Во время этого красочного рассказа Геннадий сидел на краю ямы и что-то чертил в своем блокноте. Я заглянул через плечо и увидел, как рассказ старого эвенка получает графическое воплощение.

Сначала Геннадий нарисовал большую четырехугольную яму, над ней сруб в три венца, и над этим сооружением крышу с частой решеткой из толстой дранки, потом слой бересты, слой травы и, наконец, слой земли. Получилось довольно красивое и надежное сооружение.

— Так, Андриан Афанасьевич? — протянул он блокнот нашему экскурсоводу.

— Совсем не так. Дымоход — нет, окошко — нет, дверь — нет. Как жить? — он хитро прищурился.— Совсем плохо жить.

Секретарь первого тунгусского сельского Совета Андриан Афанасьевич Делицин.

— Гляди,— он подвел его к яме,— ход видишь?

В самом деле, яма была не идеально ровной. В сторону реки края ее вытягивались, образуя канавку.

— Вот ход,— повторил Делицин, все еще хитро прищуриваясь.— Коридор был. С улицы щитом закрывался.

— А дымоход и окно где?

Делицин взял у него блокнот и начертил на крыше квадратное отверстие.

— Окно есть, дым выходит. Хорошо жить! Потом мы часто вспоминали эти рассказы с Геннадием Залесовым и находили им подтверждения в старых книгах и в современных исследованиях. И вспоминали Максимкин Яр, который Я. М. Свердлов называл «столицей кетских остяков».

А ведь и впрямь была здесь когда-то столица, по крайней мере, очень крупное поселение. И село увековечило имя одного из князьков — Максимки. Воц на том холме стояло богатырское карамо. Богатырями называли смелых и находчивых.

В одном многотомном старинном сочинении я встретил такое утверждение: «Когда казаки предприняли покорение Сибири, остяки противопоставили завоевателям настоящие армии. Они имели в то время национальную организацию, жили правильно построенными городами...»

Да, когда стоишь на крутом берегу около Максимкиного Яра, когда идешь вдоль остатков древних остяцких карамо, по которым и сейчас нетрудно уловить правильность и рациональность постройки всего укрепленного центра, начинаешь верить этому утверждению.

Холм окружен замкнутым кольцом крутого берега. И если вдоль берега расположить поселение (а оно так и было на самом деле), то холм окажется в самом центре городка. Он как острог, обросший поселками, как неприступный монастырь, окруженный поселениями пашенных крестьян. И по давней, очень давней традиции съезжались сюда на «весеннего» и «осеннего» Николу жители юрт со всей Кети. Даже когда Максимкин Яр потерял свое былое могущество, население его, по свидетельству Якова Михайловича Свердлова, увеличивалось по праздникам в четыре-пять раз.

И, возможно, со временем в Максимкином Яре будет не один мемориальный дом-музей,

а целый исторический комплекс, который расскажет о поселке, история которого уходит своими корнями в глубину веков.

* * *

Утром все готово к отъезду. Вешаем на дверную скобу проржавевший замок и спускаемся к реке. Лодка Саши блестит на солнце идеальной чистотой, чего нельзя сказать о нашей. Несколько ведер воды приводят ее в относительно божеское состояние.

— А мотор? — грозно вопрошает Саша.

Мы стараемся убедить его, что мотор находится в идеальном состоянии.

— Не хватало мне возиться с ним среди пути. До Усть-Озерного больше ни одного поселка.

— Ничего с ним не случится, — слабо протестует Геннадий.

Но Саша непреклонен, и нам приходится отвинчивать тяжелый «Вихрь» и переправлять на берег.

Когда Саша копается в моторе, он не терпит посторонних. «Надо будет — позову, а под руку давать советы — только дело портить».

И мы разбрелись по берегу, чтобы скоротать томительные минуты. Я разглядываю колодцы. В Максимкином Яре необычные колодцы. У них есть ворот с канатом и ведро, а вот традиционной шахты нет. Ведро скользит по канату вниз, под обрыв, и с громким плеском падает в реку, и потом, полное воды, медленно ползет вверх, как вагончик подвесной дороги.

Здесь много странностей: бани, утопленные в землю на манер карамо, и кладовые, поднятые на сваях, чтобы сохранить продукты от мышей, и заборы из толстых бревен...

И снова наши лодки оставляют за кормой вспененные километры. За мотором сидит

Геннадий, а я по установочным знакам веду в блокноте счет километрам. Максимкин Яр на 500-м километре от Колпашево. Значит, отсюда до Новосибирска 1200 километров.

520-й километр.

Разомлевшая Кеть легла в высокую траву. Раскинула руки-рукава и отдыхает сильная, крепкая, спокойная и приветливая.

540-й... 550-й...

Все ближе к каналу. Все чаще по берегам хвойная тайга теснит березы и осины, и они повисают над ярами, заходят по колено в воду.

По берегам сплошные завалы, буреломы. Гибнет лес под стихийным натиском реки. Вот уже и сосны, и кедры толпятся у воды.

560-й километр.

У самого уреза воды почерневшие, искоренные стволы деревьев. Их заносит песком и илом. Через миллионы лет палеонтологи откапают эти стволы и будут удивляться, какие странные росли в этих краях деревья.

Несколько лет назад мы удивлялись, откапывая по берегам Алдана, в вечной мерзлоте, остатки субтропической растительности...

Какими будут эти берега через миллионы лет? А какими будут они через десять, пятнадцать лет?

570-й километр.

Берега похожи на слоеный пирог: слой глины, слой песка, снова слой глины...

На прибрежных кустах, на стволах деревьев засохшая грязь и выгоревший на солнце ил. В разлив вода затопляла даже высокие яры и плескалась у самых корней кедров. Наверное, еще и поэтому не строили коренные жители поселения на берегах больших рек.

Пустынно... 140 километров от Максимкиного Яра до Усть-Озерного и ни одного поселка, ни даже рыбацкой или охотничьей избушки. Поневоле вспомнишь Спафария: «Ре-

Последний вечер на Кети.

ка Кеть зело тосклива оттого, что жилья по ней нет...»

На установочном знаке сразу две цифры: 500—574.

500 километров от истока Кети и 574 до впадения ее в Обь у Колпашево.

Пройдено больше половины Кети. И половина пути от Максимкиного Яра до Усть-Озерного!

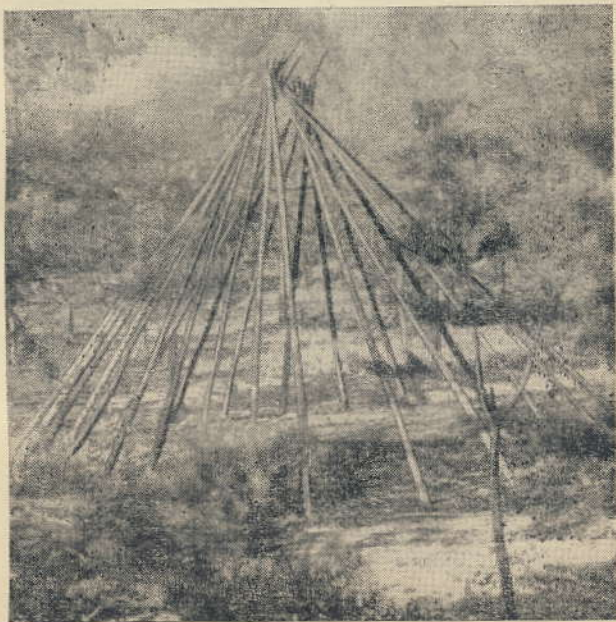
Пристаем к берегу. Наполняем баки горючим из столитровой бочки. Почти полбочки в два бака. Аппетитики у наших моторов!

595-й километр.

Мрачная тайга. Исчезли даже березы и осины.

Скорость предельная. Наша лодка по-прежнему в лидерах, и это, кажется, надоело Александру. По его команде во второй лодке происходит перегруппировка. Альберт и

Всего несколько дней назад семья оленевода перекочевала дальше в тайгу.

Иннокентий пересели с носовой скамейки поближе к мотору. «Обь» резко набирает ход.

— Валера! Давай груз назад! — кричит Геннадий.

И я перебрасываю к корме все рюкзаки и немного откатываю назад бочку с бензином.

— Хорошо! — кричит Геннадий.

Я поднимаю голову и вижу, как мы медленно, но верно уходим от преследователей.

— О-го-го! — несется над пустынной рекой наш победный клич.

625-й километр!

Ура!!! Мы у входа в канал!!!

Навстречу лодка. Тормозим. Обмениваемся приветствиями.

— Куда путь держите?

— На канал.

— Еще одни сумасшедшие. Недавно двое парней из Краснодара пытались проскочить. Оставили два винта и назад вернулись.

— Мы их встретили.

— Что ж назад не повернули?

— Решили попробовать.

— Ну-ну.

— А до Усть-Озерного как фарватер?

— Черт здесь фарватер прокладывал. Сегодня — нормально. Завтра на этом же месте — шпонки как не бывало.

И все-таки мы решили въехать в Озерную и на первых же метрах чуть не сорвали шпонку.

— Я вас поздравляю, — хмуро буркнул Саша, — если в самом начале такие фокусы, что дальше будет?

— Парни из Краснодара прорвались до четвертого шлюза...

— И потеряли два винта...

— Ладно, утро вечера мудренее. Нужно ехать в Катайгу. Бензина на полбака осталось, а в Усть-Озерном не достать.

— Это верно, — буркнул Саша, — назад до Степановки не дотянуть.

— Добровольцы, вперед! — скомандовал Геннадий.

Мы с Кешей сели в лодку. Альберт и Александр решили пока заняться рыбалкой.

Оставляем им рюкзаки, и, не раздумывая, — в путь. Впереди — семьдесят кетских километров, а солнышко клонится к западу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Обь-Енисейский канал сооружен в 1882—91 годах. Система эта связывает судоходную реку Кеть (правый приток Оби) с Малым и Большим Касом, впадающим слева в Енисей. На расстоянии 550 верст от устья Кети начинаются искусственные сооружения канала, в состав которого входят несколько речек и озер.

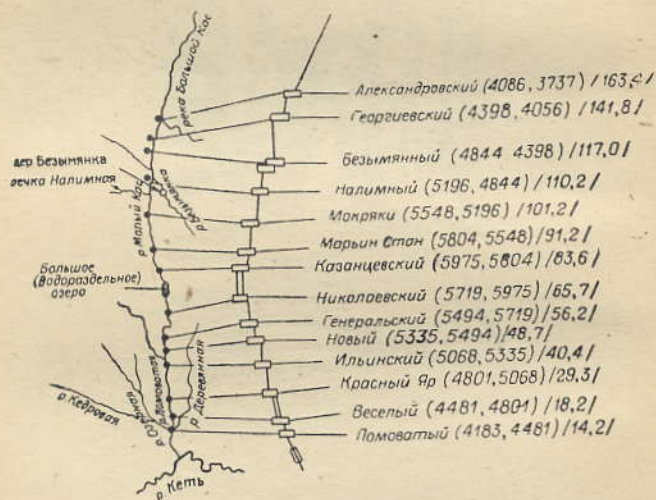
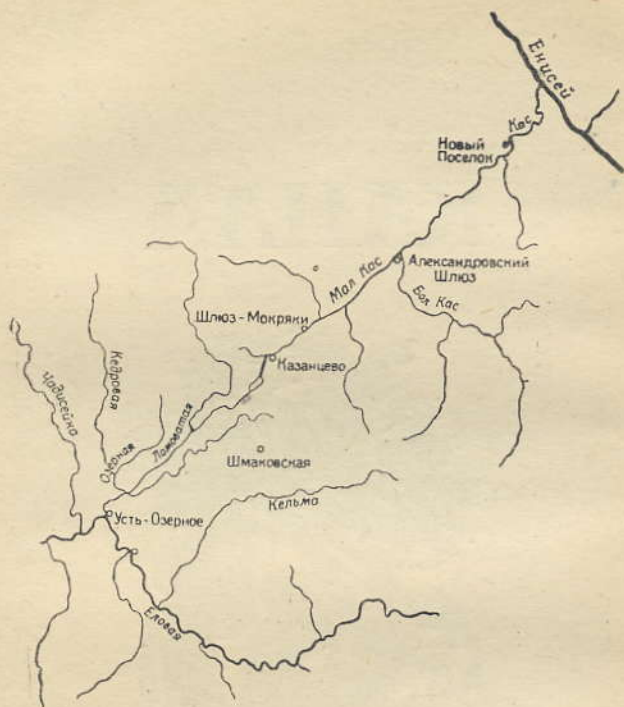
...Большая часть Обь-Енисейского канала представляет глухую, необитаемую тайгу, и движение по нему крайне затруднено...

*Большая Энциклопедия.
Санкт-Петербург, 1898.*

КАНАЛ

Глава 1

Первая и вторая цифры в круглых скобках — перепады уровней у шлюзов (в см), в прямых скобках — расстояния от устья реки Озерной (в км).

Последнее утро на Кети. Мы сидим на широкой песчаной косе. Удивительно чистый песок, просеянный и подобранный крупинка к крупинке, блестит на солнце. Легко и жарко потрескивает костер, и на нем дымит уха из только что наловленной рыбы.

Прямо перед нами устье речки Озерной. Она впадает в Кеть крутым изгибом, и где-то за этим изгибом — поселок Усть-Озерное.

До сих пор местные жители и речку Озерную, и другие реки Обь-Енисейской системы называют не иначе, как канал. Усть-Озерное стоит уже на берегу канала.

Если вы спешите пройти по каналу — перелистните эту главу, — и сразу очутитесь среди заломов и песчаных отмелей, и будете вместе с нами налегать на шесты и впрягаться в бечеву...

А если не спешите — давайте совершим путешествие во времени. Правда, вместо густого аромата тайги нам придется вдыхать пыльный воздух книгохранилищ. Но без него ветер дальних странствий останется только ветром, и в воспоминаниях осядет пестрое мелькание прибрежных пейзажей. В конце

концов они сольются в один пейзаж трудной дороги, стянутой и перехлестнутой вдоль и поперек сибирской тайгой. Это прекрасное ощущение! И только...

По-моему, побить рекорд скорости или рекорд трудности или еще какой-нибудь из бесконечных туристских рекордов — не столь уж большая заслуга. Мне, например, по душе неторопливые, обстоятельные маршруты, когда можно вдоволь полюбоваться неповторимыми сибирскими пейзажами, подождать выгодного освещения для фотокадра или посидеть на бугристой таежной поляне, на месте некогда оживленного поселка и повести мысленный разговор с его жителями, порасспросить о житье-бытье в дальние от нас времена...

Наши предки не спешили ни в делах, ни в мыслях, ни в разговорах. И делали все не торопясь, обдуманно и на века... И если пускались в путешествие, то возвращались с обстоятельными рассказами о жизни незнакомых народов и о новых землях. И уходили из Центральной России в Сибирь целыми поселками не вдруг, не с бухты-барухты. Сначала крестьяне направляли нескольких смекалистых мужичков на новые места и ждали их возвращения, а потом в самой большой избе дымили самосадам, дотошно выпытывали ходоков и много вечеров судили да рядили. Случалось и новых ходоков снаряжать, а прежние и биты бывали за верхоглядство...

Так вот, не торопясь, и освоили всю Сибирь. Так зачем же нам пронестись по земле предков стремительным ураганом? Нужно когда-то выйти и посидеть на завалинке сибирской избы вместе с мужичками из прошлых столетий, поговорить с ними...

Давайте попробуем, прежде чем войти в канал, познакомиться с его историей.

Сделать это непросто. До сих пор нет обобщенного каталога по истории Сибири.

Великое спасибо от людей самых разных профессий получил бы человек или организация за сводный каталог по истории Сибири с указанием городов, библиотек и архивов, где можно найти нужную книгу, статью или документ.

Наверняка есть еще много книг, газет и журналов, в которых упоминается Обь-Енисейский канал, и я заранее благодарен людям, которые помогут мне в интересном поиске. А пока придется ограничиться тем небольшим количеством книг, статей и воспоминаний, которые мне удалось найти.

* * *

Началось это... В самом деле, когда это началось? Наверное, со времени первых казацких дружин, которые уже в начале XVII века проникали далеко в глубь междуречья для сбора ясака, для покорения и усмирения местного населения по Кети и ее притокам... Нет, раньше.

Этот путь открыли ханты и пользовались им для поддержания родственных и торговых связей на обширной территории.

О соединении Оби и Енисея поговаривали еще в царствование Екатерины II. Но только в 1797 году лег на стол министерства путей сообщения проект иркутского генерал-майора Новицкого.

Путь, предложенный Новицким, проходил по рекам Тыму (приток Оби) и Сыму (приток Енисея). Немедленно последовало высочайшее повеление об исполнении «сею проекта» под главным наблюдением директора водных путей Сиверса. Но первая изыскательская партия появилась на водоразделе лишь в 1810 году, после создания X округа путей сообщения.

Учредили его в 1809 году для скорейшего решения самых насущных проблем Сибири: — найти путь из устья Оби к Архангельску, минуя Обскую губу;

— подготовить проект наиболее рационального пути из Камы через Уральский хребет в реку Тобол. Иначе говоря, соединить бассейны Волги и Оби;

— подготовить проект и произвести изыскания для соединения Оби и Енисея «посредством Кети»;

— представить соображения по соединению Ангары или Верхней Тунгуски с Леной.

Одним словом, перед X округом путей сообщения ставилась поистине грандиозная задача — создать проект водного пути, который соединил бы Центральную Россию с важнейшими районами Сибири.

Если перед вами современная транспортная карта Сибири, то мысленно отбросьте все железнодорожные, воздушные и даже шоссейные магистрали. Единственное, что, пожалуй, можно оставить, — узенькую полосу Московского тракта.

А теперь взгляните на огромное, поистине необозримое пространство от Уральского хребта до Тихого и Ледовитого океанов.

Да, истерзанный колдобинами Московский тракт был тогда единственной дорогой из Центральной России в Сибирь. По нему ездили государственные чиновники и купцы, по нему перегоняли партии ссыльных, шли регулярные войска для защиты новых границ империи, наконец, он был единственным «чайным» путем.

Ведь именно Россия, страна, где никогда не рос чай, прославилась на весь мир своими самоварами. Тысячи тонн нежного и объемного товара везли из Индии и Китая через Сибирь на тележных повозках, по раскисшим колдобинам Московского тракта. И каждый автор проекта Обь-Енисейского водного пути непременно обещал и государству, и купцам огромные прибыли на перевозке чая.

И еще обратите внимание на сибирские реки. От Уральских гор до Тихого океана, от

степей Казахстана до самого Ледовитого океана раскинули они свои голубые дороги. И если карта у вас достаточно подробная, то вы заметите, как близко сходятся притоки главных сибирских рек не только между собой.

Всего несколько десятков километров отделяют притоки Иртыша от притоков Камы, а Кама впадает в «главную речную улицу России» — в Волгу. Всего в трех местах прерывается непрерывная голубая дорога от Каспийского моря до Тихого океана. Всего в трех местах! У Уральского хребта, в междуречье Оби и Енисея и за Байкалом, между Селенгой и притоками Амура.

Получить дешевую и надежную дорогу в неразвитую колонию, куда завозилось все — от гвоздя до громоздких машин, от предметов роскоши до предметов самой первой необходимости, было делом чрезвычайно заманчивым, сулившим большие удобства и доходы. И правительство возлагало большие надежды на специальный X округ путей сообщения.

К сожалению, возглавил его полковник Риддер, человек или неспособный к выполнению столь ответственной задачи, или, скорее всего, больше озабоченный личными, чем государственными, проблемами.

В одном и том же 1811 году Риддер предлагает правительству сразу три варианта соединения Оби с Енисеем. С одним из них, проектом генерала Новицкого, мы уже познакомились. Именно на Тым и Сым была направлена одна из первых изыскательских партий.

Узнав, что ханты, природные рыбаки и охотники, давно освоили междуречье и на своих легких обласках запросто перебираются с притоков Оби на притоки Енисея, особенно во время весенних разливов, Риддер, не задумываясь, делает вывод: «...к соединению удобно».

И в том же 1811 году он сообщает, что посланная им экспедиция под руководством инженера Полозова сделала «местное обозрение Маковского волока и протекающих между Обью и Енисеем рек». И выдвигает два новых варианта Обь-Енисейского пути: Кеть — Согур (приток Енисея) и Кеть — Малая Песчанка — Большая Песчанка — Согур.

Совершенно ясно, что, получив столь сбивчивые известия, министерство путей сообщения потребовало от Риддера «лично удостовериться в удобстве предлагаемого пути» и прийти к какому-то единому решению.

История умалчивает о личных подвигах полковника на водоразделе Оби и Енисея. Был он там или не был, о том свидетельств не сохранилось. Но через год после грозного и справедливого окрика из министерства Риддер прислал собственный проект, в котором он соглашается с выводами инженера Полозова относительно соединительного канала Кеть—Малая Песчанка—Большая Песчанка—Согур. К проекту была приложена смета на 950 тысяч рублей. Но при этом оговаривалось, что смета сия приблизительная, ибо съемка на реке Согур еще не сделана, а Кеть (в верховьях) требует «многих исправлений по ее мелководью». Каких именно «исправлений» Риддер не сообщил, зато предложил для экономии строить канал силами ссыльных. Но, несмотря на столь «блестательную» находку, совет министерства путей сообщения проект не принял и строго указал Риддеру, что он направлен в Сибирь для изысканий и, «встретив на одной линии значительные препятствия», должен искать другую.

А проект генерала Новицкого, так браво одобренный начальником X округа, был впоследствии полностью отвергнут из-за слишком малых сроков навигаций на северных реках.

Но Риддер не унывает. В январе 1813 года у него родился новый план соединительного пути «рекою Вах и далее по десятиверстному волоку... по ровной луговой местности на реку Черную, приток Елогуя», и он просит у министерства разрешения командировать экспедицию для исследования этих мест.

Разрешение пришло быстро, но еще быстрее сам полковник разочаровался в собственном проекте, «в связи с пустынностью тех мест».

На этом деятельность Риддера и вверенного ему округа практически можно считать законченной. Из отчетов за следующие годы видно, что съемка и нивелировка возможных вариантов соединительного пути «за недостатком инженеров проведены быть не могли». А в 1822 году X округ министерства путей сообщения упразднили.

Итак, первая попытка проложить транссибирский водный путь окончилась неудачно.

Прошло 25 лет... И снова упоминание о необходимости соединительного пути между Обью и Енисеем. На сей раз в отчете сенатора Толстого о ревизии Сибири:

«Кроме огромного сохранения провозных издержек,— писал сенатор,— кроме величайшей государственной пользы от дальнейшего развития торговли нашей с Китаем, от усиления таможенных доходов и распространения сбыта наших мануфактурных товаров, самая нужда края, обеспечение народного продовольствия Восточной Сибири и, наконец, содействие к дальнейшему развитию золотопромышленности решительно требует устройства водяного сообщения Обской системы с Енисейской».

Исконные сибирские товары — хлеб, сало, кожи, воск, лен, рыба — пользовались необычайно большим спросом, но отсутствие дорог сдерживало их поставку на внутренние

и внешние рынки, и, конечно, без удобных и дешевых дорог не могло быть и речи об использовании богатейших рудных запасов края.

В 1843 году создается «Комитет для начертания общего плана водяных и сухопутных сообщений в империи». И вновь среди его главных задач — создание транссибирского водного пути.

Поначалу комитет развернул бурную деятельность и даже собрался направить изыскательские партии для проверки проектов X округа путей сообщения. Собирался, да так и не собрался, хотя скопил в своих папках много вариантов Обь-Енисейского водного пути.

В одном из них полковник Латраверз из Иркутска предлагал соединить левый приток Оби — Васюган — с рекой Туй, впадающей в Иртыш. Этот путь на 500 километров сократил бы расстояние от Нарыма до Тобольска. Но сам Латраверз оговаривался, что его предложение имеет смысл только после сооружения Обь-Енисейского канала. Однако, по расчетам комитета (а он пользовался устаревшими даже для того времени данными о скоростях речных судов), после сооружения Обь-Енисейского и Обь-Иртышского каналов на путь от Иркутска до Тюмени, без учета встречных ветров, понадобится не меньше ста дней. А значит, транспорт, отправившийся из Иркутска в мае, придет в Нижний Новгород уже после закрытия осенней ярмарки. Эти расчеты и решили участь всех проектов.

* * *

И тогда сибирские купцы (не в пример правительственным чиновникам они великолепно понимали выгодность прямого пути из Оби в Енисей) сами решили попытаться счастья.

В 1871 году купец Бутыркин, один из учредителей пароходства по Байкалу, организовал специальную партию под руководством инженера Бельцова для исследования Обь-Енисейского пути по притоку Оби Чулыму. Однако экспедиция пришла к выводу, что большая разность горизонтов рек и мелководность самого Чулыма потребует непомерно больших и дорогих гидротехнических сооружений.

Казалось, что весь водораздел пройден вдоль и поперек, и уже появились варианты сухопутного соединения Оби и Енисея, когда совершенно неожиданно енисейский купец П. Е. Фунтосов (в некоторых источниках Фунтусов) узнает из рассказов местных жителей, что весной озеро Кал-то так разливается, что соединяет реку Чаррей-Кыкке (система Кети) и другую реку, впадающую в Енисей.

Летом 1872 года Фунтосов посылает на водораздел небольшую изыскательскую партию. Так и есть: в разлив озеро, переименованное русскими в Большое, а потом в Водораздельное (так и осталось оно до наших дней с двумя названиями), соединяет реки Язевую и Малый Кас (названия рекам тоже даны участниками экспедиции Фунтосова), и местные жители весной беспрепятственно путешествуют на лодках из Кети в Енисей. Больше того, местные жители утверждали, что озера Большое (из которого вытекает Язевая) и Касовское (где начинается Малый Кас) вовсе не разные озера, а светлые окна в огромном болоте и что во время разлива болото это очищается и становится судоходным, а летом снова мелеет, зарастает сетью водорослей, оставляя только несколько светлых окошек.

Само по себе это сообщение интересно совершенно неожиданной подробностью — если на водоразделе есть место, где сходятся притоки Енисея и Кети, а значит и Оби, то

сама природа подсказывает путь Обь-Енисейского канала.

Окрыленный первым успехом, П. Е. Фунтосов на следующий год организует вторую экспедицию на водораздел. На этот раз партия состояла из десяти рабочих и одного проводника-ханта. Возглавлял ее поверенный енисейского купца некто Захаров.

Путевой журнал экспедиции с глазомерной картой маршрута рассказывает, что она без труда прошла от устья Озерной до Енисея за десять с половиной суток.

Получив неоспоримое доказательство, П. Е. Фунтосов направил проект Обь-Енисейского канала в министерство путей сообщения, сообщив при этом, что жертвует 10 тысяч рублей серебром в награду капитану, который проведет пароход из Оби в Енисей.

Проект понравился специалистам, и 10 апреля 1875 года министерство путей сообщения командирует две рекогносцировочные экспедиции. Одну, под руководством инженера путей сообщения барона Аминова (запомните эту фамилию!), для обследования стоящих на пути в Иркутск и дальше в Китай ангарских порогов. Другую, под руководством инженера путей сообщения капитан-лейтенанта А. Сиденсера, — для исследования пути отряда Фунтосова. Второй экспедиции предписывалось провести глазомерную съемку всего пути, обратить особое внимание на ширину рек, на их изгибы, на характер берегов и скорость течения рек... Одним словом, программа экспедиции А. Сиденсера говорила о серьезном подходе к делу.

Но сначала о партии барона Аминова.

На пути транссибирской водной магистрали стояли опасные пороги на реке Ангаре, неподалеку от Братского острога. Правда, через них из Иркутска прорывалось ежегодно примерно 25 судов с грузом до 150 тысяч пудов, но многих храбрецов лишили эти пороги состояния, а то и жизни.

Барон Аминов докладывал по возвращении, что на ликвидацию порогов требуется полтора-два миллиона рублей.

Заметим кстати, что, несмотря на многие попытки ликвидировать ангарские пороги, они так и продолжали стоять на пути сибирских капитанов вплоть до наших дней. И только сооружение Братской ГЭС позволило раз и навсегда забыть о них. Отныне путь от Енисея до Байкала и Селенги свободен!

Теперь мы присоединимся к капитан-лейтенанту А. Сиденсеру.

Выехав 18 мая из Петербурга, экспедиция только к 25 июня добралась до Енисейска.

С первых же дней на Сиденсера обрушилась масса забот и хлопот. 18 июля от Маковской пристани вниз по Кети отошла небольшая эскадра легких лодок. Восемь гребцов из местных крестьян налегли на весла, и лодки взяли курс к устью реки Озерной, к песчаной косе, на которой расположились мы с вами в начале этой главы...

Весла, известно, не мотор «Вихрь», на них на глиссирование не выйдешь, да и Кеть в те времена была порядком забита карчами... Одним словом, к устью Озерной экспедиция добралась только вечером 25 июля. Всю неделю созерцал Сиденсер пустынные берега.

«Ниже Маковского встретились только две небольшие русские деревни Ворожейкина и Лосинобродский монастырь, от которого в настоящее время осталась только небольшая часовня» — записал он в дневнике.

Сейчас обжитых мест в той стороне тоже немного, но зато поселок Катайгинского леспромхоза обещает стать скоро настоящим таежным городом, если, конечно, не оправдаются скептические прогнозы специалистов треста «Томьлес» о более чем скромных запасах деловой древесины в округе. И тогда, кто знает, может, и создадут на Кети первое

государственное промысловое хозяйство со столицей в Катайге?

Войдя в устье реки Озерное, экспедиция обнаружила, что «на протяжении около 200 сажен она усеяна мелями, и среди них извиивается фарватер глубиной от 1 до 5 футов».

Именно на этих «входных мелях» Сашина лодка чуть не потерпела первую крупную аварию. Но, в отличие от нас, экспедиция тем же вечером добралась до небольшого хантыйского поселка в полутора верстах от устья.

Местные жители поведали Сиденсеру много неутешительного относительно дальнейшего пути, и прежде всего о «малой воде» в середине лета, и о заломах на всем пути, обходить которые придется берегом, прорубая себе и лодкам путь в буйных зарослях береговой растительности.

Это известие было и для нас малоутешительным: ведь мы собирались пройти по пути А. Сиденсера примерно в то же время. Но Сиденсер в селе Маковском нанял проводника, а после Усть-Озерного в отряде их стало двое. К тому же отряд заменил большую лодку, в которой везли провизию, на «два остяцких челнока», а о замене наших дюралевых кораблей нечего было и думать.

Да, для Сиденсера это был нелегкий путь. С первых километров пришлось перетаскивать лодки через наносные мели, прорубать обходные просеки в таежных зарослях и следить в оба, чтобы не напороться на обломанный ствол, наполовину завязший в донном песке и оцетинившийся острыми зубьями.

Озерная, по утверждению А. Сиденсера (замысловатое название этой речки на местном наречии он так и не запомнил), образуется от слияния трех речек: Кедровой (Масынбай-Кэ), Деревянной (Педы-Кэ) и Ломоватой (Лай-Кэ).

Здесь у Сиденсера неточность: Озерная течет сама по себе из болот, Ломоватая впа-

дает в Деревянную, а та, в свою очередь, в Озерную. Экспедиция, следуя по пути, указанному Фунтосовым, повернула в Ломоватую.

Отныне мы будем пользоваться только русскими названиями еще и потому, что землепроходцы умели очень точно подмечать главное свойство реки, ее самую характерную черту. И Ломоватая как нельзя лучше соответствует своему названию.

«По всей длине встречаются очень часто подводные карчи, но самое большое затруднение представляют так называемые «ломы». Беспорядочно сгрудившиеся стволы таежных гигантов перегораживали реку, и заломы эти поднимались выше берегов. «Продвигаться вперед на веслах можно было только от четырех до пяти часов в день, а остальное время уходило на обходы».

31 июля экспедиция вошла, наконец, в речку Язевую, правый приток Ломоватой, и сразу же столкнулась с новым препятствием.

Если до сих пор они плыли вдоль высоких, поросших тайгой, берегов, «то здесь (берега. — В. Т.) сразу же стали низменными, болотистыми, поросшими болотной травой и мелким кустарником». К тому же речка оказалась настолько извилистой, что в ней с трудом поворачивались даже короткие обласки. И, в довершение всех бед, местами Язевая до того мелела, что приходилось перетаскивать не только экспедиционные лодки, но и легкий обласок проводника. Кое-где Язевая и вовсе исчезала в зарослях болотной травы.

Но речка оказалась великодушной. Чем выше поднималась экспедиция, тем берега все больше и больше раздавались вширь, глубина увеличивалась до девяти футов, и сама река заметно спрямлялась. И тогда Сиденсер заметил, что «вода в ней совершенно прозрачная, тогда как в тех двух — мутная, желтого цвета», и что стоит прекрасная погода и красота кругом неопишная.

Правда, для поддержания общего тонуса Язевая подбросила на пути небольшое, сплошь заросшее «водорослью и болотной травой», озерко с низкими, покрытыми густым кустарником, берегами, зато сразу же за ним река глубокая и полноводная до самого истока из озера Кал-то, или Большого (по Фунтосову).

Оно и в самом деле оказалось большим: на пять верст в длину и на две в ширину, с болотистыми берегами, поросшими кустарником, мелкими борами и смешанным лесом.

Был вечер 1 августа 1875 года. Солнце расплылось по водной глади вязким густобордовым муссом. Участники экспедиции разбили лагерь и устроили праздничный ужин по случаю окончания половины пути. Отныне им предстояло плыть вниз по течению. Неподалеку от Большого озера, а вернее из другого «окна» его, брала свое начало речка Малый Кас.

До сих пор шли по пути, проложенному самой природой, но утром 2 августа Сиденсеру предстояло сделать выбор между маршрутами первого и второго отрядов Фунтосова: войти в Малый Кас через Касовское озеро или перетащить лодки посуху, версты на две ниже истока.

От первого варианта пришлось отказаться — лодки безнадежно застряли в мелкой и вязкой болотной протоке, к тому же «Малый Кас у истока имеет ширину 2—3 сажени... вся река заросла травой». Зато ниже по течению она «становится глубже, а берега становятся выше и суше, кустарник сменяется сначала смешанным, а затем исключительно хвойным лесом».

Лодки перетащили из Большого озера в Малый Кас примерно в версте от его истока.

4 августа, сделав на прощание астрономические наблюдения, экспедиция начала счет километрам уже по притокам Енисея.

Но и по ним идти оказалось не легче.

«В некоторых местах наносы леса представляют нечто вроде порогов, поверх которых вода стремится со скоростью от 5 до 8 верст в час. Один из таких порогов, находящийся недалеко от устья, представляет весною некоторую опасность для небольших челноков, и лодка, на которой ехала экспедиция Фунтосова, спускалась здесь на веревке».

И снова членам экспедиции приходилось вытаскивать свои суденышки на берег, прорубать в тайге просеки и перетаскивать по ним и грузы, и сами лодки.

По свидетельству А. Сиденсера, Малый Кас не самая лучшая река для путешествий: глубина его то увеличивается, то вдруг река мелеет, и лодки приходится тащить на веревках через заломы и пороги, мели и перекаты. «Течение в низовьях делается слабее и недалеко от впадения реки в Большой Кас не превосходит версты...»

7 августа 1875 года экспедиция, наконец, вышла в Большой Кас, последнюю реку водораздела. После мелких, перегороженных «ломами» речек он показался Сиденсеру глубоким и просторным, с ярымыми берегами высотой до 25 футов. Но при более близком знакомстве оказался не таким уж и приветливым: «фарватер местами очень узкий и переходит от одного берега к другому», по всей реке разбросаны мели и карчи, русло устилает крупная галька и валуны, «течение доходит до трех верст, вода мутная, глубина неровная и не превышает пяти футов».

Я помню, как в самом начале нашего путешествия Альберт уверял нас, что самым сложным будет путь до Малого Каса, а потом...

— Потом, братцы, начнется великолепная жизнь, построим плот, поставим палатку и потихонечку сплавимся в Енисей.

Сейчас, перечитывая путевые заметки А. Сиденсера, я снова вспоминаю тот давний спор. По приблизительным подсчетам экспе-

диции министерства путей сообщения, от Водораздельного озера до Енисея 160 верст, а средняя скорость обеих Касов «редко превышает две версты в час». Даже при идеальном ходе, без учета «многочисленных мелей, ломов и перекатов», на путь до Енисея плоту нужно больше недели, а учитывая все препятствия и время на ночевки (а идти ночью по столь каверзным рекам — чистое безумие) — около месяца.

Нет, плот слишком неподходящий транспорт для таежных рек.

Сиденсеру было легче — восемь потомственных гребцов работали на славу, и 9 августа, преодолев больше трехсот верст по таежным рекам и три с половиной версты волока между Большим озером и Малым Касом, первая экспедиция министерства путей сообщения вышла в Енисей.

Почти столетие понадобилось русским, чтоб дойти от Уральских гор до Тихого океана, и столько же ушло на поиск удобного речного пути из Оби в Енисей. Вы помните, первая идея создания такого пути для больших судов была высказана в 1797 году иркутским генералом Новицким, а в 1875 году А. Сиденсер записал в своем отчете:

«Согласно вышеизложенной описи пройденного пути водораздела, он представляется единственным соединением бассейнов вод Оби и Енисея, и, чтобы сделать его судоходным, понадобится произвести некоторые работы для улучшения на протяжении около 300 верст, где судоходство еще не существовало».

А. Сиденсер был настолько уверен в реальности нового проекта, что предложил правительству возглавить частную фирму по его строительству и эксплуатации.

* * *

После экспедиции А. Сиденсера мечта о транссибирской водной магистрали, которая

заменит осточертевший всем гужевой транспорт на Московском тракте, стала приобретать реальные очертания.

При финансовой помощи Императорского Русского географического общества, выделенного из своего более чем скудного бюджета две тысячи рублей серебром и пожертвований частных лиц, в том числе знакомого нам енисейского купца Фунтосова, согласившегося 10 тысяч «употребить не в награду капитану первого судна, а на эти же изыскания», осенью 1877 года в район будущего Обь-Енисейского канала направляется новая экспедиция министерства путей сообщения «для продольной нивелировки и промера рек, входящих в соединительный путь между Кетью и Енисеем, с целью составления первоначального проекта и определения предварительной стоимости всего сооружения». Возглавлял ее барон Аминов.

21 августа экспедиция прибыла в Енисейск, и, по сообщению Аминова, «тотчас занялась приготовлениями к предварительной поездке, которую он полагал предпринять с целью наблюдения над весенними водами рек, входящих в соединительную систему, и для личного ознакомления с местностью».

По логике вещей возглавлять экспедицию должен был А. Сиденсер, которому не нужно было «ознакомление с местностью». После первой поездки у него родился свой, вполне приемлемый, план. Но пути господни неисповедимы, а ход мыслей чиновников министерства путей сообщения — тем более. Сейчас нам остается только принять все происшедшее, как факт.

Приготовления шли всю долгую сибирскую зиму, и только 11 мая барон Аминов вместе со своим помощником, студентом института путей сообщения Порцелем, отправился из Енисейска в село Маковское.

В полдень 16 мая экспедиция отсалютовала поселку Усть-Озерное. Впрочем, салюто-

вать-то, по существу, было нечему: задолго до прихода экспедиции от поселка в силу причин, связанных с политикой колонизации, остались всего три семьи аборигенов, влачившие жалкое существование. И здесь Аминов столкнулся с главной трудностью.

В Усть-Озерном предстояло организовать водомерный пост. Дело в принципе нехитрое: у берега в воду ставится рейка с делениями, и наблюдатель несколько раз в день отмечает по ее делениям уровень реки. Но как осуществить эту нехитрую операцию, если в поселке нет ни одного грамотного человека?

И тогда Аминов провел небольшой эксперимент, в бесполезности которого, по собственному признанию, ничуть не сомневался. Он подозвал к себе молодого ханты, дал ему в руки бумагу и карандаш и попросил скопировать цифры с водомерной рейки. Паренек справился с этим настолько успешно и проявил такую сообразительность, что барон, искренне удивленный его способностями, тут же поручил ему наблюдение за уровнем реки.

В тот же день экспедиция отправилась дальше и, преодолев трудный путь по притокам Кети, обойдя берегом двадцать заломов, 21 мая вышла в Водораздельное озеро.

Вода в это время стояла высокая, и Аминов немного изменил маршрут А. Сиденсера, начав путь не с Малого Каса, а с озера, из которого он вытекает. 27 мая разведочная партия благополучно вышла в Енисей.

Реки Озерная, Ломоватая, нижняя половина Малого Каса и Большой Кас произвели на Аминова хорошее впечатление и своими высокими берегами, и изобилием воды в них (вот что значит идти весной, по большой воде!). Единственное серьезное препятствие для большегрузных судов — Язевая и верхняя половина Малого Каса, узкие и до того извилистые, что лодки длиной около 40 футов с трудом могли «изворотиться» на них.

На этом участке и предстояли самые крупные гидротехнические работы.

Для весеннего же судоходства вполне достаточно только расчистить реки от карчей и заломов.

Этот вывод Аминова вполне приемлем и в наши дни. Помню, когда в Белом Яре я рассказал начальнику сплавконторы Степанову об эксперименте Колпашевской судовой верфи, он только скептически улыбнулся: «В их караване приличного-то судна не было. Мы уже несколько лет проводим весной на Енисей крупные, глубокосидящие буксиры с большими баржами, нанимаем там рабочих на лесосплав и благополучно доставляем их на берега Кети».

А некогда известный на всю Кеть врач Василий Степанович Ильихин, специалист по глазным заболеваниям, рассказывал, что за тридцать пять лет его работы в Колпашево к нему постоянно привозили больных с Енисея. Местные жители всю пользовались каналом, считая его самым коротким и надежным путем. И ходили они не на легких обласках, а на больших рыбацких расшивах.

Подтверждение Аминовым выводов Фунтосова и Сиденсера окончательно решило судьбу Обь-Енисейского канала. В помощь изыскателям из Иркутска и Омска были командированы два классных топографа унтер-офицерского звания.

Получив подкрепление, Аминов разделил отряд на две партии. Одна — в составе инженера путей сообщения Липина, коллежского регистратора Толчанова и кондуктора Федорова — 5 июля направилась к устью Большого Каса и затем вверх по течению до Водораздельного озера. А навстречу ей, от устья Озерной, шла другая партия во главе с Аминовым. В ней были студент Порцель, выполняющий обязанности топографа, коллежский регистратор Сергеев и кондуктор Хандажевский.

Распределив таким образом обязанности участников экспедиции, Аминов надеялся окончить работы до ледостава, не позднее октября того же 1878 года.

Попутно сделаем еще один нехитрый расчет. Начало навигации на канале — первые числа мая, конец — октябрь: почти полгода может непрерывно работать дешевая и надежная транссибирская речная магистраль. Такая дорога и в наши дни могла бы сослужить хорошую службу.

Сроки, намеченные Аминовым, оказались вполне реальными, и в назначенное время на стол министерства путей сообщения лег окончательный проект Обь-Енисейского канала.

В отличие от прошлых проектов, он составлялся не дилетантами и энтузиастами-одиночками, а явился итогом четырех экспедиций, две из которых были укомплектованы высококвалифицированными специалистами. Все они пришли к единому мнению — сама природа подготовила и подарила человеку речной путь из Оби в Енисей, и таким подарком грешно не воспользоваться.

Для беспрепятственного продвижения большегрузных судов из Оби в Енисей Аминов предлагал:

— Прокопать канал длиной 7,35 версты и шириною 9 сажень из Водораздельного озера в Малый Кас несколько ниже его истока, так как в истоке Малый Кас слишком узок и мелок.

— Реки между Кетью и Енисеем расчистить от заломов и спрямить прокопами общей длиной 52 версты. Тем самым, кроме удобства судоходства, путь сократится на 122 версты и составит примерно 210 верст.

— Приспособить их с помощью 29 шлюзов и 28 плотин к движению судов длиной 22 сажени, шириною 3,5 и осадкою 7 четвертей (0,58 сажени). Проектная глубина канала — 0,8 сажени.

— Все гидротехнические сооружения и гражданские здания построить из местного леса, который не используется и не приносит государству никакой выгоды.

Общая стоимость работ на канале оценивалась в 5 443 251 рубль (обратите внимание, какая точность!), а с учетом 25% надбавки на непредвиденные расходы — 6 803 251 рубль.

Эта сумма была приблизительной, но в проекте и в смете делалась оговорка, что канал будет стоить не больше 8 миллионов рублей, а с запланированными несколько раньше расходами на ликвидацию ангарских порогов для беспрепятственного движения судов до Иркутска и Байкала, а оттуда по Селенге в Монголию — 10 миллионов рублей. В смету входили, помимо основных работ, дополнительные изыскания, подготовка окончательных проектов и рабочих чертежей, содержание административно-управленческого аппарата...

Но вернемся к самому проекту. Он был рассчитан на 5 лет. Кроме того, авторы просили два года на дополнительные изыскания и составление подробных проектов. Но потом решили, не дожидаясь окончательных итогов изысканий, сделать прокоп между Водораздельным озером и Малым Касом, но пока не девяти, а шести сажень шириною. Шлюзы же делать сразу для прохода больших судов. И через два года, параллельно с основными работами, начать эксплуатацию канала и за счет специальной пошлины с проходящих судов окупать расходы на строительство.

В документах о строительстве есть смета на 680 тысяч рублей. Основные затраты планировались на прорытие канала между Водораздельным озером и Малым Касом, на устройство в верховьях Малого Каса и Язевой двух шлюзов, на устройство деревянных разборных плотин.

В то же время министерство путей сообщения отвергло проект соединения Томска с Иркутском железной дорогой в 1500 верст. Оценивалась такая дорога в 100 миллионов рублей (против 10 миллионов на Обь-Енисейский канал, который вполне обеспечил бы потребности в перевозке грузов).

* * *

И еще одно чрезвычайное обстоятельство заставило правительство поторопиться со строительством канала.

Ранним январским утром 1881 года в Петербург прибыл есаул Козелло. Преодолев тысячи километров от Иркутска, он был немедленно принят высокими государственными чинами и вручил им «Всепопданейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири Д. Г. Анучина».

«Недоразумения с Китаем, — с тревогой сообщалось в отчете, — поставили на первую очередь вопрос об обороне границ Восточной Сибири». До сих пор оба государства пребывали в относительном мире и согласии, и правительство России шло ради этого на значительные уступки. «Между тем китайское правительство подобные наши действия всегда объясняло нашей слабостью...» Дипломатические переговоры тянулись и угрожали войной, и Восточная Сибирь «из-за крайней отдаленности от центра империи» могла оказаться «в весьма невыгодном положении».

По мнению генерал-губернатора Восточной Сибири, это тревожное положение на границах может быть ликвидировано только непрерывным речным путем, открытым «купцом Фунтосовым и исследованным на пожертвованный им капитал инженером путей сообщения бароном Аминовым».

Чувствуете, как ловко подтасовывается история? В официальном документе на имя государя-императора упоминается только

Фунтосов со своими пожертвованиями и барон Аминов. О том, что этот путь открыт местными жителями, а купец только проверил услышанные им рассказы — ни слова, так же, как не упоминается и руководитель первой правительственной экспедиции в район канала капитан-лейтенант А. Сиденсер и финансовая помощь Русского географического общества.

Но как бы там ни было, а иркутский губернатор Д. Г. Анучин хорошо понимал, что соединительный канал между двумя великими сибирскими реками «дело громадное по тем результатам, какие получатся от него для этого малонаселенного и забытого, но богатого и вполне достойного лучшей участи края».

И еще на одно замечание Д. Г. Анучина мне хотелось бы обратить внимание:

«Какое бы, однако, значение, не имело быстрое осуществление соединения бассейнов Оби и Енисея, но, во всяком случае, дело это не должно задерживать другого, более важного предприятия — устройства Сибирской железной дороги...»

И сам губернатор, и все передовые люди того времени отлично понимали, что два пути, речной и железнодорожный, не только не помешают друг другу, но будут служить прекрасным транспортным комплексом для быстрого и полного освоения богатейшей окраины империи.

В этом видели они будущее Сибири с ее необъятными пространствами и с извечной проблемой дорог.

Это было в 1881 году. А год спустя, 27 июля 1882 года, император «высочайше утвердить изволил и повелел исполнить», а государственный совет, рассмотрев представление министра путей сообщения, «мнением положил:

1. Предоставить министру с будущего 1883 года приступить к производству работ, необходимых для устройства непрерывного водяного сообщения между бассейнами рек Оби и Енисея».

Так началось строительство Обь-Енисейского канала.

1872—1882 годы... Ровно десять лет прошло от первой экспедиции Фунтосова до императорского указа.

В надежде на то, что соединительный путь «послужит прочным основанием к дальнейшему развитию торговли и промышленности и может представить существенные выгоды не только в экономическом отношении, но даже для потребностей администрации и отчасти для целей стратегических», министерство финансов отпустило из государственной казны необходимую сумму на первые два года, не забыв, по извечной привычке финансистов всех времен, округлить ее с 680 до 600 тысяч (по триста тысяч в год). И строительство началось.

Начальником строительства был назначен барон Аминов. В помощь ему командировали инженеров путей сообщения, коллежских секретарей Бобьенского и Ченцова. Как видите, возглавляли строительство люди именитые. А что из этого получилось, мы узнаем немного позже.

В конце марта 1883 года Аминов и его свита выехали к месту строительства будущего канала.

* * *

Строительство развернулось грандиозное. 1200 рабочих собрал Аминов на маленьком участке Обь-Енисейского канала.

Квалификация определялась по городам и поселкам. Енисейцы были прекрасными плотниками. Весной они сами добирались до Маковского острога и оттуда спускались до

устья Озерной. Там пересаживались в лодки управления строительства и на следующий день занимали места в бараках главного стана или поселка-спутника.

Другие — съезжались в Томск, грузили на баржи припасы, устраивались сами и плыли 900 верст по Томи и Кети до устья реки Озерной, а если вода стояла высокая, сворачивали в нее и шли, пока возможно. (Весной 1884 года вода долго не спадала, и большие баржи, до отказа загруженные людьми и продовольствием, смогли подняться на 40 верст вверх по Озерной). Потом и продукты, и люди перегружались на небольшие лодки и поднимались до главного стана.

Из Томска ехали в основном крестьяне, не знакомые с рабочими профессиями. Многие из них впервые видели насадную лопату, и их обучали на месте.

На общем совете инженерно-технического состава решили прежде всего начать расчистку рек от карчей, ломов и завалов. С этим вполне могли справиться чернорабочие. Занимать же на неквалифицированных работах плотников и землекопов Аминов считал крайне неразумным. Часть землекопов он направляет на подготовку фундаментов двух шлюзов, а остальных — на рытье канала между Водораздельным озером и Малым Касом.

Плотники же приступили к строительству жилья и административных зданий. Большую бригаду направили в тайгу для заготовки строевого леса. Вскоре заготовили и вывезли к месту строительства 7500 сосновых и кедровых бревен.

На главном стане за несколько недель срубили 16 барачков для рабочих, два дома и флигель с кухней для инженеров, техников, врача и иеромонаха Германа. В этих же домах помещалась канцелярия и жили десятники. Рядом с бараками и домами поставили кладовую с ледником, сарай для громозд-

ких вещей, помещение для полицейских и маркитанта, больницу на 50 кроватей с помещением для фельдшера и аптеки, кухню с восемью котлами для рабочих, пекарню с шестью печами, баню, столярную, слесарную и кузнечную мастерские, хлев для скота, конюшню, два колодца с желобами для подачи воды в жилые и хозяйственные помещения и, наконец, пристань на сваях, и от нее через болото настил из жердей с деревянными рельсами к центральной кладовой, по которым при разгрузке лодок шли вагонетки с продовольствием и инструментом.

Одним словом, в первый год строительства на берегу Водораздельного озера, в самом центре сибирской тайги, вырос вполне благоустроенный поселок.

А в тридцати верстах от него, по речке Язевой — поселок-спутник.

Жизнь в поселках шла своим чередом. Вместе со строительным лесом заготавливали на месте уголь для кузниц и сено для 44 лошадей.

Без усталости бороздили речки и озера 35 рабочих лодок, два баркаса, четыре баржи, паровой катер в полторы лошадиные силы и гордость строителей — 35-сильный пароход с лихим названием — «Фортуна».

Для снабжения обувью, бельем, одеждой и табаком в каждом поселке — маркитант. Никакой спецодежды на строительство не полагалось. Рабочий покупал все на свои деньги. Администрация лишь следила, чтобы цены на товары были не выше, чем в Томске. Правда, питание и жилье были бесплатными, а тем, кто хорошо трудился и выполнял норму, полагалась и водка.

Это одна сторона. А другая... Тесные баряки (на каждого рабочего приходилось полтора квадратных метра), однообразная пища из солонины, гречневой крууды, пшена, кислой капусты и коровьего масла. Отсутствие витаминов...

Когда ревизор министерства путей сообщения И. И. Августовский приехал на главный стан, в больнице лежало 20 человек, «13 из которых болели цингой» уже около трех месяцев.

Но, на фоне общего положения наемных рабочих в России, строители Обь-Енисейского канала находились в относительно сносных условиях и получали за свой труд от 16 до 20 рублей в месяц (по тем временам неплохие деньги). Правда, начальник строительства барон Аминов получал в 30 раз (!) больше самого квалифицированного рабочего и находился на полном государственном обеспечении.

Много ходило в те времена слухов и толков вокруг строительства Обь-Енисейского канала.

Но сначала приглядимся повнимательнее к экономической стороне Обь-Енисейского водного пути с точки зрения, допустим... купцов и промышленников, заинтересованных в строительстве транссибирской железнодорожной магистрали.

В конце прошлого века речное пароходство в России было на достаточно высоком уровне. И, естественно, перевозка грузов по воде обходилась во много раз дешевле, чем по железной дороге.

И представьте себе психологию купца в тот неторопливый век. У него есть несколько сотен пудов груза, который нужно перебросить в Сибирь или, наоборот, из Сибири в Центральную Россию. Пересчитывает купец колонки цифр, делит, множит, и получается — если отправить груз по воде, к ярмарке он все равно успеет. Зачем же ему связываться с дорогими перевозками по железной дороге? Недаром тот же Фунтосов (а он был купец именитый и деньги считать умел) вложил свой капитал не в железную дорогу, а в речной канал.

Теперь о пассажирских перевозках.

Кто ехал в Сибирь? Прежде всего, конечно, переселенцы, обнищавшие крестьяне в поисках заработка и привольных земель. Какие у них деньги? Многие шли пешком, но основная масса торопилась (к тому же коровенка, домашний скарб) и, собрав последние копейки, ехала в новые края на палубах груженных барж. Купцу двойной доход, и переселенцам недорого.

Вторая категория, самая выгодная для купцов, — ссыльные. Кстати, первым доводом в пользу канала И. И. Августовский поставил именно эту проблему. «После устройства пути для большемерных судов (подчеркнуто мною. — В. Т.) явится возможность перевозки всех арестантских партий в Восточную Сибирь водяным путем, что повлечет за собою упразднение конвойных команд и этапных тюрем, распределенных между городами Томском и Иркутском по всему почтовому тракту».

На второе место ставил Августовский перевозку чая, на третье и четвертое — соображения стратегические, экстренную переброску войск к китайской границе. И только оговорив «главные пункты», вспоминает он об увеличении в ценности прилегающих к каналу казенных земель и лесов и урегулировании продажных цен, в частности на хлеб, в Западной и Восточной Сибири.

Я приведу всего один пример из многих, чтобы стало ясно, какой лакомый кусочек уплывал по рекам от промышленников.

В 1872 году предприимчивый купец Колчин заключил с правительством контракт на 10 лет на перевозку ссыльных от Тюмени до Томска. Он закупил несколько мощных пароходов, и дело пошло. С каждым годом число рейсов росло, достигнув в 1878 году двадцати за навигацию, а срок доставки партий из Тюмени до Томска сократился до восьми-одиннадцати дней.

По сведениям 1875 года, у Колчина было 6 стосильных пароходов, и все они совершали регулярные рейсы каждую неделю от Тюмени до Томска и обратно, имея на буксире одну баржу с ссыльными.

Да, со строительством Обь-Енисейского канала у акционеров Транссибирской железнодорожной магистрали появлялся солидный конкурент, которого в лучшем случае можно превзойти в скорости, но никак не в цене и комфорте... Даже сейчас перевозка по железной дороге обходится значительно дороже.

А теперь легенда.

Говорят, что кое-кому из министерства путей сообщения были вручены взятки от железнодорожных магнатов, и самая крупная (сумма ее исчислялась в миллионах) досталась барону Аминову. От него же требовалось единственное — немного сократить размеры шлюзов... чтобы по каналу не смогли проходить большие пароходы (а маленьким, с их мизерной грузоподъемностью, не выдержать конкуренции железной дороги в широком масштабе). К сожалению, мы располагаем только устными свидетельствами. И взяточники, и те, кто дает взятку, предпочитали во все времена не оформлять документально свои махинации, а тем более оставлять следы подобных сделок в архивах.

Однако обратимся к фактам. В отчете правительственного ревизора И. И. Августовского есть масса самых мельчайших подробностей чуть ли не благотворительной деятельности Аминова на посту руководителя строительства Обь-Енисейского канала. Он подробно описывает быт рабочих, рассказывает, какую кипучую деятельность развил сам барон. И только одну деталь забыл осветить строгий ревизор — по неизвестным причинам Аминов изменил свой же проект и пренебрег императорским указом, видимо, рассчитывая на поддержку влиятельных лю-

дей из министерства путей сообщения. Вот она, эта упущенная деталь — два шлюза, строительство которых к приезду ревизора шло полным ходом, оказались длиной 15 сажень (вместо 22 по проекту), шириною 3,5 сажени и могли пропускать суда с осадкою в 4—5 четвертей (вместо 7—8 по проекту).

Случайная ошибка? Исключено. Аминов был достаточно опытным инженером, и уж кому-кому, а автору проекта канала было совершенно ясно, что он сам с первых шагов напрочь хоронил свою идею. Остальные шлюзы тоже не совпадали с проектами, и построили их на канале не 28, а всего 14.

13 июня 1895 года в газете «Сибирский Вестник» появилась статья «О водяном сообщении между Тобольском и Енисейском». Ее автор А. Сибиряков с гневом говорил, что в результате «бурной» деятельности барона Аминова «мы имеем так называемый Обь-Енисейский канал», которым могут пользоваться суда только с верховьев Оби, и он практически бесполезен для Тобольска, Тюмени и вообще Иртыша: когда в северных районах реки очищались ото льда, канал уже настолько мелел, что пройти по нему на крупных судах невозможно. Затраченные к тому времени 2,5 миллиона рублей не принесли практически никакой пользы. «Если же улучшить реки Большой и Малый Кас, — пишет А. Сибиряков, — устройством в них необходимых шлюзов, тогда водяное сообщение между Обью и Енисеем через Обь-Енисейский канал сделается возможным без затруднений в течение всей навигации, и таким образом в нем примут участие бассейны Иртыша и даже низовья Оби».

Интересна не только сама статья А. Сибирякова, но и приписка к ней от редакции. Она коротка и настолько эмоциональна, что я приведу ее полностью:

«Р. С. «Сибирский Вестник» чуть ли не пять лет твердит то же самое: Обь-Енисей-

ский канал только тогда имел бы свой смысл, когда бы выполнен был согласно первичному проекту и сметным назначениям».

Эти строки были написаны через 12 лет после начала строительства и через десять лет после опубликования радужного отчета ревизора министерства путей сообщения И. И. Августовского. Больше официальных публикаций ревизорских отчетов не было, а построенная к тому времени железная дорога уже собирала колоссальные прибыли. Хотя, пользуясь словами А. Сибирякова, «как бы ни было важно значение Великой сибирской железной дороги, но задачи ее и водяных сообщений в Сибири не тождественны: она только дополняет последние, но не исключает их: самые необходимые продукты и материалы, требующие для пользования ими и сбыта возможно дешевый способ сообщения, таковой найдут только в водяных сообщениях по великим сибирским рекам».

Хоть и витиевато, а правильно сказано. Ибо проблема эта и до сих пор не решена.

Шли годы, а строительство важного для Сибири водного пути так и оставалось незаконченным. Не помогли ни «высочайшее повеление», ни «строгие» правительственные ревизоры — все завязло в бесконечных бюрократических дебрях государственного аппарата Российской империи. Окончательно разувверившись в Кеть-Касовском варианте, министерство путей сообщения (видимо, уже в новом составе) предпринимает несколько новых попыток исследования междуречья, но начавшаяся вскоре империалистическая война, а следом за ней и Великая Октябрьская социалистическая революция надолго отодвинули проблему Обь-Енисейского канала на второй план.

Потом, как мы уже знаем, в 1918 году по каналу пытались провести пароход «Первый», но, пока он добирался до устья реки

Озерной, вода в канале спала, и пароход вместе с землечерпалкой «Сибирская-5» вмерз в лед.

* * *

И вот теперь нам предстоит пройти по этому памятнику искусства сибирских мастеров, пройти по ставшему уже легендой речному пути.

Чем встретит нас Обь-Енисейский канал? Что от него осталось? Ведь все постройки были сделаны из дерева, и многие могли бы скоро отмечать столетний юбилей. Такой срок не всякое строение из кирпича и камня выдержит.

Да и пройдем ли мы по нему? Пока у нас нет ни проводника, ни сколько-нибудь точных данных о канале, кроме почти твердой уверенности, что в конце июля наши лодки будут на нем бесполезной обузой. С такими мыслями и с таким настроением вошли мы в устье речки Озерной и, лавируя между мелями, на самых малых оборотах взяли курс на поселок Усть-Озерное, само название которого говорило о его географическом местонахождении.

Глава 2

Лучший способ распугать все живое на десять километров в округе — продвигаться по таежной реке на лодке с подвесным мотором «Вихрь». На бесконечных мелях, сталкиваясь с донными корягами, он издает такие душераздирающие звуки, что все таежное население оставляет по берегам только свежие следы.

— Выдра копалась, — фиксирует наш проводник Юра Васильев, кивая на разрытый берег.

— Медведь купался, ишь как кусты примял. Должно, матерый.

— Сохатый реку переплыл. Здесь выбрался. Обрыв, что трактор, разбуровил.

Ни сохатого, ни выдры, ни медведя мы не видели. Юрина лайка, сопровождая нас по заросшему берегу, только злобно щетинилась у каждого следа и бежала дальше, вдоль реки. В другой раз она бы не приминула взять след, но сегодня даже лайка понимала, что зверь, заслышав приближение воющего чудовища, предпочел поглубже забраться в спасительную тайгу и искать его совершенно бесполезно. И только утки со своими беспомощными выводками забивались в береговую траву.

И Озерная уже осталась позади, и Деревянная... Лодки входили в печально известную нам речку Ломоватую. Юра стоял на носу первой лодки и, широко расставив ноги, указывал Геннадью Залесову фарватер, а мы сидели наготове с длинными шестами, вскакивая в критические минуты, чтобы помочь мотору одолеть очередную мель.

С Юрой Васильевым мы познакомились несколько часов назад.

Наша утренняя попытка войти в устье реки Озерной оказалась на редкость успешной. Выделявая головокружительные петли, мы по наитию благополучно обошли все мели и подошли к маленькой пристани поселка.

Прямо по крутому береговому откосу карабкалась деревенская улица. Поселок забирался в гору уступами, на манер кавказского аула, и только там, на горе, превращался в типичную сибирскую деревеньку без единого признака растительности, если не считать пыльных ленточек чертополоха по самому краю бревенчатых оград.

Сибирскому крестьянину всегда была присуща практичность. Он бы и не прочь развести в усадьбе или под окнами фруктовый сад, да климат суров. А тащить в поселки саженцы из тайги: «Вон его сколько в окру-

ге, лесу-то, не знаешь, как отбиться». И некоторая серость и однообразие наших сел — не от низкой культуры. Вокруг полно зелени и чистого воздуха и слишком мало солнечного тепла — потому и делают в сибирских домах просторные окна, и не сажают под ними деревья.

Усть-Озерное — типичное сибирское село, что выросло на месте нескольких юрт (помните, в письме Аминова говорилось об абсолютно безграмотных и влачивших жалкое существование «остяцких» семьях).

Мы зашли в ближнюю избу и почти с порога завели речь о проводнике. Но в сибирских селах не любят торопливости. Прежде всего на столе появилось угощение — кринки с молоком и простоквашей, свежий, душистый хлеб, сало, холодное мясо. Тут же сидели хозяин и хозяйка, а в соседней комнате человек пять ребятишек самых разных возрастов корпели над уроками. В историческом счете между посещением Аминова и нашим прошло совсем немного времени, но сейчас в зажиточном поселке так же трудно найти неграмотного человека, как в то время — грамотного.

А вот с проводником дело обстояло намного сложнее.

— Просто не знаю, к кому вас и послать, — сокрушался хозяин. — Разве к Васильевым. Они оба, и муж и жена, работают на гидропосту, и Юрий, помнится, раза два провожал по каналу лодки. Попробуйте, он парень ваш, городской, может, и сговорится.

Васильевы жили в центре равнинной части села. Нас встретила миловидная хозяйка:

— Подождите, Юра скоро придет. Ушел на гидропост данные снять.

— Может, вы нам поможете его уговорить? — с надеждой спросил я.

— А зачем уговаривать? Юра согласится, а на посту я за него подежурю.

Устроившись в тени рубленного с размахом скотного двора, мы молча ожидали решения своей участи.

Скрипнула калитка, и во двор вошел высокий худощавый парень с добрым и симпатичным лицом. Мельком поздоровавшись, он поставил перед нами флягу с чистой ледяной водой:

— Пейте. Она у нас вкусная.

Мы пили воду, а Юра изучающе смотрел на нас.

— Ну, пойду в дом. Собираться нужно. Часа через два — отправимся.

Мы рты открыли от удивления: думали, придется уговаривать, просить, а тут...

— Если хотите отдохнуть — идите в дом. Жена постелит.

Какой там отдых! От такого неожиданного везенья и думать забыли про усталость.

— Тогда ждите здесь, а я схожу в магазин, куплю курева на дорогу.

Нам тоже не мешало пополнить запасы, и мы пошли вместе.

Маленькая хибарка сельпо притулилась к крепкой ограде Юриного соседа. На полках — обычный для сельского магазинчика набор продуктов и товаров: рядом с вермишелью стоит радиоприемник последней марки, а между детскими игрушками — фотоаппарат, за которым охотятся фотолюбители. Тут же несколько томов редких книг, и у меня загорелись глаза. Заметив это, Альберт напомнил о нашей не слишком большой кассе и лишней тяжести, и я с сожалением вернул книги продавцу.

Потом мы вытаскивали из лодки напрочь раскритикованную Юрием двухсотлитровую бочку.

— Оставляйте на берегу. Если и возьмут немного бензина, при первом же случае отдадут. Замки в Усть-Озерном — неходовой товар.

На берегу лежало несколько обласков, и Альберт с Иннокентием решили испытать судьбу. В предвкушении веселых кадров Геннадий вооружился фотоаппаратом и не ошибся. Получилась целая фотоновелла. Кеша в обласке, обласок на Кеше, просто вода и обласок, голова Кеша, увенчанная водорослями и, наконец, обсыхающий любитель острых ощущений...

Не успел Кеша обсохнуть, раздалась команда «По лодкам!», загудели моторы и... Сашина «Обь» беспомощно заскользила по течению: коряга напрочь сорвала шпонку.

Нещадно ругаясь и проклиная всяких бродяг, втягивающих в авантюры ни в чем неповинных людей, Саша категорически заявил о своем выходе из состава экспедиции, вполне резонно заметив, что если у самого поселка летят шпонки, то что будет дальше, он себе представляет. Это был уже не пассивный саботаж, а бурное восстание, чреватое для нас потерей одной лодки и великолепного механика.

В итоге бурной дискуссии Саша пошел на компромисс. Его лодку мы накрепко привязали цепью к «Казанке», а мотор перенесли на нос (впредь до экстренных событий).

В дальнейшем мы убедились в мудрости принятого решения: «Обь», превратившись из лодки в дюралевую баржу, плелась за нами на привязи и своим задраным носом приподнимала корму «Казанки», часто спасая винт от нежелательных столкновений с карчами и мелями.

Мы шли на самых малых или на средних оборотах, перегоняя помпой «Вихря» жидкую кашу из воды, глины и песка. И тогда мы поняли преимущество «Вихря» перед другими моторами. Во-первых, он хоть и был не своим голосом, а все-таки проталкивал лодку через небольшие мели, а во-вторых, редкая коряга могла выдержать удар его мощного трехлопастного винта.

Да, дорожка была — не сахар! Особенно, когда флотилия вошла в Ломоватую. Перегороженная рухнувшими деревьями, река подкидывала такие запятые, что лодка тре-

Где с шестом, где на моторе, а все-таки движемся вперед.

щала по всем швам. Иногда столкновения были настолько неожиданными, что Юрий летел метра на три прямо по курсу и с шумом рушился в воду.

Поворот... Еще поворот... Длинный, спрямляющий реку прокоп километра на два, снова изгиб реки и снова непролазная чаша повисших над самой водой деревьев. Тугие стволы мостами перекинулись с берега на берег и прогнулись к воде так низко, что едва удастся протиснуть под ними лодки. С родной землей их связывает один-два корня, и деревья, в последнем усилии отгаликиваясь от воды узловатыми зелеными руками, стараются удержаться. Однажды, едва мы успели продраться сквозь ветви, огром-

ная береза вдруг затрещала, на мгновение уцепилась макушкой за один берег и остатками корней за другой, но река навалилась с такой силой, что бедное дерево рухнуло с раскатом, достойным залпа целой батареи. А на берегу обнажилась глубокая рваная рана.

Казалось, что река продирается сквозь немыслимый таежный бурелом и мы продираемся вместе с ней, перетаскивая лодки через завалы и мели, помогая натянутой в струну капроновой бечевой, шестами и мотором, поминутно выскакивая из лодки, мокрые и вконец измученные.

Изредка река давала нам небольшой отдых на чистом и глубоком фарватере, и тогда мотор шел легко и весело, а мы, с наслаждением вытянув ноги, закуривали и сохли на теплом приветливом ветерке, под горячими лучами июльского солнца.

И вдруг... В глубине длинного прокопа, заросшие с основания до бруствера таежными космами, глубоко в реку вдавались кражистые бастионы, и река оголтело неслась между ними. Это был шлюз Обь-Енисейского канала, первый шлюз на нашем пути.

Мы отправились на разведку. В шлюзе было мелко, и сверху, со стен, сквозь круговорот прозрачной воды мы видели бревенчатый пол и разбросанные по нему многопудовые обломки болтов и ошестинившиеся стволы деревьев.

— Да, — грустно заметил Саша, — если тут перевернет, и лодку угробишь, и сам не выплывешь.

Нечего было и думать пройти шлюз на моторе. А как? Не прорубать же просеку в прибрежных зарослях по примеру первых экспедиций. И тут мы вспомнили о веревке. Тридцатиметровый капроновый фал мигом появился на свет божий из моего рюкзака. Тащить на буксире перегруженную лодку, ступая по самому краю подгнивших верхних

венцов шлюза, — рискованное предприятие, но другого выхода не было.

Переправа началась. И вдруг Геннадий, узрев необычный ракурс, в самой круговерти бросил руль и с запалом азартного репортера стал фотографировать нас снизу. Лодка накренилась под угрожающим углом, мы издали дикий вопль, а вечный оптимист Залесов как ни в чем не бывало ухватился за болт, выступавший из стойки шлюза, и продолжал съемку одной рукой.

Когда мы, наконец, балансируя на подгнивших перекрытиях колодцев глубиной метров в десять, вытащили Залесова вместе с лодкой из стремнины и подтянули к берегу, угощая не очень лестными цитатами из сборников народных изречений, Геннадий только блаженно улыбался.

Сашу мы перетаскивали раза в два дольше. Упершись ногами в верткое дно лодки, он чуть ли не обнюхивал каждый выступ в высоких бревенчатых стенах, прежде чем ухватиться за него и подтянуться на несколько сантиметров.

Когда первый шлюз остался позади, мы, наконец, поверили в реальность всего происходящего, в реальность всей нашей экспедиции и, главное, в реальность самого Обь-Енисейского канала. Теперь уже можно признаться, что каждый из нас до последней минуты сомневался в существовании хоть каких-нибудь следов легендарных сооружений. В лучшем случае мы надеялись встретить следы бывшего величия на берегу. А тут — великолепно сохранившиеся стены. И мы не пожалели, что пустились в путь за тысячи километров.

Каждый день, вот уже многие десятилетия, идет поединок между стихией и созданием рук человеческих. Каждый день...

В половодье река хватает с берегов многие стволы и, разогнав их до скорости таранов, обрушивает на крутые стены.

И тогда скрипят и стонут, ломаясь под непосильным натиском, бревна, вдоль и поперек покрывают их болезненные трещины, а тайга кидает в эти раны щепотками соли семена живучих и коварных растений с цепкими и сильными корнями.

Один на один с природой оставил человек эти стены, и время с безжалостной последовательностью делает свое дело, навсегда скрывая могучие бастионы, воздвигнутые нашими предками, чтобы, не ломая винтов, ходить с грузами из одной великой сибирской реки в другую.

Поистине на века ставили они эти стены, словно хвастаясь своим умельством. И я вижу их довольную улыбку: так-то вот мы умели строить из простого дерева.

Старики рассказывали, что если десятнику удавалось просунуть между двумя венцами бревен лист бумаги — плотнику оставалось только идти в контору за расчетом или переводиться в чернорабочие.

Слово «мастер» в старину имело вполне определенный смысл, который был утрачен, когда им стали обозначать только должность. Таким словом называли не по диплому, а по работе, по умению, по смекалке. А тех, кто еще учился ремеслу, называли подмастерьями (под рукой опытного мастера).

И именно мастера строили вот такие бастионы и шедевры деревянного зодчества. А начинали они с подмастерьев, и, не жалуясь на судьбу, выносили мусор из мастерских, помогали по хозяйству и выполняли самую черную работу, и считали самым счастливым днем, когда им доверяли инструмент.

Мы не прочь иногда подшутить над стариками, цепляющимися за свою старинную мебель. Но однажды, забыв о последнем крике моды, усаживаемся в дедушкино кресло и вдруг обнаруживаем, как в нем по-

койно и уютно и как удобно работать за старинным резным столом, который честно отслужил многим поколениям и так же прочно и бесшумно продолжает служить вам... Над настоящим произведением мастера, будь то шлюз на таежной реке или обычная табуретка, — время не властно.

Рассказывают, что плотники тех времен на слух умели определять долговечные и сильные стволы деревьев. Сейчас, у первого шлюза Обь-Енисейского канала, я склонен верить этим рассказам. И только человек, самое разумное и самое беспощадное из всех созданий природы, смог превратить в развалины труд своих предков.

Да, шлюзы разрушены людьми, и в стороне валяются чугунные болты... Обгоревшие стены шлюзов — дело рук колчаковцев, так же, как десятки безвестных могил вдоль канала.

...Большой отряд белогвардейцев уходил по каналу. Их не преследовали, и все пожара и могилы — последняя месть обреченных бандитов.

Рассказывают о их последней подлости. Загнанные и обреченные, окруженные со всех сторон возрождающимися Советами, бандиты метались по тайге в поисках хоть какой-нибудь отдушины. Они тонули в снегу, пухли от голода, боясь выйти к селениям. И тут, на свою беду, повстречался им одинокий эвенк со стадом оленей.

Неграмотный, запутавшийся в событиях коренной житель тайги поверил, что в его края приехал сам царь и что именно он сидит вон там, на лошади. Зная силу и могущество русского царя, несчастный эвенк согласился гнать свое стадо впереди разгромленного воинства. Он вел их тайными тропами к Енисею, а стадо оленей протаптывало путь остаткам разбитой банды и кормило эту банду.

Они в упор расстреляли и эвенка, и его оленей.

...Барон Аминов с первого дня строительства начал губить канал, колчаковские бандиты довершили начатое им дело, оставив после себя разрушенные и обгоревшие постройки.

Но, вопреки несчастной судьбе и многим перипетиям, до сих пор стоят на далекой таежной реке могучие бревенчатые стены, построенные руками честных мастеровых, и, может быть, ваш прадед или дед рубил именно эту стену и думал, что много лет спустя внуки и правнуки помянут его добрым словом! А скорей всего ничего он такого не думал — просто была у него настоящая рабочая совесть, и не позволяла она делать на шармачка, на живульку, абы с рук сбыть.

* * *

Вечером, когда солнце уже зависло над обрывом горизонта, мы снова услышали глухой шум. Он нарастал неумолимо, как рок, а минут через пятнадцать пришлось напрягать голосовые связки, чтобы переброситься двумя-тремя фразами.

Прямо на нас надвигался новый бастион.

— Сейчас порезвимся, — крикнул Юрий и прыгнул с носовой площадки в глубину лодки. — Давай к берегу! Глуши мотор!

Мы по-прежнему пробирались вверх по течению Ломоватой. И каждый новый километр реки встречал нас новыми препятствиями: карчами и заломами, отмелями и перекатами, но самым серьезным препятствием на канале были все-таки шлюзы.

Своими, все еще сильными, стенами они стягивают естественный разлив реки, и поток начинает метаться от берега к берегу. пока не находит единственный узкий проход, и устремляется в него, бурный и рассерженный, увлекая стволы рухнувших деревьев и острые карчи. Но протащить по бревенчатому полу столетнее дерево не так-то про-

сто, и река бросает его посреди шлюза, а сама несет дальше.

Шлюз назвали «Веселый». Видно, и в лучшие времена на нем скучать не приходилось.

Наверное, и непосвященному ясно, почему этот шлюз назвали «Веселым».

Река перегородила его внушительным бревном с толстыми и острыми, как железнодорожные костыли, сучками, оставив лишь небольшой, едва протиснуться лодке, проход. И вода врывалась в эту щель с такой силой, что от одного взгляда на него неприятно сошло под ложечкой. Даже Саша, устраивающий непрременные забастовки у каждого серьезного препятствия, на сей раз только обреченно вздохнул и первым полез в лодку.

Первым, потому что понимал — мы все равно не отступимся, а доверить лодку За-

лесову он не решался: вдруг тому снова взбредет в голову сделать посреди шлюза очередной неповторимый кадр. Нас, в том числе и Юру, Саша не принимал во внимание.

— Трое на веревку. Геннадию ждать во второй лодке.

Серьезность обстановки не допускала пререканий.

А переправа и впрямь предстояла серьезная: стены шлюза усыпаны острыми шипами соединительных болтов, и начинать переправу, подчиняясь беспорядочному завихрению потока, нужно у одной стены, а оканчивать — в узком проходе между оцетинившимися болтами и острыми сучками у другой.

— Ну, с богом,— сказал Саша. И переправа началась.

Саша продвигался бесконечно медленно от выступа к выступу, а лодка рвалась у него из-под ног, и вдруг вырвалась, и Саша, перегнувшись всем корпусом, повис над стремниной... Сейчас река понесет их, швыряя на болты и осколки затонувших деревьев... Но Саше каким-то чудом удастся зацепиться за лодку ногами и бросить ее к противоположной стене. Разъяренная река рвет ее с такой силой, что веревка впивается в руки, и мы чудом удерживаемся на скользком обрыве. Кто мог ожидать столько ярости и силы в безобидной таежной речке! Но теперь и лодка, и река в наших руках. Сантиметр за сантиметром тянем капроновую бечеву. И лодка в последнем рывке проскакивает стремнину между стеной и бревном и выходит на гладкий плес. Саша пытается закурить, но спички ломаются, и мы протягиваем ему зажженную сигарету.

А потом все повторяется с лодкой Геннадия.

— Шабаш, братцы,— говорит Саша.— Для одного дня ощущений достаточно.

На другом берегу наносная песчаная коса, и за ней залежи прибрежного сушняка. В костре он горит медленно, но жарко, уютно потрескивая под котелками. А внизу, под

От столба к столбу, от выступа к выступу...

берегом, в десятке метров от костра, свирепствует река, разбиваясь о бастионы шлюза.

Тучи комаров нудно поют над самым ухом. Неожиданно к нам приходит спасение. Словно по сигналу, со всех сторон налетает масса стрекоз, и комары в ужасе забиваются в складки штормовок и энцефалиток, но мы беспощадно вытряхиваем их оттуда.

* * *

Густо наваливается вечер и замазывает серыми тонами сначала тайгу и берег, потом небо и воду. Месяц вылез на небо и принял-

ся чиститься. И совсем яркий, разбрасывая направо и налево серебро с щедростью взятого кавалера, ныряет то в один, то в другой хоровод звезд и веселится направо, очаровывая и сводя с ума небесных красавиц. Сунулся в реку, пожегся — очень уж холодная. Решил поискать другую, по-теплее и поприветливее. Не тут-то было. Ломоватая крепко ухватила за длинные лучи и отщипывает серебринки, и они плавают по воде мелкими ледышками, а месяц изо всех сил старается вырваться. Но речка крепко держит и все щиплет и щиплет искристые кусочки, усыпалась ими от берега до берега, и сама уже блестит ярче месяца.

Мы сидим на поваленной сосне и любуемся этой озорной игрой. На одном конце сосны Альберт с Геннадием все не могут решить свой давний спор о праве быть писателем.

Геннадий — прям, Альберт — увертлив, вот и спорят до первых зорь.

На другом конце сосны — мы с Юрием говорим о жите-быте. Мне хочется узнать, как мой земляк, новосибирец, стал таежным асом, и какая-то судьба потянула его с городских улиц в глухие края.

— Пожить на природе захотелось, отдохнуть от суеты, — говорит он. — Ребятишкам свежим воздухом подышать хорошо. Не пригородным, пополам с дымом и пылью, а настоящим, таежным.

— Давно здесь?

— Который год.

— А который?

— Четвертый, вроде. Не считал.

— Привык?

— Думал, привык, а последнее время потянуло к асфальту и к городской пыли.

Юрий нагнулся, поднял камушек, с силой швырнул его на середину реки, и по воде звонкими всплесками посыпались горсти серебра.

— В городе такую красоту не встретишь. Жена говорит: «В тайгу поедешь в отпуск», и сама знает — ничего не получится. Будем на море кататься, на курорты, в дома отдыха. А что курорты — та же пыль, тот же шум. У кого ни спроси — нервы. А нервы на курортах не вылечишь. Их здесь лечить надо, на свободе, в тишине, да в таежном воздухе.

Юрий рассмеялся.

— Представляю, как мне хвойные ванны пропишут. Лягу в ванну, почувствую родной запах, и сюда сбегу.

* * *

...Шлюз был старый, и над ним молчаливо и траурно склонили буйные головы молодые деревца. Юрий сказал, что по весне, когда спадет вода, стены шлюза цветут густо и пестро, и цветы опускаются прямо к воде.

Это был третий от Усть-Озерного шлюза, и мы его тоже сначала обошли верхом, пробираясь сквозь сплошные заросли таежного кустарника, а потом протащили лодки.

Ребята сидели на краю шлюза и курили, а я пошел вдоль верхней кромки стены. Буйное мелколесье цеплялось за брезент энцефалитки, и я подошел к самому краю. Верхние ряды бревен обветшали и превратились в труху. Я тронул ногой, и что-то зелено-матовое и тусклое отскочило от подошвы ботинка.

Я нагнулся и поднял искореженный кусочек меди. Это была боевая пуля. Трудно сказать, как попала она сюда, — охотники такими не пользуются. Может, пустил какой-нибудь колчаковец в пьяном кураже, или здесь, у самого шлюза, оборвалась чья-то жизнь, и мертвое тело рухнуло вниз и понеслось по реке. Или... Да что там гадать. Сколько пуль летало здесь шальных и прицельных!

Если поискать, в округе можно найти много следов тех далеких дней. Может быть, здесь устраивали привал партизаны М. Х. Первалова.

...И я вдруг представил в лесной чащобе партизанские землянки, и партизанские костры, и тонкий дымок этих костров, и нескладную, но очень искреннюю песню:

Гей, партизаны! Голову выше!
Гей, орлы! Марш вперед!
Белые гады еле уж дышат,
За свободу, Советы, вперед!..

Я вернулся к ребятам и показал кусочек меди:

— Пуля как пуля, — равнодушно взвесил ее на ладони Альберт.

— Что пуля, — сказал Геннадий, — здесь где-то клад зарыт.

— Золото, что ли?

— Золото не золото, а оружия колчакотцы оставили порядком.

— Тоже где-нибудь вычитал?

— Да нет, легенда ходит.

— Мужички окрестные искали, — вставил Юра.

— И что?

— Кабы место знать, а то понаслышке.

Юрий встал. С размаха бросил в воду окурок, и от воды плеснулся дымок.

— Поехали, однако.

И мы разместились по лодкам.

И снова мотор жалобно и надсадно взывал на корягах, и высоко из воды взлетали щепки, сучки и палки, и помпа гнала бурю кашу.

— Эге, — вдруг радостно крикнул Геннадий, — вот этот клад так клад.

Сквозь неглубокую пленку воды из донного песка торчал винт «Вихря». Мы кинулись наперегонки. Геннадий добежал первым, рванул и... навзничь полетел в воду. А когда поднялся, в руках оказалась только

обломанная лопасть. Он несколько минут мрачно рассматривал ее, потом со злостью швырнул на берег, и оттуда раздался жалобный визг.

— Эй-ей, кладоискатель, поосторожнее — собаку убьешь.

Геннадий смутился и понуро побрел к лодке.

— Мда-а-а, — протянул он, — значит, и «Вихрю» не под силу местные коряги.

— Не хотел бы я оказаться на их месте, — буркнул Саша.

На Геннадия находка произвела впечатление, и когда мотор взвыл в очередной раз, он решил не искушать судьбу:

— Потолкаемся на шестах.

* * *

Деревья склонили зеленые головы к самой воде, как приспущенные знамена по обеим сторонам длинного, километров на пять, прокопа.

— Вручную рыли, — говорит Юрий, — лопатами да ломанами.

— Гробились люди, а кому теперь это нужно?

— Туристов сюда привезти да прокатить на лодках.

— И рыбаков, — оживляется Альберт. — Благодать-то какая!

— Рыба есть, — замечает Юра, — устьозерские лодками возят. А по мне, охота лучше. Находишься за день с ружьишком по тайге, ноги гудят, а на душе приятно. Случается, добудешь соболя или несколько белок. А так все больше по мелочи — штук пятнадцать рябчиков или пяток глухарей, а косач затокует — сколько унести сможешь — как в городе на базар сходил.

— Ладно уж, не приbedняйся. В Усть-Озерном среди лучших охотников почитают.

— Когда долго по тайге бродишь, обязательно что-нибудь попадается. Дичь и зверь у нас непуганые.

Мы сидели на мшистом влажном берегу

Да, дорога по таежным рекам не из самых легких.

прокопа, с наслаждением курили и отдыхали. Отдыхали потому, что прошли на шестах километров пять ломоватовских петель, сплошь усеянных мелями и невероятным количеством карчей.

И тогда толстые шесты не выдерживали нагрузки, мы приставали к берегу и отыскивали подходящую сосенку, и от свежих сосновых стволов руки у нас были липкими и черными.

— Поди затащи туриста на такое плавание с препятствиями.

— Расчистить бы канал, тогда...

— Если туристов возить — всем миром канал расчистим, — заметил Юрий. — От туриста выгода, люди опять селиться начнут. Кто станет землю под огороды пахать, кто занятные вещицы из бересты делать. Женщины — грибы, ягоды собирать, мужчины — на охоту ходить.

— Туристские базы в виде юрт, а на богатырском кургане — музей. И чтоб возили людей на обласках, и рыбу ловили, как в старину, и песни национальные, и танцы, и угощение.

— И чтоб продавали на память национальные изделия.

— А что, в той же Алипке помнят национальные ремесла. и знают, как шить старинную одежду. В лучшем виде сделают. Видели, какие у них туесы из бересты — по всей Сибири не встретишь. А разохотятся, такой узор по ним пустят, глаз не оторвешь — хоть сейчас на международную выставку сувениров.

— И чтоб зимой от поселка к поселку на оленях возили.

— Вывелись олешки.

— Долго ль снова развести.

— Может, тебе и шамана живого?

— И шамана можно. Вреда от него сейчас никакого, а посмотреть на шаманью пляску интересно. Ну, может, не в натуре, а фильм о старинных обрядах снять.

— А что, дело не такое и хитрое. В Максимкином Яре живет настоящий шаман... Для кино, наверное, вспомнит свое прежнее ремесло.

— В Якутии, например, национальные танцы не забывают, и песни старинные поют, а из оленьих шкур такие вещи делают, что городские модницы всем знакомым в Якутск заказывают торбаза с орнаментом.

— И в Средней Азии национальный костюм с ручной вышивкой в магазине можно купить.

— У меня дома узбекский медный кувшин ручной чеканки, игрушки из глины. А по Сибири сколько езжу, ни одного настоящего сувенира.

— Ладно, — вздохнул Саша. — Ехать пора.

— И правда пора, — спохватился Юрий. — Солнышко на вторую половину перевалило, а у нас шлюз впереди. Вот он, в самом конце прокопа виднеется.

— Четвертый по счету...

* * *

На длинном, ровном и глубоком прокопе мотор впервые за много часов опять поет на полную мощность. И шлюз нам уже не в новинку. Не сговариваясь, подталкиваем лодки к берегу, закрепляем на носу капроновый фал и идем с ним по верхнему венцу. Правда, и тут не обошлось без приключений: Иннокентий решил пройти шлюз по отвесной стене и застрял на самой середине. А внизу — бешеный поток. Он умолял нас ворочаться быстрее, и мы, понимая его отчаяние, навалились все сразу.

А потом случилось то, чего каждый из нас ожидал и боялся, — отказал мотор. Правда, есть еще один, в Сашиной лодке, но он категорически отказался сделать на нем хоть километр вперед.

— Свой угробили, за мой взяться хотите. А возвращаться на чем? Самосплавом?

Даже Геннадий не мог отразить этот убийственный довод и только грустно молвил:

— Значит, не такой уж надежный этот «Вихрь».

— А ты что хотел? Гонишь его по карчам да мелям. Он хоть и железный, а тоже предел имеет.

— Может, посмотришь?

— А чего смотреть. И так ясно — коробка скоростей накрылась.

Моторы, даже такие, как «Вихрь», тоже не вечны, если на пути сплошные заломы и карчи. Александру и Геннадию приходится «лечить» его в походных условиях.

— Может, все-таки, посмотришь, — отчаянно взмолился Геннадий.

— При одном условии: исправлю не исправлю — поворачиваем назад.

— Ладно, — с тяжелым вздохом согласился Геннадий, и мы почувствовали свою обреченность.

— На том берегу подходящая коса, надо всем нам туда перебраться,— распорядился Саша.

До другого берега всего несколько метров, но пройти их нужно под самым шлюзом, поперек бешеного течения.

— Ого, вот это мощь! — вырывается у нас.

Деревянные решетки в три человеческих роста отходят в сторону от стенки шлюза. Ближние секции лежат в беспорядочном нагромождении, а щели замаскированы наносами, и каждый шаг приходится делать с необычайной осторожностью.

Оглянувшись, я замечаю у входа в заводь заросшие тальником столбы. Когда-то, видно, к ним крепились ворота, сооружения для отвода воды. Все-таки плохо, что с нами нет гидротехника. Он мог бы поведать много интересного и о самих шлюзах, и о сооружениях около них.

Кажется, неподалеку от второго шлюза мы случайно наткнулись на затянутую ряской старицу. У берега ее, облепленные илом и водорослями, поднимались над водой два ряда столбов, Геннадий сделал предположение, что столбы остались от судоверфи или пристани...

Сколько людей могут открыть здесь совершенно особый, нетронутый мир! Сколько интересных находок могут пополнить сибирские музеи!

— Э-ге-гей, чего размечтался,— услышал я голос Саши,— а ну, давай на помощь.

Утопая по щиколотку в липкой каше, они тащили злополучный мотор к небольшой песчаной косе. Я мигом скатился вниз и тоже утонул в грязи.

Копались в моторе долго и сосредоточенно.

Часа через два Саша молча собрал мотор и велел перевезти его на другую сторону, к стоянке.

— Как? — спросил Геннадий.

— Пока никак. Ночь полежи подумай, а завтра поговорим.

— Я серьезно.

— И я не шучу.

Скоро будет готов ужин.

Наши рыбаки с обреченностью маньяков закидывали в воду удочки.

— Есть улов?

В ответ нечленораздельное бормотание.

— Значит, ухи не будет?

— Это мы еще посмотрим,— оживился Саша и достал из своей лодки снасть.

Знал он какой-то секрет или заговор, но рыба сразу кинулась к его крючку. Она почему-то всегда предпочитала оканчивать жизнь на крючках Саши и Юры, чем приводила в гнев Иннокентия и Альберта. Они поймали по две-три мелких рыбешки, а у Саши и Юры в котелке плескалось уже через край.

Я поднялся на крутой берег. Так здесь уже все готово к приему гостей! У большого,

видать давнего, костровица стояла срубленная скамейка с удобной спинкой. Под скамейкой лежал небольшой запас сухих дров, а у костровица, по таежной традиции, воткнуты в землю в идеальном перпендикуляре палки тагана.

— Заботливый народ.

— Таежники.

Костровице — у самого края красивой полянки, и по гладкой и сочной травке разбежались пушистые сосенки. А вокруг полянки, строго приглядывая за малышами, столпились мохнатые мамы-сосны. И когда набегал ветерок, они что-то наставительно шептали своим малышам, наверное, чтоб не подбегали близко к крутому обрыву.

Когда появились топоры, лес загудел настороженно и возмущенно, он говорил, казалось: неужели у вас поднимется рука на беззащитных шалунов.

Нет, не поднялась, хотя их стройные и крепкие стволы очень подходили для палаточных шестов. Шесты и колышки мы вырубали глубоко в лесу и оттуда же притащили сушняк для костра.

* * *

А утром у костра разгорелся спор.

— Дальше пробиваться глупо, — решительно заявил Саша.

— Да пойми ты, наконец, что не могу я вернуться, не побывав у Корнилова, — взмолился Геннадий.

— Причем Корнилов-то. Дождемся весны и доставлю я тебя к нему в лучшем виде по большой воде.

— Но ведь прошли четыре шлюза, а Корнилов живет у седьмого. Неужели вернемся?

— А ты у Юрия, на всякий случай, справься про дорогу. Скажи ты этому одержимому, — взмолился Саша.

— По Ломоватке должны пройти, а за Язевую не ручаюсь.

— Вот и прекрасно, — оживился Геннадий, — до Язевой рискнем, а там видно будет.

— А ну тебя... — ругнулся Саша. — Скажи спасибо ребятам. Им-то не один десяток километров по тайге шагать... Собирайтесь, да побыстрее.

— А с мотором как? — повеселел Геннадий.

— Я б такому варвару весла не доверил, — буркнул вместо ответа Саша.

Мотор завелся с первого рывка, и Залесов сразу дал полный газ.

Геннадий давно рвался к Корнилову.

Поговаривали, что он родной брат мятежного генерала, что у него красавица дочка и он держит ее взаперти... И с каждым таким рассказом нам все больше и больше хотелось увидеть столь легендарного жителя Верхнекетского района.

Корнилов жил на седьмом шлюзе. Мы прошли четыре. Пятый — на Язевой, а восьмой — по ту сторону Водораздельного озера, в Красноярском крае.

Километр... Еще километр...

Все труднее отыскивать фарватер. Опять прижались к самой воде два гигантских ствола, один на другом, и мы протискиваемся под ними.. Цепляясь за острые корни и сучки, лавируя между сплошным частоколом поднявшихся над водой карчей... Летим полным ходом на корягу... Момент... И легким мановением руки Юра выводит лодку из опасного лабиринта.

Удивительно синхронно понимают друг друга Геннадий и Юра. Легкое движение, и лодка делает резкий поворот, снова легкий взмах — и затихает мотор или взывает на полную силу своих переполненных бензином легких. Кажется, столпившаяся по берегам

тайга наводит мосты, чтобы перейти реку.

Сейчас, в конце июля, река выглядит беспомощной. Зато весной расправит плечи, перехлестнет через крутые берега, тогда держись тайга. Стоит чуть ослабнуть корням — снесет и закружит, начнет бить о берега, срывая листву и хвою, обламывая толстые сучья, а потом бросит на дно и крепко придавит слоем песка. Много веков идет эта борьба без победителей...

И снова солнце за полдень, а мы едва отъехали десяток километров.

— Пешком, однако, быстрее, — бросает Альберт.

— Лучше тихо ехать, чем быстро идти.

* * *

И снова широкая и чистая гладь реки.

— Глуши мотор! — кричит Юрий.

— Чего ради? Равнина любо-дорого, и глубина подходящая.

— На этом все и покупаются.

— Кто все?

— Да хоть те из Краснодара, что вам встречались. Проскочили главное место и пошли заломы считать. Вот она, Язевая!

И он показал на заросшее тальником русло, по которому струился небольшой ручеек.

— Язевая?.. — разочарованно протянули мы.

— Она самая.

— Я бы точно по Ломоватке дальше ударился. Вон какой простор!

— Тут метров через пятьсот такое начнется, что не приведи господь. Потаскали краснодарцы лодку через препятствия, да ни с чем и повернули назад.

За кустами тальника открылось широкое и мелкое плесо.

— Ну что, рискнем? — сказал Юра, больше обращаясь к Геннадию.

— А, где наша не пропадала!

И мы навалились на шесты.

...А река и не думала углубляться. Лодки терлись днищами по шершавому песку. Так бились мы часа три и, окончательно вымотавшись, сдались.

Обе лодки стояли у берега, а мы сидели на стволе повалившейся березы и молча курили. Все ясно — дальше дюралькам не пройти, и нужно расставаться.

— Ну что, пойдём дорогу смотреть, — вздохнул Геннадий.

— Бери Иннокентия, а мы пока рюкзаки уложим.

Саша покопался в носу своей лодки и вытащил несколько мешочков.

— Возьми с собой, пригодится.

— Что это?

— Крупа, сахар... Жинка положила.

— А сами что есть будете?

— Мы к жилью едем. — Берите, чего там, — сказал он сердито, и я уловил в его голосе неестественную дрожь.

Я посмотрел на Сашу. Он отвернулся.

...Собрать нераспакованные рюкзаки дело нехитрое. И мы снова уселись на поваленной березе.

Вернулись Геннадий, Юра и Иннокентий. Начали оживленно рассказывать, что в километре отсюда остатки поселка и большое кладбище, а за поселком старинный тракт.

Ребята подхватили наши рюкзаки, и, вытянувшись змейкой, наш маленький отряд двинулся сквозь тайгу.

На самом верху берегового обрыва я остановился. Внизу, сиротливо приткнувшись к берегу, стояли лодки. Я взвел затвор фотоаппарата и сделал прощальный снимок.

В километре выше по реке, чуть в стороне от берега, открылась широкая, уже начавшая зарастать мелкоколесьем поляна. Там, где земля топорщилась плоскими буграми,

когда-то стояли дома, и между холмами угадывалась дорога. Я шел по улицам, сворачивал в узкие проулки и снова выходил на широкие улицы. Однажды я запнулся и, наклонившись, увидел в густой траве проржавевший паровой вал. Он почти полностью врос в землю, и на поверхности виднелся только порыжевший бок.

За поселком переполненный тишиной и спокойствием лес стоял прозрачными чистыми рядами, и сквозь его мохнатые шапки струилось солнце. А у подножья — пушистый зеленый ковер, и на нем остатки деревянных крестов, и чугунные кресты, и мраморные памятники.

— Как попал сюда мрамор?

— Завозили, конечно.

— Не дешево.

— Да и село, знать, было не из бедных.

— Эх, сделать бы здесь раскопки.

— Это, брат, дело археологов. А они по древности специализируются. Пройдет лет триста — и сюда приедут.

Мы долго ходили по кладбищу, читали полустертые временем фамилии и имена тех, кто строил канал, пахал эту землю...

Грустно смотреть на одинокие кладбища, где могилы тянут к небу сгнившие деревянные обрубки и топорчатся осколками мраморных плит и порыжевшим железом крестов. И только один крест стоял прямо, приклоненный чьей-то заботливой рукой к стволу дерева. «Первый лоцман Обь-Енисейского водного пути Порфирий Ципиряев по реке Кети умер 28 ноября 1889 года». Кто он, этот первый лоцман? Какого роду-племени? История слишком надежно прячет свои тайны. И только отлитый из чугуна памятник сохранил для потомков имя и фамилию первого лоцмана Обь-Енисейского канала.

Прощались на краю поселка.

— Сфотографируемся на память?

— Хорошая идея.

На старом, заброшенном кладбище — чугунный крест — памятник первому лоцману Обь-Енисейского водного пути.

— Так прямо по тракту. Две слани пройдете. Потом вброд через протоку. А там и до Корнилова рукой подать...

— Выберетесь на Енисей — сразу телеграмму...

— Встретимся в Новосибирске.

— Снимки присылайте.

— И вы тоже.

— Ружье проверь.

- Нож на пояс, поближе. Тайга все-таки.
- По сторонам чаще смотрите...
- Проводить немного?
- Не нужно. Вам тоже не ближний путь.
- Мы на лодках, и вниз по течению...
- Ну, давайте лапы.

Глава 3

Наш путь от поляны, некогда бывшей поселком, пересекал другую просторную поляну, с характерными буграми и широкими проемами между ними. На одном из бугров стоял полуразвалившийся дом.

Когда-то в нем останавливались редкие охотники и рыбаки, а потом у него рухнула крыша, и давно уж никто не открывал полуистлевшую дверь.

— Где-то здесь должен начаться тракт, — сказал Иннокентий.

И действительно, мы вышли на дорожку, похожую на хороший торный проселок.

Иногда тракт перебегали стайки сосенок, настолько густых, что в двух-трех метрах ничего не видно, и идти сквозь них немного жутковато: а ну кто затаился в этом буйнолесье?

И Альберт перетянул двустволку с плеча на грудь.

Километра через два встретились хитроумно расставленные пасти, защищенные от снежных заносов плетеным тыном. Сибирская пасть — ловушка особого рода. Делается она примитивно и хитро. Увесистое бревно подпирается тоненькой жердочкой, а под бревном рассыпается приманка. Подбежал зверек, польстился на приманку, задел сторожок, и бревно придавило его к земле.

Пасти ставят на пушного зверя: на лису, соболя, горноста... Обычный капкан здесь

не годится: он может повредить шкуру, или зверь отгрызает лапу и уходит.

Да, я снова в тайге. И кажется, что уже был в этих краях, до того они похожи на тюменские: могучие деревья на высоких сухих гривах и чахлые искореженные стволы среди бескрайних болот.

Пока болота оставались внизу, а тракт упорно карабкался на гриву.

За плечами у нас висели тяжеленные рюкзаки, и после каждого привала приходилось сначала становиться на четвереньки, а потом медленно разгибаться.

На прощание Юра Васильев дал нам предельно четкую инструкцию: «Идите все время по тракту, пройдете две слани, переберетесь через протоку — а там и до Корнилова рукой подать».

И мы шли, строго придерживаясь наставлений. Тракт постепенно зарастает, и кое-где только узкая тропинка, протоптанная редкими охотниками, напоминает о нем. Сейчас вместе с трактом она поднималась все выше и выше, и по бокам ее кустились заросли черники.

Ягоды было так много, что поляны тонули в синеватой дымке. На привалах мы лакомились черникой. Не двигаясь с места, мы съедали стакана по два крупных и сочных ягод. Черника прекрасно заменяла воду и, в отличие от воды (я давно отучился пить в дальних переходах), поддерживала силы.

Жарко. Комары густой ноющей тучей, и на привалах приходится затягиваться сигаретой через сетку накомарника. Из всех патентованных средств единственная надежная защита от комара — «ДЭТА», разработанная учеными Новосибирского академгородка. Но захватить ее из города мы не догадались, а купить в дороге не удалось.

Нашли «Репудин». На этикетке масса обещаний, но комары вдыхают его запах, как модницы парижские духи. Все-таки нако-

марник в тайге самая надежная и совершенно безотказная защита. Но попробуйте закутать голову марлей и подышать целый день.

Наконец я не выдержал и откинул сетку накомарника. Странно. Комары не садились. Ребята тоже попробовали — насекомые ринулись на них голодной лавиной.

— Ты что, заговор знаешь? — хмуро спросил Альберт.

— Знаю.

По совету якутов я никогда не убиваю на себе комаров. Ориентируются они по запаху и кровь после раздавленного комара чувствуют далеко.

...Тракт круто покати́лся вниз, к болоту, вначале тропинка стала влажной, а потом под ногами зачавкал мох.

— Слань, — крикнул я. — Первая слань!

Прямо перед нами лежал подгнивший деревянный настил через небольшое болотце. Я с опаской вступил на первое бревно. Оно хрустнуло, но выдержало. Балансируя под тяжестью рюкзака, отыскал второе и чуть не свалился в лужу. И тогда я вспомнил мудрый совет плотовщиков — никогда не держиваться на одном бревне — и стал прыгать, отыскивая подходящее место приземления уже на лету.

...Мы снова шли по сухой траве, и по сторонам тракта стояла прозрачная тайга, до того чистая, будто ухаживает за ней прилежный садовник. Кедры — корабельные мачты — распустили по ветру паруса мягкой хвои и пощелкивают от порывов ветра. Здесь, на гриве, они стройные и высотой с многоэтажный дом. Только жаль, шишек попробовать не удалось: они созреют глубокой осенью. Представляю, сколько здесь будет орехов!

Как-то, несколько месяцев спустя, я сидел у друга и с восторгом рассказывал ему о

кетских кедрах. Случайно в комнате оказался его тесть Алексей Петрович Иванов, пенсионер, в недавнем прошлом бывалый речник и таежник. Сначала он внимательно прислушивался к нашему разговору, а потом сказал:

— Это ты верно, про кетские кедрачи. В былые времена мы оттуда тысячи тонн ореха вывозили.

— Вы разве были в тех краях?

— Приходилось в двадцатых. В те годы существовал «Кедропром», созданный по личному указанию Владимира Ильича Ленина. Вот и ходили мы, заготовители, на Кеть, да на Обь-Енисейский канал.

Он помолчал, наслаждаясь произведенным на меня впечатлением.

— Всяко было. Сначала с местным населением договориться не могли. Только паромом с баржами к берегу — они в тайгу. Попрячутся так, что за несколько суток не отыщешь. Потом уж разобрались: колчаковцы прошли, а после них известно какая память — грабежи, насилия да убийства.

Алексей Петрович помолчал, видно, вспомнил свою молодость.

— Да, походили мы тогда по тайге. Разыщем стойбище — остановка, иногда на несколько дней. Рассказываем про советскую власть, про Ленина, про то, как они теперь жить будут. Слушали внимательно, а верили плохо: мол, много нам уже таких сказок порассказывали. Но с торговлей веселее пошло. Подъезжаем к условленному месту — а на берегу уже горы ореха. Гудок даем, чтоб все слышали. К вечеру весь берег народом усыпан. Мы товары выкладываем, они — орехи, пушнину. Заказы заранее делали — боже упаси чего не привезти — обидятся надолго. Орехи тут же в мешки, взвешиваем, и на баржу. В хорошие годы по несколько тысяч тонн орехов с Кети и с канала привозили. Я недавно вычитал — кедро-

вый орех все жиры заменить может, и животные, и растительные, — организм его лучше усваивает. И вспомнил о тех горах ореха по берегам Кети. А оно вишь как дело-то обстоит... Не по-хозяйски вроде...

* * *

Мы меряли таежные километры, то поднимаясь на устланные хвоей палубы таежных кораблей, то чавкая по сырому болотистому мху. И старинный Обь-Енисейский тракт то подходил к каналу, и тогда мы слышали шум воды, то забирался в глухомань, и мы опасались: не сбились ли с пути?

И вот однажды, когда мы долго не слышали шума реки и сомнения готовы были перерасти в легкую панику, я увидел полосатый верстовой столб.

Да, это был самый настоящий верстовой столб, какие я видел до той поры только на картинках и в кинофильмах. Он устал от бессменной вахты и прислонился к сосне.

Мне, к сожалению, не удалось найти ни в старых отчетах, ни в газетных статьях упоминаний о тракте. В народе его называют баронским. Видно, в память о бароне Амине.

А тракт хороший, нужно только чуть-чуть подновить, подправить слани, порасчистить таежную поросль... Потом нам рассказали, что несколько лет назад по нему проскочил на мотоцикле парень из Усть-Озерного. До самого Курнилова добрался!

День уже изрядно клонился к вечеру, и мы серьезно стали подумывать о ночевке, когда с высоты чистой и сухой гривы увидели большое болото и поняли, что первое болотце не в счет и первая слань — впереди. Слань оказалась добротной, в три наката — поперек, вдоль и поперек.

И я опять отыскивал в прыжке надежные бревна.

Все болото покрывали заросли крупных желтых ягод. На привале мы рассмотрели ее поближе.

А тракт все дальше и дальше уходит в тайгу, и мы, как в старину, отмеряем расстояния верстовыми столбами.

- На малину похожа...
- Может, морошка?
- Кажись, она и есть.

Ягода сидела на тоненьких кустиках и действительно напоминала разбухшую садовую малину. Отвели душу. Наелись досыта и настороженно посмотрели друг на друга — коллик в желудке не ощущалось.

- Что-то на настоящий ужин потянуло.
- Ночевать будем на том мыске...
- А «пилить» до него подходяще...

Сухой и чистый мысок нешироко раздвинул моховые кочки.

Ох уж эти кочки! Оступись — провалишься по пояс. Я мерял такие с изыскателями Новосибирского института «Сибгипротранс» на трассе будущей железной дороги Тюмень — Сургут. Целыми днями таскались по

На болотах еще сохранились слани от некогда проходившего здесь тракта.

ним с шестиметровыми рейками. Триста метров в одну сторону от трассы и двести в другую, через каждые двадцать-тридцать метров...

Когда-нибудь и здесь пройдут изыскатели, и снова оживет и старинный водный путь, и тракт вдоль него. Должен ожить...

Вечер наполнил плотным туманом. Неторопливо и основательно укутывал он на ночь и чахлые деревца, и мшистые кочки. Взоб-

рался на мысок, и по штормовкам и по палатке покатались холодные струйки. А в палатке тепло и сухо...

Утром опять увидели полосатый верстовой столб. Он тоже от усталости прислонился к сосне.

Опасность подкралась, когда ее меньше всего ожидали. Еще не решаясь признаться друг другу, мы почувствовали, что кто-то бесшумно крадется за нами.

А место не из приятных: почти вплотную к тракту подступала густая поросль молодняка.

Тихо. Деревья не шелохнутся. Но обостренным зрением мы замечали то неестественно наклонившуюся ветку, то дрогнувшую верхушку сосенки.

У всех этих качаний и подрагиваний могло быть много вполне безобидных причин: бурундучок, птичка... Но каким-то шестым чувством мы почти физически ощущали на себе пристальный взгляд.

Для страховки отвязали котелки, и они забрякали на всю округу, и Альберт то и дело разряжал в воздух двустволку. Но, судя по покачиваниям веток и молодых сосенок, зверь или человек только чуть подальше отошел от тракта.

Остановились на привал. Сбросили рюкзаки. Огляделись. Глубоко в тайгу уходила неширокая, но чистая естественная просека. Деревья расступились, исчез молодняк, и тайга просматривалась метров на сто.

Первым его увидел Иннокентий.

— Медведь!

— М-да, дело плохо, — сказал Альберт. Кабы знать, что у него на уме.

— Не должен он летом нападать на человека...

— Ты-то об этом знаешь, а он может и не знать.

— Если что — не бежать. У любого зверя реакция на бегущего.

Альберт несколько раз выстрелил в воздух, потом зарядил один ствол пулей, другой — картечью.

— Авось пронесет.

Километра через два дорога снова пошла сквозь сплошной ельник.

Альберт несколько раз выстрелил в воздух, но, кроме протяжного гулкового отголоска, ни единого звука.

А ельнику, казалось, не будет конца.

— Где же дом Корнилова. Пора бы уже ему показаться.

— Доберемся...

— Если медведь не съест.

— Что-то больше не показывается...

— Моли бога, чтоб совсем не показался. Нам с ним все равно не попутно.

Ельник сменился густыми зарослями тальника, и тропинка выскочила на берег реки или протоки. Под прямым углом от берега к берегу торчали из воды несколько свай.

— Мост был.

— Значит, искать брод здесь бесполезно: у моста всегда дно углубляют.

А что за дно у этой реки! Стоило сделать первый шаг, и нога по колено проваливалась в вязкую ледяную грязь. Наверное, в глубине этой грязи и ила все лето остаются кусочки льда.

Брод мы так и не нашли.

И тогда вспомнили о веревке.

По обеим сторонам моста росли березки. Кеша переплыл на другой берег, и мы натянули между березками капроновый фал.

— Готово, — крикнул Иннокентий.

Мы с Альбертом подвешивали рюкзаки. Иннокентий принимал их на другом берегу.

Два переправили благополучно, на третьем веревка провисла, и рюкзак коснулся воды.

С последним рюкзаком на противоположный берег переправилось ружье. Альберт мигом кинулся в воду и поплыл, а мне предстояло отвязать веревку, и Альберт мужественно прикрывал мой отход выстрелами, стоя на другом берегу раздетым в самой гуще комариного облака.

А медведю, видно, давно надоело это бесцельное шатание, и он благополучно отправился по своим делам.

Сразу за переправой началась длинная и окончательно прогнившая слань. Густой цепкий кустарник вскарабкался на нее и доканчивал своими корнями начатое водой дело. И все-таки по ней можно было проскочить, даже не замочив ноги в тухлой болотной воде.

А потом тракт круто и красиво взмыл на чистый косогор, ненадолго вытянулся по нему в блаженном покое, нырнул в неглубокую ложбинку, рванулся в стороны, растолкал тайгу и кинул нам под ноги жестковатую стерню с терпким ароматом свежежескоченного сена.

Одной стороной поляна упиралась в тайгу, а другой — мягким изгибом спускалась к реке. И через реку перекинут изящный, всего в две струганных доски, мостик, и у мостика вкопаны в землю стол и скамейка.

— Сподобились, — облегченно выдохнул Альберт. — К жилью вышли.

— И-и-эх, благодать-то какая!

И в эту минуту для нас не было на земле места красивее и желаннее.

* * *

Окутанный белым облаком дыма, навстречу нам шел старик. Он шел не торопясь, высокий и, по-таежному, чуть сутуловатый.

Переправа, переправа... Не очень-то это приятное занятие, когда стоишь по пояс в ледяной воде, а сверху жгут комары.

— Кто такие будете? — спросил строго и бесцеремонно.

Долго и придирчиво рассматривал документы, потом протянул жесткую ладонь.

— Николай Семенович. Фамилию, наверное, слышали. К генералу Корнилову никакого отношения не имею.

Поднял с земли ведро с тлеющими шишками (самое верное, хоть и не очень приятное

средство от комаров) и снова погрузился в облако дыма.

— Идите, хозяйка встретит, а мне нужно замеры сделать.

— Какие замеры? — удивились мы.

— Гидропост здесь. При нем и состою.

— А можно с вами?

— Пошли, коли не устали.

И мы снова вернулись к знакомому мостику. Оказывается, он предназначался вовсе не для переправы.

— Сам соорудил, — с гордостью сказал Николай Семенович и принялся объяснять, как он сделал даже специальные зарубки на сваях моста, чтоб сразу определять уровень воды.

Потом взял со стола какой-то приборчик, опустил в воду и сделал запись в журнале: «Скорость реки».

Подошел к метеорологической будке и записал показания термометров. По привычке заглянул в осадкомер. Дождей давно не было, и осадкомер пересох.

— Каждый день по три раза данные берем — утром, днем и вечером. Дождь ли, снег ли — все равно.

— И по радию передаете в гидрометцентр?

— Какая рация. С оказией больше. А если okazji нет — сами до Усть-Озерного добираемся.

— Так это вы вдоль тракта тропинку протоптали?

— Не только мы. Когда охотники пройдут, когда с других гидропостов.

— И много гидропостов здесь?

— Новосибирских больше нет. За Большим озером — красноярцы.

— Новосибирских? — искренне удивился и обрадовался я.

— А то как же. К Западно-Сибирскому гидрометеорологическому институту относимся, а он в Новосибирске, на улице Советской, знаете?

— Как не знать...

...Три дома открылись сразу. Один — ладный, высокий, сработанный добротнo и богато, другой — под стать первому, но свежий,

Не просто мостик, а гидрост.

с резким запахом смолы, под тесовой крышей и с пустыми прямоугольниками окон. На высоком крыльце первого дома голосила пьяная компания.

— Родственнички приехали, — бросил Корнилов. — По ту сторону озера живут. Жена-то у моего Иосифа оттуда.

На крыльце недостроенного дома сидели несколько рабочих. Курили. С любопытством поглядывали на подвыпившую компанию.

— Добрый вечер, хозяин, — уважительно поздоровались с Корниловым. — Никак гостей встречаете?

— Земляки ваши, — не останавливаясь, сказал Николай Семенович, — из Новосибирска.

— Ближе плотников не нашлось? — удивился я.

— Где их сыщешь. От жилья до жилья двое суток хода. А жилье — один дом. Срок мне подошел на пенсию идти. Хотели было пост совсем ликвидировать, да попал он на какую-то международную карту. Приняли на работу Валентину, мою дочь. Для нее и дом строят.

— А она с вами?

— Живет-то с нами. Только нет ее сейчас. Глаза заболели — в Одессу поехала лечиться. В филатовскую клинику. За нее пока на посту управляюсь. Дело привычное — двадцать с лишним лет наблюдателем. Тут и дети родились, тут и выросли. У Иосифа уже своя дочка растет.

— Говорят, в старину семья ханта здесь жила. Не застали?

— Слышать приходилось, Николкой само-го-то звали. В честь него и шлюз наш — Николаевский. А гидрост наш еще строители канала учредили.

Корнилов показал на покосившуюся из-бенку с обгорелыми стенами.

— Мои хоромы.

— Пожар был?

— Случилось однажды. Вовремя хватились, а то хоть под чистое небо. Вокруг ни души: Иосиф по ту сторону озера жил. Недавно свой дом перевез. По нашим местам три дома — поселок.

— Да, места у вас не людные.

— Медведи ходят, — вздохнул Альберт. — Один километров десять нас провожал.

— Далеко отсюда? — оживился Корнилов.

— За протокой, на той стороне.

— Мой, должно быть.

— ???

— Мы с ним старые знакомые. Частенько в гости захаживает. Обходительный медведь. Чтоб скотину тронул или напакостил — никогда. Однажды только побаловал, видно, голод прижал, а во дворе у меня бочка с соленой рыбой, вот он ее и учуял. И ведь до чего сообразительный — через забор не полез, калитку нашел. Слышу, собаки заливаются. Взял ружье, вышел. А ночь лунная, яркая. Оглянулся, мишка меня увидел, и бегом в тайгу. Я к бочке, ругаюсь — не иначе все разворочал. Нет, смотрю, аккуратно взял. Только доски сверху разбросал.

Корнилов улыбнулся:

— Мы с ним нет-нет, да встретимся. Посмотрит, рявкнет приветливо и уходит. Я ему за изгородью что-нибудь оставляю. Он и за вами шел — должно, думал, не перепадет ли какое угощение. А может, другой какой. Их тут много ходит. А чтоб на человека напасть — никогда. Мирный зверь, коли в него не палить. А кому палить-то? Мы больше за мелким зверем охотимся, за пушным. С медведем толку мало: девять рублей за шкуру приемная цена. Только себе неприятности. Он ведь мирный, пока не тронешь. А как подранишь — хоть съезжай. Раненый зверь до человека злой. Его тоже понять нужно.

— Мы-то не знали, что они у вас такие мирные.

— Это верно. Тайга она и есть тайга. Побережья не мешает. Лихачам у нас худо. Того гляди сам погибнет и других в беду втянет. Потому и смотрим документы, чтоб никто не шатался. У нас каждый человек на учете. Другой и сам забыл, что проходил этими краями, а мы помним. И если какой вред тайге или зверю причинит — пусть на хорошую встречу не рассчитывает.

Мы помогли хозяину сметать в стога продохшее в валках сено, а потом долго стояли на берегу шлюза, наслаждаясь вечерней прохладой, и слушали шум воды.

— Куда от такой благодати уедешь? — тихо сказал Николай Семенович. — Сам-то я из Москвы. У отца магазин мануфактурный был. Богато жили. Помню, один купец посреди двора фонтан из шампанского устроил, а по краям фонтана развесил серебряные ковши. Мы победнее, но тоже не отставали...

И мне показалось, что я слышу в его голосе какую-то глубокую, видно очень давнюю, тоску.

— Жена у меня первая была из благородных. Музыкантша. Окончила училище Гнесиных. А я больше оперетку любил. Тащит меня, бывало, на Собинова в Большой театр. Слушал я Собинова, и Качалова видел, как вас сейчас. Не нравился он мне. Манерно читал, громко, а души нет.

Он и сейчас, вспоминая давно прошедшие времена, держался прямо и чуть надменно.

— Потом пристроился в первой советской текстильной фирме. Отец крепко выучил. Только, бывало, на материю взгляну, скажу, какая, сколько стоит, а пощупаю да спичкой пожгу — тут и завод определю, и фамилию фабриканта. В текстильном объединении в тканях мало кто смыслил. А тут нэп. Опять цыгане, оперетка... Группа у нас образовалась под видом спортивного общества.... Судить не судили. Покрупней фигуры под суд пошли, а нас сюда. По тем временам легко отделались.

Голос у Корнилова повеселел:

— Недавно ездил в Москву. На месте нашего магазина — новый стоит, в несколько этажей. А дом цел, недалеко от бассейна «Москва». Сестра жива. Звала. А какая мне сейчас Москва? Отвык от больших городов. Пенсию дали. Дочь гидрост приняла, сын — охотник.

Помолчал.

— Ишь, лес-то как во сне ворочается, а в речке рыба плещет. Тут и жизнь наша.

Корнилов вздохнул.

— Поначалу сильно тосковал. Всего пришлось: и рабочим, и в колхозе, и плотничал, и сапоги тачал... Здесь и жену нашел. Детей вырастили. Хорошие дети, здоровые. В городе таких не вырастишь.

Корнилов рассмеялся:

— А продукты-то в Москве в кульках покупал. Смешно. Мы все мешками да ящичками. Когда сами съездим, когда вертолетом забросят.

...Домик у Корниловых маленький, с большими летними сенями. В сенях широкий топчан за расшитой занавеской и такой же широкий гладкотесаный стол. А на нем... Соленые и маринованные грибы и грибочки, ягода всех сортов и способов приготовления, набор молочных продуктов в запотевших (только что из ледника) кринках. И мясо... От жестковатой сохатины до нежной дичи...

— Кушайте, гости дорогие. Не обессудьте. У нас все по-простому, по-крестьянски, — то и дело напевно приговаривала хозяйка.

И, как все сибирские хозяйки, она пристроилась сбоку и почти не притрагивалась к еде, все рассказывала, как нашел ее Коленька и как жили они вместе сначала в поселке, а потом сюда переехали.

— Иосиф, первенец наш, под зиму родился, а тут пора на охоту идти. Сплели кошелку и таскали его по очереди за спиной. Выстрелов не боялся. Привык к выстрелам и переходам.

— Вечером поставим палатку, воды из снега натопим для купания, посильнее разожжем костер. Жарко, как в бане. А под утро мороз, голова к подстилке примерзает, а он спит хоть бы что.

— И никакая болезнь не брала.

Вошел Иосиф. Присел на лавку. Отец строго посмотрел на сына: мол, нечего детям во взрослые разговоры мешаться. Коротко бросил:

— Завтра ребят через озеро повезешь.

— Ладно, — согласно кивнул головой и вышел.

А мы просидели всю ночь. Хозяин с хозяйкой каждой новости рады. О политике поговорили, о жизни. Москву вспомнили. Утро уже высветило небольшое оконце, когда спать пошли.

Нас, гостей, уложили в крохотной комнатке, чистенькой и светлой.

— Культурно живут, — вспомнил я слова Юры Васильева о Корниловых. — Всю тайгу обойди, другого дома с такой чистотой не встретишь.

А утром горячий завтрак. Когда только успела хозяйка!

— И, что вы, — пропела удивленно, — как можно в дорогу без горяченького.

И снова вспомнил слова Юры Васильева:

— У них весь дом на хозяйке держится.

Николай Семенович вышел перед самым отплытием. Пожал каждому руку.

— Ты смотри не задерживайся, — бросил Иосифу, — сегодня же и назад.

* * *

Язевая — красивая река, если смотреть со стороны: по воде широкие сочные листья кувшинок и цветы. Но гибкие стебли наматываются на винт, и мотор хрипит, словно на горле его затягивают петлю. И тогда глушили моторы и снимали с винта длинные стебли с нежными цветами. Они беспомощно свисали с грубых ладоней и пестрой стаей летели к берегу.

Мы ехали на второй лодке и видели, как первый кормчий то и дело свешивается за корму, очередной букет летит к берегу. Иосиф тоже освобождал вал, не сбавляя скорости.

Так ехали мы несколько часов, пока вдали не показалась широкая тарелка Водораздельного озера.

Оно действительно большое, ровное и сплошь покрыто черными оспинами.

— Что это? — спросил я у Иосифа.

— Дно, — невозмутимо ответил он.

— Какое дно?

— Обыкновенное. Озеро-то вроде и не озеро, а болото, только вода сверху. Вот дно и вылезит.

— А что за коридор из шестов?

— Ориентиры. С пути собьешься, пропасть недолго. Попробуй сам.

Я взял весло и попытался оттолкнуться, но никакого упора не почувствовал. «Что за чертовщина!» Нажал посильнее, и весло мягко погрузилось почти до половины.

— Теперь понял? — ухмыльнулся Иосиф.

— А если мотор откажет?

— Скоро увидишь. Вода нынче малая, на моторе через все озеро не пройдем.

И действительно, едва перевалили середину озера, как мотор завыл сильно и жалобно, и за кормой взвился бурый гейзер.

— Приехали!

И мы по привычке полезли за борт.

— Куда! — заорал Иосиф. — Рехнулись что ли!

Ошарашенные неожиданным окриком, мы откинулись с борта в глубину лодки.

— Ухчете в трясину — мигом затянет.

С каждым взмахом к веслу прилипало несколько килограммов грязи, а лодка почти не двигалась.

— Так до вечера к берегу не доберешься, — тяжело вздохнул Иннокентий.

— Это еще цветочки.

Лодка все-таки подавалась вперед. Иосиф потихоньку запустил мотор — пошло вроде, хотя из помпы хлестала сплошная серая масса.

Противоположный берег надвигался неуловимо, и мы видели, что передняя лодка

уже выключила мотор и ее пассажиры всеми подручными средствами копошатся в вязкой грязи. Иосиф дал полные обороты, лодка с ходу врезалась в серое месиво, и мы то-

И сразу за Водораздельным озером — пограничный столб, поставленный еще строителями канала. Справа — Томская область, слева — Красноярский край.

же стали барахтаться веслами и досками сидений, будто въехали в огромную тарелку с жидкой и вонючей кашей. И вокруг, насколько хватал взгляд, растеклась эта каша, и в одном месте просматривалась узкая горловина с чистой водой.

— Канал, — кивнул Иосиф на горловину.

До канала было метров пятьсот-шестьсот, и часа через два под носом лодки зажурчала чистая вода. Съехались. Закурили. Огляделись вокруг.

На берегу свежее костровище, таган, перевернутый обласок...

— Отец, должно, утром рыбачил, — сказала жена Иосифа.

— Должно он, больше некому.

— Пристанем к берегу.

— Ребятам еще до Феди Медного добираться.

— Успеют. От нас до его гидропоста верст десять.

— А дорога как?

— Известно дорога: вдоль берега тайгой да кустарником.

— Нынче к нему не ходили?

— Не получалось. В прошлом году, кажется, случай у отца был.

Нырнув под раскидистую березу, выскочили в широкую заросшую канаву с отвесными берегами — единственный на всем пути искусственный канал из озера к Малому Касу. Другие прокопы только спрямляли извилистость речек.

Помните, сколько споров было, где, как и какой глубины рыть прокоп? С него и началось строительство Обь-Енисейского канала. Сюда пришли первые рабочие, чтобы соединить водоразделы Оби и Енисея. Он так и остался в первоначальном варианте, для средних судов.

— Во-он пограничный столб, — показал на берег Иосиф.

Над обрывом, подавшись к реке, стоял пограничный столб, и корма лодки была еще в Томской области, а нос — в Красноярском крае. На момент лодка замерла и затем плавно перевалила границу Западной и Восточной Сибири.

Мы обменялись радостными взглядами. Теперь совсем немного, и мы на Малом Касе. Полторы тысячи километров взбирались по рекам Западной Сибири, теперь нам предстояло преодолеть почти такое же расстояние, но уже вниз по течению.

А вот и Казанцевский шлюз, и небольшой домик на берегу.

Нас приглашают остаться, подождать обед.

Где там, разве удержишь! Мы согласны заночевать на берегу, среди болот, пусть в самом неподходящем месте, но только на берегу Малого Каса.

Противившись с радушными попутчиками, взваливаем на плечи рюкзаки и в последний раз смотрим на восьмой шлюз. Один вход его, тот, что в сторону озера, перегорожен плотиной из толстых, плотно подогнанных бревен. Эта плотина и поддерживает относительно высокий уровень воды в прокопе. При надобности плотину разбирают, и волна катится по прокопу до самой реки.

Возможно, нам бы удалось уговорить хозяина открыть Казанцевский шлюз, но он на покосе, и нужно ждать до вечера, а солнце только поднималось к полудню. И мы пошли по-над берегом прокопа, отмеряя первые километры в Восточной Сибири.

Глава 4

Давайте вспомним родословную рек, по которым проходит наш маршрут.

Примерно в середине Обь-Енисейского междуречья лежит озеро-болото, или система болотных озер, которые по весне, в большую воду, сливаются.

Чаша Водораздельного озера как бы поднята и имеет два ската: один — в сторону Западной Сибири, другой — в сторону Восточной. На одном скате начинается река Язевая, на другом — Малый Кас. Язевая впадает в Ломоватую, та в Деревянку, Деревянка — в Озерную, Озерная — в Кеть, а Кеть двумя рукавами встречается с Обью. Это Западная Сибирь.

В Восточной Сибири из озера начинается Малый Кас. Малый Кас впадает в Большой

Кас, а Большой Кас — в Енисей. И если плыть вниз по течению, то любая из этих систем приведет в Северный Ледовитый океан. Получается что-то вроде гигантского водного кольца с множеством ответвлений-притоков.

Если расчистить и углубить это водное кольцо, построить на нем шлюзы и плотины — чуть-чуть помочь природе, — получится великолепная голубая дорога, дешевая, мобильная и, учитывая скорость современных судов, достаточно быстрая!

Шаг... Выдираешь ноги и рюкзак... Еще шаг... Все сначала... Еще и еще... До изнеможения, до одури... Даже солнце не может пробиться сквозь прибрежные джунгли. Сырой и душный воздух липнет к лицу, тягуче лезет в сапоги и под брезентовые куртки, противно оседает в легких...

Чтобы не сбиться с пути, долго не решаемся отойти от берега. Наконец, когда становится совсем неважно, сворачиваем в тайгу вдоль вязкого русла высохшей речушки.

Поляна была большая, ровная и укрыта пыльным травяным ковром.

— Смотрите, корова!

— Где?!

— Да вот, следы.

— Большие больно для коровы — лошадь, наверное.

— И для лошади крупноваты.

— Сохатый, братцы, ей-богу, сохатый.

И лежка его.

— Здоровый, черт. Сколько травы примял.

— Совсем свежая лежка.

— Может, мы его и спугнули.

— Смотрите, стог!

— Точно стог. Прошлогодний: сено почернело.

— И другой рядом.

— Теперь близко.

Но мы еще долго шли по мягкой траве, и только Иннокентий видел сквозь траву. У него врожденные способности следопыта. Даже в непроходимых зарослях он умудрялся отыскивать тропу, по которой в последний раз проходили по крайней мере год назад. Вначале мы ему не верили, но когда он раз за разом все-таки находил тропу — мы признали за ним право ведущего и покорились.

Поляна сменилась хвойным перелеском, потом новыми зарослями, и мы, в очередной раз продравшись сквозь тесные переплетения стволов, остановились передохнуть. И...

Сквозь высокую траву прямо на нас шли косцы. Их было четверо. В пестрых широкополых шляпах они походили на жителей прерий.

Возглавлял строй крепкий мужчина с огненно-рыжей бородой. За ним — женщина и двое подростков. Увлеченные работой, они не заметили нас, и мы пошли навстречу.

— Бог на помощь!

Мужчина остановился, снял шляпу, с наслаждением отер потное лицо. Остальные тоже остановились.

— Издалека? — спросил мужчина.

Внимательно выслушал.

— Далеко забралась. Ну, давайте знакомиться. Федором меня зовут. По отчеству Селиверстович, а по фамилии — Кузнецов.

И, перехватив нашу улыбку, добродушно добавил:

— Небось слышали, что меня Медным кличут? Так это в шутку.

Он провел рукой по огненно-рыжим волосам и бороде.

— А это семейство мое. Жена — Машенька, Мария Родионовна.

Подтолкнул коренастых мальчишек:
— Сыновья. Помощники выросли. Стар-
ший — Прокопий, второй — Степан.
Поговорили о том о сем для знакомства.

Вся семья Кузнецовых в сборе.

— Ну отдыхайте. В чайнике холодный кvas. А мы скоренько делянку закончим.

— А можно с вами попробовать? — вы-
звался Иннокентий.

— Давай, коли умеешь.

— Приходилось. Давно, правда.

Иннокентий с литовкой пристроился за младшим, но Степан повел так споро и ловко, что Кеша стал не на шутку отставать, а потом, пробормотав что-то об отсутствии тренировки, и вовсе ретировался.

Степан оглянулся, и, убедившись, что соперника сзади нет, улыбнулся, и в азарте стал нагонять старшего брата.

— Ну-ка, ну-ка, кто ловчее? — подзадори-
вал их отец. — Береги-ка, Прокопий, пятки.

— Так он уже берет, — обиделся Проко-
пий.

— Он и поменьше. Сегодня, однако, пер-
вое место за Степаном.

Прокопий нахмурился и изо всех сил за-
работал литовкой.

Солнце опустилось совсем низко, когда Федор Селиверстович окинул взглядом вы-
кошенную поляну.

— Хватит на сегодня. Роса скоро выпа-
дет. Прокопий, готовь лодку. Степа, собирай
вещи.

Ребята собрали нехитрый инвентарь, при-
хватили пузатый чайник, опустошенный на-
ми, и утащили все под берег. Через несколь-
ко минут там затарахтел мотор.

— Теперь у нас два моториста, — застен-
чиво и гордо улыбнулась Мария Родионов-
на.

— Раньше-то Федя все сам да сам.

— Ладно, Машенька, после разговоры го-
ворить будем, поздно уже.

Кивнул нам:

— Грузите свои мешки.

— Тяжелые они.

— Грузите, чего там. Тут недалеко. Толь-
ко быстрее, а то вон дождь собирается.

И мы впервые поехали по Касу. Проко-
пий направлял перегруженную лодку сбив-
чивым фарватером от одного берега к дру-
гому. Торопился: серая пелена гналась по
пятам, и лодка резала чуть рябоватую по-
верхность воды.

Туча нагнала у самой пристани и хлеста-
нула острым душем. Мы влетели на берего-
вой откос, увидели в глубине поляны дом
с широким навесом, со всех ног понеслись
к нему, и котелок за моей спиной забился
радостной переливчатой трелью.

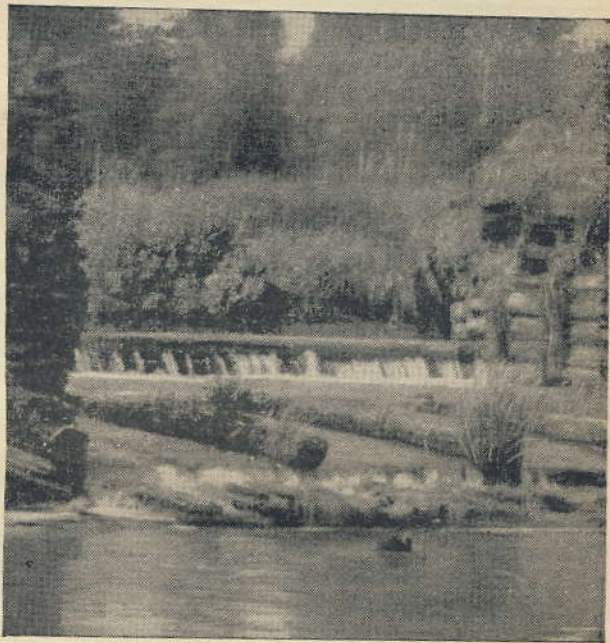
Уф — влетели под навес — откуда он взял-
ся. Целый месяц не видели.

— Теперь начнется, — заметил Федор Се-
ливерстович, — скоро Ильин день. Лето с

осенью всегда слезами встречаются. Того гляди зарядит, а сено не подобрано.

— Работнем денек? — предложил я.

— А я вам помогу до Безымянки добраться. Идет?

Живут Кузнецовы у шлюза «Марьи́на грива».

— Мы уж плот хотели строить.

— И-и-и, плот на Касе — пустое дело. Вода малая, дно каменистое. Сейчас и на лодке от камня не всякий раз увернешься, и через шлюзы на плотках не пройти.

...Мы спали в палатке, раскинутой под навесом. Обычно в ней спят ребяташки, но на эту ночь они перебрались на сеновал. (Нас, курящих, Федор Селиверстович туда не пустил). Над палаткой шумела тайга, и река урчала на шлюзе. Это был девятый по счету

шлюз, и носил он название, по меньшей мере странное — «Марьи́на грива».

* * *

Утро было чудесное, и от воды поднимался пар, и вдоль берега стояли стога свежескошенного сена, и их терпкий аромат доносился до реки.

Как и все коренные сибиряки, Федор Селиверстович начинал дело неторопливо. Разложил вилы, выбрал самые ловкие, прикинул, откуда лучше начать.

— Значит так, — Валерий, Иннокентий и Машенька подгрести, а мы с Прокопием да Степаном — стог делать. Альберт — и тем и другим помогать.

— А вершить кто будет? — спросил Степан.

Федор Селиверстович прищурился:

— Вершить сегодня Прокопию, однако.

— Почему Прокопию, — обиделся Степан, — он уже семнадцать стогов свершил, а я только тринадцать.

— На то он и старший.

— А я что, хуже вершу? — обидчиво и задористо буркнул Степан.

— Ладно, по очереди, один стог — ты, один — он. Кто лучше управится, тому и заканчивать.

У Кузнецова — редкий талант: ловко и незаметно он умеет разжигать в мальчишках страсть к соревнованию. Помогают ли они матери по дому, чистят ли рыбу, или ухаживают за домашней скотиной — всегда — кто лучше, кто быстрее, кто проворнее. Вчера смастерил ребятам ходули — старинная забава сибирской детворы — две длинные палки и посредине ступеньки для ног. Забираешься метра на два от земли и идешь на тонких жердях. Прокопий быстро освоил, даже железную бочку к дому подкатил. А Степан — еле держится. Федор Селиверстович

раззадоривает, а сам Степану советы дает, как сподручнее ухватиться.

Эх, покос! Комар жрет, пот глаза залива-ет, а Федор Селиверстович такой темп задал, что перекурить некогда. Прокопий со Степа-ном хоть бы что — подхватят на вилу копеш-ку, самих из-под нее не видно — и туда-сю-да, туда-сюда, как челноки по поляне.

У нас работа нехитрая — скатывай грабля-ми валок запашистого сена, а без сноров-ки — тяжело. Но поди остановись, когда та-кое соревнование разгорелось.

— Нажимай, ребята! — кричит Федор Се-ливерстович. — Должно, гроза идет!

Обед... Какой там обед. Похватали на хо-ду, и снова кто за вилы, кто за грабли. Ки-пит работа. Растут стога — один, другой, тре-тий...

— Вон она! — кричит Федор Селиверсто-вич и показывает на черную полосу у само-го горизонта. — Нажимай-ай!

— Ве-се-лей!

Стог, еще стог... А полоска на небе прев-ратилась в черную тучу... Ближе... Ближе...

— Э-ге-гей!

Первые порывы ветра ударили в копешки.

— Все за вилы!

И мы с Иннокентием хватаем вилы.

— Быстрей, быстрей!

Степан уже вскарабкался на стог, и мы ки-даем ему под ноги пышные копешки, а он мнет их, прессует, и стог растет, округляе-тся.

— Скорее, скорее!

Рванул ветер, чуть не сдул Степана со стога. Ударили первые капли.

— Руби ветки!

Мы кидаем на стог длинные березовые плети. Степан ловко хватает их, увязывает вершинки в узел.

— Готово!

И мы бежим к лодке, прихватив кто граб-ли, кто вилы, кто чайник с квасом.

— Мотор!

И вместе с ревом мотора на нас обруши-вается тугая лавина. Скрипят деревья, бьет-ся о воду тальник. Все грохочет и несется в бешеном водяном вихре.

Удар! Впереди ослепительной вспышкой разрывается молния. Удар! Теперь сзади.

— Раньше смерти не умрем!

— Поддай, Прокопий.

И снова от громовых раскатов звенит в ушах:

Наконец — пристань. Карабкаемся по ос-клизлому берегу. Падаем, снова карабкаемся и веселой гурьбой бежим к дому.

А дождь все поддает и поддает, и небо полосуют ослепительные трещины.

На крыльце встречает пятилетний Женька, третий сын Кузнецова. Пока старшие на по-косе, он остается в доме за хозяина. И на его попечении две младшие сестренки.

— Обшухиться надо. Штепа, шнимай ша-поги, раштопляй пешку.

Деловито осведомился у Альберта:

— Рыбашить-то после дождя будем?

— Будем, Женька. А черви есть?

— Да жапаш тут немного. Жирные шер-ви, хорошие.

— Тогда рыба наша.

— Ш ведро, может, два, добудем.

В тот вечер они действительно «добыли» два ведра.

— Что делать-то с рыбой? Жалко, если пропадет, а на уху Женька еще днем на-ловил. Ладно, отвезем завтра в Безымянку гостинец.

***

В самый последний момент решили ехать на двух лодках. На первой сидели мы с Фе-дором Селиверстовичем, на второй — Инно-

кентий с Альбертом под командой Прокопия.

Солнце едва показалось над горизонтом. Шлюз «Марьиная грива» лежал в сумеречной тени, и с его подгнивших бревен сбегала пенистая струя.

Провожало нас все семейство Кузнецовых. Женька придирчиво осмотрел лодку и покровительственно заключил:

— Так пойдет.

Постоял немного. Ему, наверное, очень хотелось с нами, но Женька не из таких — раз не берут, значит, проситься бесполезно. Сказал только:

— Шшесливого пути!

...Я пишу эти строчки, а на столе передо мной лежит путевой дневник тех дней — уже знакомая вам записная книжка с желтыми обводами от сырости, с песком и хвойными иголками между страниц, с засушенными комарами. Листая ее, я снова ухожу в мир таежной реки, в прекрасный мир путешествий. А вот и страницы, написанные в то утро и в тот день, когда мы покинули гостеприимный дом Кузнецовых и отправились в путь по Малому Касу.

Запись первая.

«Воет «Стрела». Писать почти невозможно: все время хватаешься за шест — бесконечные мели и перекаты...

Березы и ивы низко склонились над водой и хлещут по лицу. Рыжая борода Ф. С. развевается по ветру — ни дать ни взять флибустьер из пиратского романа.

Великий мотор «Стрела»! Силенок мало, а шуму как от настоящего, но тянет по мелям и перекатам, только успевай помогать шестом».

Запись вторая.

«Опять остановка. Лезем в воду и стаскиваем лодку с мели. В который уж раз! А че-

рез несколько метров снова мель. И так без конца. Представляю, что бы мы делали на плоту, не зная фарватера, когда такие опытные капитаны, как Ф. С. и Прокопий, не могут беспрепятственно пробраться по речушке.

Ф. С. сказал: — Будем пробиваться до последней возможности, но, на всякий случай, готовьтесь оканчивать путь до Безымянки пешком. — И мы с надеждой и тайной мольбой смотрим на реку и вздрагиваем на каждой отмели: как бы она не стала последней.

Помнится, мы мечтали: только бы добраться до Малого Каса. Теперь цель и, судя по всему, тоже не из легких — добраться до Енисея».

Запись третья.

«До чего же гостеприимной кажется тайга, когда плывешь вдоль крутых берегов на надежной лодке, с надежными проводниками!

Полянка на берегу будто специально создана по эскизу доброго и талантливого художника для семейного пикника. Тенистая речка, мягкая трава... А по краям — сосновый бор.

Рядом — русло высохшего ручейка, и над ним плотным сводом сомкнулись густые заросли.

— Пристанем? — спрашивает Федор Селиверстович.

— Зачем?

— В прошлый раз проезжал — падалью несло.

Поднял со дна лодки ружье. Крикнул:

— Эй, Альберт, заряди-ка пулями оба ствола да держись поближе к берегу.

И повернулся ко мне.

— Пошли.

Входим под своды леса. Сырая духота. Огромные обглоданные и искореженные кости. И череп такой же огромный с ветвистыми рогами.

— Кажется, сохатый. Кто ж его так?

— Глянь на дерево — узнаешь.

Задираю голову.

— На ствол смотри.

Клочки бурой шерсти пристали к корью.

— Чесался от сытости.

— Медведь, что ли?

— Он самый. Сохатый реку переплывал, а он с обрывчика укараулил.

На крутой бережок ручейка вела вытоптанная когтистыми лапами тропа.

— А... того...

— Ушел, поди. Кости другое зверье очистило.

С опаской поднимаемся на обрыв.

— Точно. Здесь и таился.

Федор Селиверстович показывает вмятину в кустарнике.

А река журчит тихо и приветливо, будто и не было никаких трагедий на ее берегах».

Запись четвертая.

«По берегам, что ни откос, — следы медведя или сохатого. Иногда — следы оленя. Редко. Раза два всего и видели. Раньше полно в этих краях оленя водилось — и дикого, и домашнего.

Заяц выскочил. Замер с перепугу. И пулей в кусты. Заячьими следами все берега исписаны.

...Выдра. Только ее и видели.

— Много ее развелось. Всю ондатру повывела. Соболь начал белку выводить. Выбили соболя — белка опять пошла. А что с белки толку — рубль со шкурки. А соболь — месячная зарплата.

...И снова тихая речка и испещренные следами берега. Утка пыхает под носом лодки.

Ее тут великое множество, но Федор Селиверстович, хоть и охоч до всякой живности, ружья не поднял и нам не разрешил:

— Кабы с голоду помирали, а попусту истреблять не резон: с выводака корысти не много, что воробьи утята».

Последняя запись в блокноте — перед десятым шлюзом. Над ним домик. Шлюз плотной перегороден, а у самого края узкий лоток водоспуска, и река несется по нему, круто обрываясь водопадом.

Федор Селиверстович с Прокопием к берегу пристали, велели нам с рюкзаками обойти по суку: мало ли что, лодка перевернется — имущество утопим. Лучше с подстраховочкой.

А сами понеслись в стремнину. Федор Селиверстович благополучно прыгнул, только фонтан брызг выше лодки взвился. А Прокопий черпанул.

— Ух ты, думал на дно нырну!

— А зачем мотору обороты сбросил?

— Так несет, аж стены сливаются.

— То-то и есть, что сливаются. Такие порожки только с разгона брать. Прозевал — теперь вычерпывай.

И снова запели моторы и поплыли мимо крутые берега. И чем дальше, тем выше и выше. Вот уж и яры пошли, блестят на солнце — глазам больно.

И снова Федор Селиверстович направляет к берегу.

— Дальше пешком пойдете.

— Река вроде ничего?..

Улыбнулся:

— Я не о том. Скоро речка Безымянка начнется. Мелковата она для такого груза, и петля здоровая. Тайгой — рядом. Один со мной, двое — с Прокопием. Он дорогу знает. Кто останется-то?

— Я, наверное, — предложил Альберт.

Мы с Иннокентием не возражали и потянулись к рюкзакам.

— Оставьте их, — рассмеялся Федор Селиверстович.

Взобрались на высокий яр, и лодки снизу стали маленькими, как игрушечные кораблики.

— Пошли, что ли? — сказал Прокопий.

— Ты впереди, дорогу показывай.

— А чего ее показывать, вон тропа.

От яра и впрямь вела торная тропа. Идти по ней налегке — одно удовольствие. Можно собирать ягоду, а ее тут тьма-тьмушая.

Прокопий идет впереди наметанным шагом. Так ходят опытные таежники. Если поперек тропинки лежит бревно — рассчитают, чтобы одну ногу поставить у самого края препятствия, а другую за ним. Ни один таежник не станет скакать на бревно, если его можно перешагнуть: дыхание сбивается. Из поколения в поколение отрабатывалось искусство ходьбы. Коренные жители передали его русским поселенцам, а те — своим детям. Так и дошел до наших дней неторопливый, расчетливый таежный шаг.

Я спросил Прокопия:

— Сколько можно пройти в день?

— Кто знает, — не оборачиваясь, ответил он. — До школы, в Луговатовку, шестьдесят километров — за день со Степаном управляемся.

— Шестьдесят километров? — искренне удивился я.

— На охоте по несколько дней из тайги не выходим, и все на ногах... Вот сверток на Луговатовку, — показал Прокопий на развилку, а прямо — к Безымянке. Отца, поди, на целый час обгоним.

Скоро вышли на пологий берег речушки, а на другом, обрывистом, раскинулось село.

Под обрывом, у речки, ребяташки с удочками.

— Э-ге-гей, — крикнул Прокопий, — плыви кто-нибудь сюда!

Шустрый постреленок лет семи забрался в обласок и, ловко работая веслом, мигом переправился к нам.

— Высший класс, — восхищенно показал я Иннокентию на мальчишку.

— Это вы про обласок? — улыбнулся Прокопий. — У нас Женька на нем плавает. Са-

дитесь, по одному перевозить буду, а то ищете на виду у всей деревни.

На обрывистом берегу стояли несколько мужчин с густыми нестриженными бородами — потомки старообрядцев, основавших некогда Безымянку.

Подошли, поздоровались. Нам ответили искренне и сердечно, пригласили в дом.

Большое летнее помещение — хоть бега устраивай. На стропилах — хомуты, шлеи, косы, грабли — полный набор крестьянского инвентаря. Все развешено аккуратно, и земляной трамбованный пол выметен до блеска.

Пока мы с любопытством рассматривали просторную пристройку, из зимнего помещения вышел хозяин. Представился чинно:

— Коробейников, Марк Илларионович.

Уже знакомые с местными обычаями, мы предъявили документы.

Потом, не зная с чего начать, вяло рассуждали о погоде, о видах на урожай грибов и ягод. Марк Илларионович слушал, уточняя ягодные места, поправлял. Места окрестные он знал как свою собственную квартиру.

Наконец, исчерпав весь арсенал общих фраз, я решил сесть на своего любимого конька и спросил о заготовке грибов и ягод, а Кеша — про новые закупочные цены на пушнину. И попали в самую точку: Михаил Илларионович Коробейников оказался местным заготовителем.

Уходили и приходили сельчане. Присаживались. Прислушивались. Иногда вставляли две-три фразы.

— Так что же вы заготавливаете?

— Все. Ягода начинается — ягоду, грибы пойдут — грибы, зимой зверя, птицу...

— А какую ягоду?

— Какой пора настанет.

— Но ведь черника и морошка не промысловые?

— Кто это вам сказал? Наши женщины рублей по двести в месяц на них зарабатывают...

— Как же вы ее храните? Она нежная — день-два и выбрасывай.

— Зачем выбрасывать, варенье варим. Нам сахар для варенья специально завозят по сниженным ценам. Когда ягоды немного — жена справляется, а если урожай богатый — других женщин на помощь зовем.

— Значит, из всех ягод вы варенье варите?

— Зачем из всех. Какая для чего идет. Черника, например, или морошка — только на варенье, бруснику заливаем сиропом. А клюкву — у нас ее пропасть по болотам — морозим.

— А грибы?

— Эти тоже с толком. Одни для соления, другие — для сушки. Работы всем хватает. Иная жена больше мужа денег в дом приносит. С охотой у нас в округе не густо: больше на Енисей ездят.

— Как же вы все вывозите? Вертолетом?

— Зачем вертолетом, — рассмеялся Марк Илларионович, — вертолет денег стоит — никакие соления-варенья не оправдают. С Енисея по весне баржи приходят. Нам продукты привозят, товары, от нас — ягоды да грибы. Два рейса, а иной год и три успевают сделать...

Да, чуть про орехи не забыл. Самый верный заработок. Кто порасторопнее — в урожайный год при крупных деньгах.

Мы вышли на улицу. Дома — хоромы: один одного лучше: на крышу посмотреть — голову задирай, в ширину — хоть на мотоцикле.

— Леса кругом полно, — заметил провожатый. — Каждый и строится во что горазд.

Федор Селиверстович и Альберт уже поджидали нас. С ними сидел хозяин, как все жители поселка, голубоглазый и русоборо-

дый. Приветливо протянул шершавую ладонь, пожал, даже кости хрустнули:

— Михаил Савельевич Шаламов. Проходите в дом, что на улице сидеть.

Пол в комнатах устлан мягкими узорчатыми ковриками.

Живут потомки старообрядцев по-прежнему чинно и чисто. А от старых обычаев сохранились только живописные бороды. Один человек на все село гладко выбрит — учитель местной школы. Он уже много лет учит ребятшек. Однажды уехал, и весь поселок горевал о нем, но не прошло и года — вернулся.

И еще, не в обиду будь сказано другим нашим селам, за все время мы не услышали в Безымянке ни одного бранного слова, хотя попали в самый разгар традиционного праздника — прощания с летом. В каждом доме — застолье, и, прими мы все приглашения, назад к Шаламовым вернуться не хватило бы сил.

За стол садятся чинно, без шума и сутолоки, и все гости едят из одной чашки — хозяйка только успеваешь подливать. Когда гостей много, хозяйка ставит вторую, третью чашки, чтоб всем легко дотянуться. Входили новые и новые гости, здоровались, садились за стол. Я специально наблюдал за ними — никто ни разу не перекрестился на икону.

Вышли на улицу. Сели на крыльце, любясь закатом. Курили, и дымок сизыми струйками поднимался к небу.

Курение у старообрядцев считалось одним из самых тяжелых грехов. Именно в курении, в бритых подбородках да в учении видели они происки латинян.

Что ж, первую заповедь неплохо бы сохранить и до наших дней. А со второй... ну, здесь мода, а над ней ни одна религия не властна. С третьей заповедью... Школа в поселке существует с первых лет советской власти, и многие ее выпускники окончили институты и техникумы.

Когда мы уже выкуривали по второй самокрутке, когда переговорили и о жизни в городах, и о последних событиях (а события в стране и за рубежом здесь ловят особенно чутко), зашла речь и о нашем путешествии. Долго судили и спорили, долго прикидывали и так и сяк, пока кого-то не осенило:

— Так ведь Игнат собирался в Ярцево.

И все пошли к Игнату.

Игнат сидел за столом в окружении своего многочисленного семейства и решал сложную проблему — старший сын засобирался в город. Не хочется отпускать парня, и отец строжится:

— Так и знай, помогать не буду. Вон их сколько, — выразительно обвел восседающее вокруг стола семейство, — и всех кормить, поить, одевать надо.

— Буду работать и учиться в вечерней, — упорно цедил сквозь зубы сын.

— В городе — специальность нужна. Это тебе не с ружьем по тайге ходить.

— И с ружьем не умел ходить — научился. В городе тоже специальности научат.

— Так ладно будет, — начал сдавать позиции отец. — Смотри с кем попало не связись. Зимой, охота кончится — приеду, посмотрю, как устроился.

— Ладно, будет, приезжай. Вон гости к тебе.

Хозяин обернулся.

— А коль гости, прошу к столу.

— Мы по делу, Игнат Петрович.

— Дело и за столом решить можно, так сподручнее будет.

— Они с тобой на Енисей проситься пришли.

— Скоро ехать-то надо?

— Чем скорее, тем лучше...

— Завтра ладно будет?

— Да мы, Игнат Петрович, и подождать можем.

— Зачем ждать, раз скоро нужно. В бане-

то давно были? Поди, попариться не откажетесь?

— Неудобно, право...

— Утром в баню, потом поедem. Так ладно будет.

...Ранним утром кто-то тормозит меня за ногу. Открыл глаза — Игнат Петрович.

Мы ушли от Зибзеевых под утро, и спал я, судя по жидкому рассвету за окном, не больше трех часов. Выходит, Игнат Петрович совсем не ложился, а впереди — дальняя дорога.

— Буди ребят. Баня простынет.

Я вскочил.

— Подъем, братия!

Минут через пятнадцать от нас клубами поднимался сухой, ядреный пар, и в этом густом пару растворялись и усталость, и тяжесть от вчерашнего гостеприимства сельчан.

А потом все село вышло провожать на берег, и кто-то уже заботливо уложил в лодки наши рюкзаки.

Мы фотографировались и обменивались адресами. Прощание явно затягивалось. Игнат Петрович решительно шагнул к двум стоящим у причального мостика распивам, скрепленным прочным стальным канатом, и завел мотор. Он властно взревел, и мы поняли, что пора садиться в лодку.

— Вперед, и только вперед! — радостно крикнул Альберт.

Резкий толчок кинул его на дно.

Игнат Петрович крикнул сыну: «Иван, держи руль!». И дал мотору полный газ.

Я давно заметил одну закономерность бескорыстия — чаще всего она свойственна людям многодетным. А в этих краях и семья не семья, если нет пяти-шести ребятишек.

И каких ребятишек! Все один к одному крепыши, только вот ростом никто не выдается. — Рост-то от легкости жизненной, — философски заметил Федор Селиверстович, — а у наших ребятишек какая легкость: с малых лет к крестьянскому труду приспособлены, вот и раздаются в плечах, а вверх не тянутся.

Не знаю, хорошо это или плохо с точки зрения педагогики, но, по-моему, городским ребятам не хватает именно этой закалки. Слишком легкой и беззаботной жизнью окружают их с раннего детства. Может, потому и поднялся средний рост городских ребят, и тянутся они вверх оранжерейными растениями.

Я долго всматривался в Ивана. Он влило сидел на корме, ловко орудуя веслом. Один из нас попробовал заменить его на руле, и лодка тотчас же села на мель. Иван покровительственно улыбнулся и больше не отдавал кормового весла. И потом мы много раз убеждались, что ему ни о чем любые невзгоды.

И еще я вспомнил, с какой грустью провожали Ивана его сверстники и старшие. Говорили, что без него совсем пусто станет в поселке.

— Почему? — удивился я.

— Как же, первый музыкант.

Играл Иван действительно здорово. Брал то мандолину, то гитару, то баян, то обыкновенную гармонику, и каждый инструмент в его руках то пел протяжно, задумчиво, то раскатывался залихватским весельем...

— И все сам, — гордо похвалялся нам старший Зибзеев, — не заметили, когда и выучился.

Теперь он тоже становился горожанином, таким же, как и наши длинные парни, только застенчивости, природного добродушия и доверчивой любви к людям, да крестьянской практичности у него побольше...

* * *

Изогнувшись, Безымянка с ходу ударила в Малый Кас, и лодки закачались на крутые волнах.

Игнат Петрович стоял на руле, выпрямившись во весь рост, зажав под рукой длинную рулевую палку — привод. Было жарко. Он разделся до пояса, и комары отскакивали от него на полном ходу лодки, и казалось, что им не за что зацепиться на обтянутом гладкой кожей могучем торсе.

Снова Малый Кас. Снова мы летим на полной скорости к Енисею, и волны от первой лодки упруго бьются в нашу, привязанную стальным тросом.

На первой лодке — Игнат Петрович, на второй уместились мы со всем снаряжением, продавец безымянского магазина, путешествующая в Ярцево по неотложным делам, и на корме — Иван, тоже с изрядным количеством пожитков.

А лодка у Зибзеева особенная. Игнат Петрович сработал ее по специальному заказу енисейского знакомого — целый речной корабль, но с такой мизерной осадкой, что мы легко проскакивали даже там, где до дна можно дотянуться рукой.

Перед отъездом из Безымянки Игнат Петрович набил полные карманы гвоздей.

— Уж не плот ли сколачивать будем?

— Бензин да гвозди на малых реках первое дело.

И чем дальше продвигались мы по Малому Касу, тем понятнее становился мне плотницкий запас Зибзеева. Хоть винт и предохраняла лыжа, мотор то и дело переходил на дискант: «летела» шпонка, и Игнат Петрович доставал из кармана очередной гвоздь и вставлял его вместо шпонки, и мотор снова пел нормальным голосом. А лыжа...

О, это мудрое изобретение. На дно ниже винта набивается стальная пластинка, и ког-

Когда мы уже выкуривали по второй самокрутке, когда переговорили и о жизни в городах, и о последних событиях (а события в стране и за рубежом здесь ловят особенно чутко), зашла речь и о нашем путешествии. Долго судили и спорили, долго прикидывали и так и сяк, пока кого-то не осенило:

— Так ведь Игнат собирался в Ярцево.

И все пошли к Игнату.

Игнат сидел за столом в окружении своего многочисленного семейства и решал сложную проблему — старший сын засобирался в город. Не хочется отпускать парня, и отец строжится:

— Так и знай, помогать не буду. Вон их сколько, — выразительно обвел восседающее вокруг стола семейство, — и всех кормить, поить, одевать надо.

— Буду работать и учиться в вечерней, — упорно цедил сквозь зубы сын.

— В городе — специальность нужна. Это тебе не с ружьем по тайге ходить.

— И с ружьем не умел ходить — научился. В городе тоже специальности научат.

— Так ладно будет, — начал сдавать позиции отец. — Смотри с кем попало не связись. Зимой, охота кончится — приеду, посмотрю, как устроился.

— Ладно, будет, приезжай. Вон гости к тебе.

Хозяин обернулся.

— А коль гости, прошу к столу.

— Мы по делу, Игнат Петрович.

— Дело и за столом решить можно, так сподручнее будет.

— Они с тобой на Енисей проситься пришли.

— Скоро ехать-то надо?

— Чем скорее, тем лучше...

— Завтра ладно будет?

— Да мы, Игнат Петрович, и подождать можем.

— Зачем ждать, раз скоро нужно. В бане-

то давно были? Поди, попариться не откажетесь?

— Неудобно, право...

— Утром в баню, потом поедем. Так ладно будет.

...Ранним утром кто-то тормошит меня за ногу. Открыл глаза — Игнат Петрович.

Мы ушли от Зибзеевых под утро, и спал я, судя по жидкому рассвету за окном, не больше трех часов. Выходит, Игнат Петрович совсем не ложился, а впереди — дальняя дорога.

— Буди ребят. Баня простынет.

Я вскочил.

— Подъем, братия!

Минут через пятнадцать от нас клубами поднимался сухой, ядреный пар, и в этом густом пару растворялись и усталость, и тяжесть от вчерашнего гостеприимства сельчан.

А потом все село вышло провожать на берег, и кто-то уже заботливо уложил в лодки наши рюкзаки.

Мы фотографировались и обменивались адресами. Прощание явно затягивалось. Игнат Петрович решительно шагнул к двум стоящим у причального мостика расшивам, скрепленным прочным стальным канатом, и завел мотор. Он властно взревел, и мы поняли, что пора садиться в лодку.

— Вперед, и только вперед! — радостно крикнул Альберт.

Резкий толчок кинул его на дно.

Игнат Петрович крикнул сыну: «Иван, держи руль!». И дал мотору полный газ.

Я давно заметил одну закономерность бескорыстия — чаще всего она свойственна людям многодетным. А в этих краях и семья не семья, если нет пяти-шести ребятишек.

И каких ребятишек! Все один к одному крепьши, только вот ростом никто не выдается.

— Рост-то от легкости жизненной, — философски заметил Федор Селиверстович, — а у наших ребятишек какая легкость: с малых лет к крестьянскому труду приспособлены, вот и раздаются в плечах, а вверх не тянутся.

Не знаю, хорошо это или плохо с точки зрения педагогики, но, по-моему, городским ребятам не хватает именно этой закалки. Слишком легкой и беззаботной жизнью окружают их с раннего детства. Может, потому и поднялся средний рост городских ребят, и тянутся они вверх оранжерейными растениями.

Я долго всматривался в Ивана. Он влило сидел на корме, ловко орудуя веслом. Один из нас попробовал заменить его на руле, и лодка тотчас же села на мель. Иван покровительственно улыбнулся и больше не отдавал кормового весла. И потом мы много раз убеждались, что ему нипочем любые невзгоды.

И еще я вспомнил, с какой грустью провожали Ивана его сверстники и старшие. Говорили, что без него совсем пусто станет в поселке.

— Почему? — удивился я.

— Как же, первый музыкант.

Играл Иван действительно здорово. Брал то мандолину, то гитару, то баян, то обыкновенную гармонику, и каждый инструмент в его руках то пел протяжно, задушевно, то раскатывался залившимся весельем...

— И все сам, — гордо похвалялся нам старший Зибзеев, — не заметили, когда и выучился.

Теперь он тоже становился горожанином, таким же, как и наши длинные парни, только застенчивости, природного добродушия и доверчивой любви к людям, да крестьянской практичности у него побольше...

* * *

Изогнувшись, Безымянка с ходу ударилась в Малый Кас, и лодки закачались на крутых волнах.

Игнат Петрович стоял на руле, выпрямившись во весь рост, зажав под рукой длинную рулевую палку — привод. Было жарко. Он разделся до пояса, и комары отскакивали от него на полном ходу лодки, и казалось, что им не за что зацепиться на обтянутом гладкой кожей могучем торсе.

Снова Малый Кас. Снова мы летим на полной скорости к Енисею, и волны от первой лодки упруго бьются в нашу, привязанную стальным тросом.

На первой лодке — Игнат Петрович, на второй уместились мы со всем снаряжением, продавец безымянского магазина, путешествующая в Ярцево по неотложным делам, и на корме — Иван, тоже с изрядным количеством пожитков.

А лодка у Зибзеева особенная. Игнат Петрович сработал ее по специальному заказу енисейского знакомого — целый речной корабль, но с такой мизерной осадкой, что мы легко проскакивали даже там, где до дна можно дотянуться рукой.

Перед отъездом из Безымянки Игнат Петрович набил полные карманы гвоздей.

— Уж не плот ли сколачивать будем?

— Бензин да гвозди на малых реках первое дело.

И чем дальше продвигались мы по Малому Касу, тем понятнее становился мне плотницкий запас Зибзеева. Хоть винт и предохраняла лыжа, мотор то и дело переходил на дискант: «летела» шпонка, и Игнат Петрович доставал из кармана очередной гвоздь и вставлял его вместо шпонки, и мотор снова пел нормальным голосом. А лыжа...

О, это мудрое изобретение. На дно ниже винта набивается стальная пластинка, и ког-

да лодка со всего хода влетает на камень или корягу — лыжа скользит по препятствию, предохраняя винт от столкновения.

А препятствия на этой стороне Обь-Енисейского междуречья посущественнее. Если на Озерной, Ломоватой и Язевой винты моторов имели дело с корягами и болотными зарослями, то чем ближе к Енисею, тем дно Каса становилось все каменистее. Сначала мелкие камни, потом покрупнее, а на Большом Касе валуны разбивали тугое течение гладкими серыми лбами.

Я снова открываю путевой дневник. Ближе к устью Малого Каса и особенно на Большом Касе впечатления заметно меняются.

«Высокие крутые берега подмывает вода, и они обваливаются, увлекая с собой деревья. Все глубже и глубже вгрызается река в тайгу, и крутые склоны яров усеяны погибшими деревьями, а на берегах целые горы искореженных стволов.

А реке мало. В своей неустанной работе она обрекает на смерть новые гектары тайги, и сама задыхается от обилия добычи: мелеет, топорщится заламами и заторами. Вот где нужен человек — хозяин природы!»

«Река нехотя несет свои прозрачные воды меж крутых берегов. Белоснежные яры взмывают высоко в небо, и оттуда с вышины круто нависают над обрывом кедры, пихты, сосны.

Посреди реки — острова-клумбы. Широкие у основания, они плавно переходят в усеченный конус, сплошь заросший сочной травой. Как умудряется выжить трава в бурное половодье? А может, именно половодье засеивает острова?»

* * *

Первый день пути от Безымянки. Высокие берега сменялись плоской пронзительной зе-

ленью заливных лугов. Редкое жильё по берегам с обязательными остановками и обильным угощением... Яркое, заливающее все вокруг ослепительным светом, солнце...

Однажды Игнат Петрович подогнал лодки к пустынному берегу:

— Дед живет недалеко. Туески делает.

У старинного дома заготовки одна интереснее другой: ковши, расписные чашки и туеса всех сортов и размеров — и все из березовой коры.

— И-и-и, ребятки, продать можно, отчего не продать, да нечего.

— Как нечего? — удивились мы. — Тут же настоящая выставка.

— Может, и выставка, да все заготовки.

Потом посмотрел на наши разочарованные лица и сжалился:

— Пойду в избу посмотрю.

И вынес три туеска.

— Вот, ребятки, на память вам. Попадет от старухи: туески-то я из ее хозяйства позаимствовал.

— Большой спрос на товар?

— Большой, сынки, большой. Помощника бы надо. В старых руках какая ловкость. А все просят — сделай, дедушка. И свои просят, а пуще — проезжие. Который годок к делу этому приловчился. На канале, почитай, в каждом доме моя работка имеется. Жалко такое ремесло с собой уносить. Кабы мальчишка какой смысленный попал, я б его выучил. Доходное ремесло, и людям радость...

Редко по Касу человека встретишь, а жильё и того реже — домик, два, и снова на десятки километров ни души. Пусто и глухо на реке.

Только к вечеру добрались до большого — десятка два дворов — поселка Александровское. Как раз у последнего, четырнадцатого шлюза.

Определились на ночевку в красном уголке. Иван гармонику раздобыл. Народу — полон дом. Танцы. На кругу несколько пар кто во что, по стенкам на тесовых скамейках — семейные, пожилые...

Пришел Игнат Петрович:

— Ну, Иван, заканчивай веселье, завтра чуть свет подниму.

Хватил стакан водки, сочно закусил тугим огурцом:

— В лодку ночевать пойду, вы тут располагайтесь.

Всю ночь шел дождь. Он зябко стучал в запыленные окошки, скреб по крыше, хлопал на улице. К утру поднялся ветер. Захолодил, со злостью расшвыривая по сторонам охапки дождя, обессилив, затихал и снова крутил, перемешивая и землю, и небо, и поселок.

А чуть свет Игнат Петрович уже теребит:

— Быстрее, быстрее, сегодня надо до Нового поселка добраться, не то придется в тайге ночевать в этакую лихомань.

И вот уже последний, четырнадцатый шлюз надвигается на нас сквозь плотную марлю дождя и блеклого рассвета...

Дождь хлещет по лицу, забирается под штормовку — у этой брезентовой робы только название надежное, а промокла в первый же день. И холод такой, что изо рта идет пар.

И только Игнат Петрович неприступно стоит во весь рост на передней лодке, приглядывается из-под руки да поминутно лазит в карман за очередным гвоздем для шпонки.

— Чертова речка, — ворчит Альберт поси-невшими губами.

Наконец и Игнат Петрович не выдержал. Повернул к берегу.

— Костер разводить надо.

Иван вытащил топор, валко пошел в промокшую насквозь тайгу. Постучал по одной сушине, прислушался — не понравилась. По-

дошел к другой, к третьей. Нашел. Стесал мокрый слой. Блеснуло сухое светлое дерево. Построгал топориком и притащил целую охапку смолистой стружки. Запалил. Побежал робкий язычок, вот-вот зальет. Нет, окреп, затрещал радостно. Взвился огонь, только успевай подбрасывать. Пар от мокрых су-щев клубится.

Мы долго сидим вокруг костра и звучно тянем густой, заваренный на брусничных листьях чай.

...И снова окунаемся в речные и небесные хляби. Холод и сырость пронизывают до костей. Согреваемся толстыми самокрутками. Они громко трещат и разбрасывают вокруг искры, и искры тут же гаснут на мокрой одежде.

...Плывем час, другой, третий, четвертый. Берега совсем забрались к небу и продолжают расти с каждым километром. Каменистые прослойки в песчаных откосах, а то и невысокие скалы, и по всей реке валуны с круглыми и острыми лбами.

И ни одного жилья. Ни даже избушки, куда бы можно завернуть, обогреться. Густая мрачная тайга то надвигается и заходит в воду, то отскакивает, обнажая длинные языки песчаных кос.

***

...Снова надвигается тайга. Сколько ж ее здесь! Тысячи гектаров первоклассного леса! Но всего две недели в году сплавляют лес по Касу. Всего на две недели соединяются беспрепятственным водным путем Обь и Енисей. Слишком короткий срок. Что за него успеешь? Забросить продукты в отдаленные поселки, перегнать из одного бассейна в другой несколько рыбацких судов, провести несколько барж. Остальное время — редкие лодки с непрерывной угрозой потерять винт или угробить мотор... И четырнадцать шлю-

зов из помощников становятся препятствиями...

Что ж, так ничего и нельзя сделать?

В одной из своих работ ученый и путешественник, доктор биологических наук Георгий Васильевич Крылов пишет:

«...Идея сооружения по этой трассе большого судоходного канала комплексного значения возникла вновь. Его строительство позволило бы создать между Обью и Енисеем прямой водный путь протяжением 600 километров, который сократил бы провоз грузов из бассейна Ангары и Енисея на 1500—2000 километров. Кроме того, канал, имея отметку на 50—60 метров ниже окружающих водораздельных болот, мог бы стать коллектором для спуска излишних болотных вод и осушения участков».

И словно дополняя Г. В. Крылова, писатель-географ Юрий Константинович Ефремов в книге «Природа на службе общества» пишет:

«...Первоочередной задачей в преобразовании природы большей части Западно-Сибирской равнины следует считать... усиление и ускорение поверхностного стока, и интенсификацию водообмена между поверхностными и грунтовыми водами. Такое решение вопроса улучшит возможности использования самых разнообразных ресурсов Западной Сибири».

Как это сделать? Давайте еще раз вернемся к книге Г. В. Крылова «Страна несметных богатств».

«...Пополнение обской воды более насыщенной кислородом енисейской водой резко снизит или даже ликвидирует заморные явления». И конечно, осветлит и обогатит насыщенную кислородом водой и Водораздельное озеро, и притоки Кети, и саму Кеть.

Но как заставить Енисей отдать часть своей воды? Как направить эту воду в Кеть и Обь? И здесь Г. В. Крылов подсказывает ре-

альный выход. «На канале возможно строительство двух-трех гидроэлектростанций, сопряженных с Осиновской ГЭС на Енисее».

Осиновская ГЭС пока в чертежах.

После долгих споров она «привязана» подальше от устья Большого Каса. Плотины ГЭС поднимет уровень Енисея, и часть воды может устремиться в русло Каса, развернув его слабое течение на сто восемьдесят градусов. Сама природа пришла на помощь человеку веку (русло Енисея выше русла Оби), и ну не помочь ей, и тогда енисейская, насыщенная кислородом вода, потечет в Обь через Обь-Енисейский канал и не только осветлит воду всей системы, но при небольших гидротехнических работах вернет к жизни сам канал.

В выступлении Л. И. Брежнева «Пятьдесят лет великих побед социализма» есть такие слова:

«Хозяйское, рачительное использование природных ресурсов, забота о земле, о лесах, о реках и чистом воздухе, о растительном и животном мире — все это наше кровное коммунистическое дело. Мы должны сохранить и украсить нашу землю для нынешних и будущих поколений советских людей».

На заре нашего государства в годы разорения и голода Владимир Ильич Ленин подписал документы о создании первых советских заповедников. В то время под угрозой полного уничтожения находился растительный и животный мир Центральной России.

А ведь район Обь-Енисейского канала можно сделать если не заповедным, то великим и прекрасным комплексным хозяйством. Под контролем роль должно быть взято все — от самой незначительной, на первый взгляд, травинки до самых крупных представителей животного и растительного мира. Именно здесь, в долине Обь-Енисейского канала, можно создать совершенно новое хозяйство, которое будет давать максимальную прибыль и сохранять

все источники этой прибыли. Проектировать такое хозяйство уже начали.

И еще... Недавно в печати опубликованы данные Центрального научно-исследовательского института типового и экспериментального проектирования лечебно-курортных зданий по теме: «Социально-экономические обоснования развития различных видов оздоровительного отдыха и туризма в СССР. И на вопрос: «Где вы предпочитаете отдыхать?» — 35,1 процента населения страны ответило: в лесу, 29,4 — у реки, озера и всего 26,9 — у моря.

Данные того же опроса обнаружили, что 52 процента отдыхающих предпочитают провести свой отпуск в коттеджах и бунгало, а 23 процента — в палатках.

И, наконец, 95 процентов студентов и школьников, 75 процентов служащих, 73 — рабочих, 56 — домохозяек и 46 процентов пенсионеров предпочитают активный отдых: путешествия, походы, экскурсии.

Значит, идея организации на Обь-Енисейском канале туристского комплекса диктуется самой жизнью...

А лодки все пробивались сквозь завесу дождя, и с каждой минутой, с каждым новым километром все ближе и ближе Енисей.

И вот впереди показался дымок. Дождь на время утих, и из прохудившейся тучи блеснули последние лучи заходящего солнца, освещая тесовые крыши небольшого поселка.

Мы оставили лодки под скалой и, взвалив на плечи рюкзаки, пошли по круто взмывающей вверх улице.

Это и есть Новый поселок. Касовский лесопункт. Отсюда до Енисея рукой подать.

Может, и попали бы мы в тот вечер на Енисей, но Игнат Петрович решил навестить родственников, а Иван — попрощаться с ними перед поездкой в город.

...Что за прелесть бесхитростная сибирская гулянка!

Иван — на почетном месте. Развернул меха гармоники, и стены задрожали, пол ходунном заходил от крепкой, с перестуком пляски. А хозяева знай подливают в стаканы, да обносят холодным, прямо из ледника, квасом.

— Кушайте, гости дорогие, не побрезгуйте угощением.

И гости гурьбой валятся за стол, утираются длинным полотенцем.

— Уф, упарились. Дай кваску, хозяйшка, больно сытной.

А Иван знай выхватывает из гармоники снопы русского наигрыша, и он рассыпается дробным перестуком, перехлестом задиристых бабьих голосов:

Ох, речка течет
Мил по берегу идет,
А я рыбкой подскочу,
К себе в омут утащу...

Эх, топни нога,
Да притопни друга,
Я молоденька вдова,
Мужиков свожу с ума.

Меня маменька рожала,
Вся избеючка дрожала,
Батька бегаёт, орёт:
Какого черта бог даёт...

Тут же рой ребятишек. Вырвалась из круга молодуха, растолкала по кроватям малышню — где свой, где чужой, потом разберутся. И снова в круг:

— Веселись, бабоньки, не каждый день праздник.

И как пошла, как пошла... То плавно, с платочком, то рванется — аж каблуки трещат.

— Вот это гулянка, вот это проводили плямяничка. Вспоминай родню, Ванечка.

— Родню забыть, что заживо умереть. Одному на свете страшно, Ванюша.

Третью ночь не спит Игнат Петрович и держится молодцом: «Чего там, в тайге привычно. За зверем по несколько суток идешь, спать некогда».

Последний отрезок пути по Большому Касу. За ним — Енисей!

...И снова вперед по Большому Касу. Разливается Кас. Шире, шире. И по берегам торчат обсохшие плоты первоклассной деловой древесины. Теперь до будущей весны будут лежать под дождем и снегом.

...Повеселел Игнат Петрович — Енисей близко.

— Держись, сынок, — кричит Ивану — и выводит газ на полный.

Лодки подпрыгнули и понеслись, рассекая последние километры реки.

— О-го-го, — кричит Игнат Петрович и рукой показывает на затянутае дымкой вершины сопки, — вот он, Енисей-ей!

...И вдруг широкий разлив, и по нему мечутся крутые волны с белыми барашками на гребнях.

— Держись, Ванюша, началось.

Зибзеев выводит лодки на крутой вираж, и прямо по курсу вырастают мохнатые сопки.

— Е-ни-сей!

Резко и неожиданно обрывается равнина, а за ней река, широкая и полная, и там, за рекой, взмыли к небу сопки. Слово и впрямь природа разделила на две части Сибирь — болотистую Западную и гористую — Восточную.

С ходу врывается в гущу бурунов, и нас окатывает свежая, чистая вода. Ветер свирепствует на Енисее, но теперь все позади.

— Вперед, Игнат Петрович!

И тут же в борт ударяет такая волна, что лодка перышком заходила.

— Эге, это не таежная река. С таким крававцем поосторожнее.

Зибзеев держит к берегу, примеривается, идет несколько километров сквозь буруны и вдруг резко берет руль на себя. Лодки выскакивают на середину реки, сшибаясь с волнами, несутся к правому берегу. А навстречу — белая сигара туристского теплохода. Начищенный и сияющий, он даже не удостоивает вниманием утлые суденышки. На палубах пусто, отдыхающие разошлись по теплым каютам: кому охота выходить под холодный, пронизывающий ветер.

— Чай, должно, гоняют, — со вздохом замечает Альберт.

— Может, и коньяки. Им чего, у них отпуск.

И теплоход, гордый, блестящий и теплый, шелестит мимо.

Под правым скалистым берегом потише, и впереди приветливый дымок костра.

— Можно на огонек?

— Располагайтесь, чего там.

Неподалеку от костра пышут жаром печи, похожие на первобытные домны.

— Руду, что ли, плавите?

— Зачем руду, известь обжигаем. Кирками от скалы известняк отбиваем и в печь. Прокалится хорошенько и готово. В воду опустить — известка.

В последний раз кашеварим все вместе.

— Угощайтесь, — высокий парень кидает на самодельный столик несколько жирных стерлядок, — наши, енисейские.

Второй — худой и длинный с улыбочивым лицом:

— Тут у нас к стерлядке воришка пристрастился. С вечера нажарим полную сковородку, утром встаем — пусто. Грешили на пастухов. Однажды сижу в палатке, слышу, крадется. Я его оттуда по-русски, а сам выбираюсь, чтоб прихватить. Вылез, гляжу — медведь удирает. Эх, думаю, закон тебя охраняет, а то вкатил бы из обоих стволов, чтоб воровать отучился.

Мы выкладываем на стол все свои припасы, зовем ребят, разливаем уху.

— Так будут канал восстанавливать? — спрашивает высокий.

— Когда-нибудь будут.

— Скорее бы, глядишь, повеселей у нас на Касе жизнь пойдет.

Мы пьем душистый чай, а в двух шагах лижет скалистый берег седой Енисей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 3

Часть первая

РЕКА

Глава 1 9

Глава 2 31

Глава 3 55

Часть вторая

КАНАЛ

Глава 1 81

Глава 2 112

Глава 3 142

Глава 4 163